

**САКСКАЯ КУЛЬТУРА САРЫАРКИ
В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ**

КАРАГАНДЫ-2011

**УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА КН МОН РК
КАРАГАНДИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
КАРАГАНДИНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ГОСИНСПЕКЦИЯ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КРУГЛОГО СТОЛА:

**«САКСКАЯ КУЛЬТУРА САРЫАРКИ В КОНТЕКСТЕ
ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ»,**

посвящённого 20-летию Независимости Республики Казахстан

23-25 НОЯБРЯ 2011 г., г. КАРАГАНДЫ

КАРАГАНДЫ-2011

УДК 902/904
ББК 63,4
С 15

Ответственный редактор — *А.З. Бейсенов*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б.А. Байтанаев, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева (отв. секретарь), А. Касеналин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук, профессор М.Е. Елеуов
доктор исторических наук, профессор В.В. Евдокимов

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии
им. А.Х. Маргулана КН МОН РК

Издание осуществлено в рамках проекта «Сакская культура Центрального Казахстана» (руководитель к.и.н. А.З.Бейсенов) по региональной программе «Культурное наследие» по Карагандинской области

С 15

Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвящённого 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011. – 218 с.

ISBN 978-601-7106-09-6

В настоящем сборнике представлены тезисы докладов участников международного Круглого стола, представляющих различные ведущие центры в области изучения проблем эпохи раннего железного века. Темы, освещаемые исследователями, включают вопросы как теоретического плана, так и прикладного характера.

Блок работ посвящен изложению результатов аналитических исследований материалов археологического комплекса Талды-2, открытие которого в 2010 г. на территории Карагандинской области стало настоящей сенсацией и вызвало широкий резонанс в мировой общественной науке.

Рассматриваются аспекты сложения раннесакского культурного комплекса и его дальнейшей трансформации, особое внимание уделяется архитектуре наземных конструкций памятников, приводятся новые точки зрения относительно локализации племени Сака, обобщаются результаты в изучении объектов сакской археологии по отдельным регионам.

Сборник будет интересен всем, кто интересуется вопросами формирования и генезиса раннекочевнического культурного комплекса (I тыс. до н.э.).

УДК 902/904
ББК 63,4

ISBN 978-601-7106-09-6

© Авторы статей
© Управление культуры Карагандинской области
© Институт археологии им. А.Х. Маргулана
© ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола»

СОДЕРЖАНИЕ

Байсагатов Б.Т. Катъысушыларга арнау сөз	7
Байсагатов Б.Т. Приветственное слово участникам	8
Байтанаев Б.А. Центральный Казахстан – край замечательных памятников . . .	9
Тулеуов Т.С., Кукушкин И.А. Результаты реализации региональной программы «Культурное наследие» по Карагандинской области (памятники археологии)	10
Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии	14
Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Зайков В.В., Блинов И.А. Состав золотых изделий из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан)	21
Исмагулова А.О. Антропологическая реконструкция внешнего облика людей из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан)	26
Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. К вопросу о сложении раннесакского звериного стиля (по материалам курганов Талды-2)	32
Бейсенов А.З., Алтынбеков К. Опыт создания реконструкций костюма и конского снаряжения для Карагандинского областного историко-краеведческого музея (по материалам памятников Талды-2, Тасмола, Аржан-2 и др.)	36
Акишев К. Курган Иссык: ритуал, искусство и социум	40
Хабдулина М.К. «Золотой воин» К.А. Акишева	50
Нурмуханбетов Б., Мухтарова Г.Р. Могильник Иссык – Некрополь Иссык – Археологический комплекс Есик - Рахат – Республиканский государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»	54
Самашев З. Проблемы социально-экономической и культурно-этнической истории древних nomadов Казахского Алтая	57
Толеубаев А.Т. Некоторые проблемы социально-экономического и культурного развития азиатских саков	65
Чугунов К.В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы	69
Тишкин А.А. Этнокультурная ситуация на территории Алтае-Саянской горной страны и некоторых сопредельных регионов в аржано-майэмирское время	78
Алехин Ю.П. Восточный Казахстан и Рудный Алтай в раннескифское время . .	83
Яблонский Л.Т. Саки Приаралья: общее и особенное	88
Боковенко Н.А. К проблеме локализации племени Сака: археологический взгляд	92
Пьянков И.В. К проблеме формирования восточноскифских народов	96
Наглер А. О сакской курганной архитектуре	101

Болтрик Ю.В. Курганы правителей Европейской Скифии (от времени Геродота до «золотой осени»)	103
Дараган М.Н., Подобед В.А. Горизонт Жаботина Северного Причерноморья и хронология наконечников стрел жаботинского типа	107
Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа	117
Курманкулов Ж., Торежанова Н.Ж. Роль и место ювелирных украшений в исследовании чиркрабадской культуры	121
Полидович Ю.Б. Изображения таутеке на навершиях из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля»	123
Лукпанова Я.А. Образ свернувшегося хищника на бронзовых бляхах из курганного комплекса Кырык – Оба II	131
Бедельбаева М.В. История изучения сакской культуры Казахстана	134
Бедельбаева М.В. Проблемы терминологии сакской археологии	139
Омаров Г.К. К изучению раннего железного века Восточного Казахстана	144
Онгар А. К изучению этапов сооружения больших курганов раннесакской эпохи Казахстана	147
Сейтов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы.	149
Тишкин А.А., Усова И.А. «Оленные» камни как источник для реконструкции костюма населения Азии аржано-майэмирского времени (по материалам памятников Монгольского Алтая)	158
Яценко С.А. Костюм кочевой знати восточных областей иранского мира: изображения и остатки в погребениях.	164
Варфоломеев В.В., Рудковский И.В. Могильник раннего железного века Жасыбай 3	168
Мерц В.К. Материалы ранних кочевников с поселений Северо-Восточного Казахстана	170
Ломан В.Г. Керамические комплексы поселений раннего железного века Центрального Казахстана: типологический и технологический аспекты изучения	174
Чотбаев А. Комплекс вооружения раннего железного века Сарыарки	179
Кузнецова Э.Ф., Дегтярева А.Д., Ермолаева А.С. Технология изготовления бронзовых изделий из могильников Шульбинского микрорайона	183
Русанов И.А., Никитин А.Ю., Шиманский Е.О. О технологии изготовления бронзовых удил раннего железного века	192
Мамедов А.М. Новое погребение со столом-ложем на р. Илек	199
Китов Е.Г. Палеоантропологический материал раннесарматского времени из могильника Майтубек I (Западно-Казахстанская область)	206
Сведения об авторах	212
Список сокращений	216

Қадірменді әріптестер, қонақтар!

Бүгін біз кеңбайтақ Қазақ елінің ортасында, Арқа жерінде бас қосып отырмыз! Бүгінгі біздің тақырыбымыз – археология ғылымы тақырыбы! Осыған орай, бүгін бізге көне сақ бабаларымыздың асыл мұраларын ыждағаттылықпен жинақтап, оларды зерттеп, үлкен-үлкен қорытындыларды ардақты халқымызға, жас ұрпаққа беріп отырған сіздер – сақ мәдениетін зерттеуші археологтар келіп отырсыздар! Бүгін біздің төрімізде Германиядан, Украинадан, Ресейден келген мамандар өздерінің қазақстандық әріптестерімен бас қосып, алқалы жиын өткізбекші.

Сіздердің Қарағанды жеріне келгендеріңіз, аса маңызды ғылыми пікірлеріңізді ұсынғандарыңыз біз үшін зор құрмет әрі үлкен қуаныш! Орталық Қазақстан өңірі археологиялық ескерткіштерге өте бай және де мұны сіздер жақсы білесіздер. Бұл бай мұраны зерттеудің өз тарихы, өз ерекшеліктері бар. Іргелі ғылым аясындағы саліқалы зерттеулермен қатар, Қарағанды облысының өз тарапынан бағыттталып және орындалып отырған ізденістер де жоқ емес.

Сонау жарты ғасырдан астам уақыт бұрын ғұлама ғалым Әлкей Марғұлан зерттеген атақты Беғазы қорымы жаңадан жүргізілген қосымша зерттеуден және консервациялық-реставрациялық жұмыстар сатысынан өтті. Ондаған жылдар бойы біршама қирауға ұшыраған бұл жәдігерді біз қалпына келтірдік. Онда қазір қоршау мен абаттандыру сияқты соңғы шаралар атқарылуда. 1980-ші жылдардан бері зерттелген Қызылкеніш сайының ескерткіштері көптен бері осындай рекультивациялық, консервациялық және реставрациялық жұмыстарды күтіп тұр еді. Жуырда мұны да ойдағыдай атқарудың сәті түсті. Ашысу қорымы ертеандронов сатысына тән қызықты деректер берген болатын, сонымен қатар, бұл көне орында қазылған обалар да қалпына келтіріліп, жұртшылық келіп тамашалай алатын жерге айналды десе болады. Басқадай да көптеген археологиялық ескерткіштерді біз зерттеу және қалпына келтіру үстіндеміз.

Археология ескерткіштері саласынан ойға алып отырған әлі де үлкен жоспарымыз бар. Бұғылы мен Ақсу-Аюлы, Атасу сияқты аса құнды көне орындар жаңа зерттеулер мен жөндеу жұмыстарын күтуде!

Әрине, тамаша жаңалық, ғылымға үлкен серпіліс берген Талды-2 қорымының дәл бүгін маңызы да мазмұны да ерекше болып отыр! Бүгінгі әңгімеміздің тұздығы да осы Талды-2, ондағы зерттелген қорғандардың мәліметі. Сіздерге зор денсаулық, ғылыми табыстар тілей отырып, бүгінгі жиынымыз жақсы, нәтижелі өтсін демекпін!

Б.Т. Байсағатов

Уважаемые участники Круглого стола!

Дорогие друзья!

Сегодня мы собрались в центре необъятной Сарыарки – в городе Караганды!

Тема сегодняшнего нашего собрания – это тема археологии, тема исследования сакского наследия. Поэтому, собрались здесь те, которым выпала достойная честь изучения памятников скифо-сакских культур степной Евразии, ученые, которые в течение многих лет проводят раскопки, занимаются научной разработкой проблем в данном направлении.

Мы приветствуем специалистов из Германии, Украины, России, которые прибыли к нам с целью обсуждения интересных вопросов культуры древних номадов. Приветствуем ученых из Института археологии им. А.Х. Маргулана, а также специалистов из Караганды, Астаны, Алматы и ряда других городов Казахстана.

Хочу отметить, что ваше присутствие здесь, дорогие участники, для нас большая честь.

Земля Центрального Казахстана очень богата археологическими памятниками, и вы это хорошо знаете. Открытие и изучение этих ценнейших свидетельств древней культуры имеет свои особенности, свою историю. Помимо научных исследований, осуществляемых в рамках фундаментальной науки, Карагандинская область проводит немало и своих изысканий по теме археологии, по теме обеспечения сохранности археологических объектов.

Изученный А.Х. Маргуланом более полувека назад могильник Бегазы был включен в список памятников, требующих проведения охранных мероприятий. Каменные гробницы Бегазы, медленно разрушавшиеся в течение десятилетий, к настоящему времени отреставрированы, сейчас ведутся завершающиеся работы по благоустройству могильника. Удалось провести работы по консервации и реставрации памятников ущелья Кызылкеныш, где археологические изыскания начали вестись с 1980-х гг. Восстановлены уникальные курганы могильника Ащысу – памятника раннеандроновского периода. Проводились научные работы и на ряде других памятников. Намечены задачи по доисследованию и обеспечению сохранности комплексов Бугулы, Атасу, Аксу-Аюлы и др.

И, конечно, по-особому сегодня звучит тема уникального памятника саков Сарыарки – могильника Талды-2! Центральным пунктом сегодняшнего Круглого стола являются, именно, эти материалы. Позвольте пожелать вам здоровья, научных успехов и плодотворных результатов на сегодняшнем нашем обсуждении!

Б.Т. Байсағатов

Центральный Казахстан – край замечательных памятников

*Н*ачнем с того, что регион неразрывно связан с историей становления казахстанской археологической науки. Как известно, именно сюда в далеком 1946 г. выехала организованная выдающимися учеными XX века К.И. Сатпаевым и А.Х. Маргуланом первая экспедиция Академии наук Казахстана – Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция.

В течение многих лет руководителем ее был А.Х. Маргулан, внесший огромный личный вклад в дело открытия и изучения большого числа памятников как на территории Центрального Казахстана, так и за его пределами.

Его экспедиция сыграла выдающуюся роль в становлении целой плеяды замечательных казахстанских археологов – А.М. Оразбаева, К.А. Акишева, М.К. Кадырбаева, С.М. Ахинжанова и др. Именно в те десятилетия была открыта цивилизация бронзы Сарыарки, новые культуры, памятники, ценнейшие материалы которых и по сей день не теряют свое научное значение для многих регионов степной Евразии. Бегазы-дандыбаевская культура эпохи поздней бронзы получила мировую известность. Была открыта и охарактеризована яркая и самобытная тасмолинская культура раннего железного века, изучены многочисленные памятники средневековья, в числе которых древнетюркские изваяния, курганы кыпчаков, городища. Полученные данные вошли в золотой фонд отечественной науки.

Много сделано и делается в исследовании памятников Центрального Казахстана археологами КарГУ им. Е.А. Букетова. Начиная с середины 1970-х гг., здесь работает солидная группа ученых. Изучаются памятники андроновской эпохи, поздней бронзы, весьма актуальны керамологические исследования.

На земле Центрального Казахстана продолжают свои разносторонние научные исследования специалисты из Института археологии им. А.Х. Маргулана. В последние годы важными оказались работы на уникальном археологическом комплексе Талдысай в Улытауском районе Карагандинской области.

На территории Каркаралинского района плодотворно изучаются памятники раннего железного века. Мировое значение приобрело открытие здесь курганов раннесакской элиты в составе могильника Талды-2. Раскопано всего 7 курганов VII-VI вв. до н.э., давших уникальные материалы по культуре и искусству саков Центрального Казахстана. Курганы Талды-2 вслед за бесшатырскими, иссыкским курганами Жетысу, шиликтинскими и берельскими курганами Восточного Казахстана, открывают многие неизвестные стороны культуры древних кочевников, позволяют наметить ряд новых и перспективных задач и направлений в скифо-сакской археологии Евразии.

Результаты реализации региональной программы «Культурное наследие» по Карагандинской области (памятники археологии)

Региональная программа «Культурное наследие» по Карагандинской области на 2005-2007 годы» принята решением областного маслихата от 11 декабря 2004 г. в соответствии с Посланием Президента народу Казахстана на 2004 год и Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 февраля 2004 г. № 171 «О плане мероприятий по реализации Государственной программы «Культурное наследие» на 2004-2006 годы». Основной целью Программы являлось развитие духовной и образовательной сферы, обеспечение сохранности и эффективного использования культурного наследия страны. В связи с эффективностью реализации первого этапа программы на 2005-2007 гг. было принято решение областного маслихата о Региональной программе «Культурное наследие» по Карагандинской области на 2008-2010 гг.

Реализация региональной программы «Культурное наследие», финансируемой Управлением культуры Карагандинской области, началась в 2005 г. Одним из приоритетных направлений стал археологический сектор. Исследовательские и научно-реставрационные работы развернулись, прежде всего, на объектах, относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку, так как Центральный Казахстан занимает лидирующее положение по количеству и разнообразию памятников этих периодов.

Так, при исследовании элитарного курганного некрополя Ащису в Бухаржырауском районе (руководитель работ И.А. Кукушкин), был получен совершенно новый материал, позволяющий существенно удревнить эпоху бронзы Центрального Казахстана. Погребальный инвентарь, представленный оружием из бронзы, резной костью, кремневыми наконечниками стрел, керамическими сосудами, указывает на рубеж III-II тыс. до н.э. Однако, настоящей сенсацией стала находка тонкостенного медного сосуда на кольцевом поддоне, изготовленного местными мастерами-бронзолитейщиками. На сегодняшний день ащисуский медный сосуд уникален и является пока единственной находкой подобного рода, зафиксированной у скотоводческого населения Степной Евразии во II тыс. до н.э.

Исследование одного из курганов могильника андроновского времени Нураталды-1 в Шетском районе (руководитель работ В.Г. Ломан) привело к открытию пока единственного на территории Казахстана клада бронзовых изделий этого периода. Он состоял из трех ножей срубно-андроновского типа, втуль-

чатых наконечников копья и дротика. Четкая привязка ритуальной закладки к погребальному сооружению открывает широкие перспективы для хронологических синхронизаций и культурно-исторических обобщений, что делает могильник своего рода реперным памятником эпохи бронзы.

В Каркаралинском районе на крупнейшем поселении Кент, расположенном в ущелье одноименного горно-лесного массива, была исследована промышленная площадка Алат (руководители работ В.В. Евдокимов, С.У. Жауымбаев), связанная с горно-металлургическим производством. Были найдены многочисленные изделия из бронзы, литейный брак, металлургические шлаки.

Ярким подтверждением производственной направленности стало выявление хорошо сохранившейся каменной медеплавильной печи с многометровым каналом для подачи воздуха. Зафиксированы также следы косторезного промысла, особенно выпукло представленного уникальным роговым орнаментированным псалием, превосхитившим бронзовые аналоги скифо-сакского времени. Настоящим открытием, безусловно, стали железные шлаки, датировка которых может быть синхронизирована с жизнедеятельностью поселения Кент и отнесена к рубежу II-I тыс. до н.э.

Плановые раскопки могильника Каратугай в Осакаровском районе (руководитель работ В.Г. Ломан) позволили выявить и исследовать целый ряд неогрбленных захоронений эпохи финальной бронзы, что встречается крайне редко. Зафиксированы особенности надмогильных сооружений и погребального обряда, своеобразный набор сопроводительного инвентаря и характерная керамическая коллекция. Этот период хорошо изучен по многочисленным крупным поселениям, но полная ограбленность могильников не дает возможности для полноценного всестороннего исследования всех категорий объектов. Могильник Каратугай стал своего рода недостающим звеном, позволяющим исследовать весь комплекс в целом. Новые данные дают основания для уточнения культурно-хронологической принадлежности памятника и направленности межкультурных контактов населения этого региона.

Благодаря целенаправленным работам на археологическом комплексе Тегисжол (руководитель работ В.В. Варфоломеев), расположенном на левобережье реки Нура (Бухаржырауский район), были исследованы памятники погребального и поселенческого типа. Многочисленные керамические коллекции и вещевой инвентарь позволили существенно углубить наши знания о материальной и духовной культуре населения эпохи бронзы. Раскопки одного из каменных курганов дали также интереснейший материал по раннему железному веку. Были найдены зооморфные бронзовые накладки, украшавшие боевой кожаный пояс, набор наконечников стрел и предметы конской сбруи. Хорошая сохранность вещей в погребальной камере и тщательная фиксация находок позволяют уточнить ряд вопросов по реконструкции одежды и внешнему облику всадников тасмолинской культуры.

Наиболее ярким событием последних лет в археологии Казахстана стало исследование элитного могильника кочевой сакской знати Талды-2 (руководитель работ А.З. Бейсенов). В курганах комплекса зафиксировано около 200 золотых изделий и свыше 22000 мелких украшений. Особенно впечатляющие находки сделаны в пятом кургане, где был захоронен мужчина 30-35 лет, облаченный в парадную «царскую» одежду, украшенную золотыми изделиями, выполненными в скифо-сакском «зверином» стиле. Настоящий «парад» золотых зверей не только подтверждает высокий социальный статус умершего, но и открывает возможности для глубоких семантических реконструкций в области религиозно-мифологических представлений этого периода. Повсеместное появление элитных могильников династического характера начинает демонстрировать значительную социально-экономическую ранжированность общества, вступившего в фазу формирования раннегосударственных образований.

Пожалуй, впервые при раскопках средневекового кургана на могильнике Нураталды-2 (руководитель работ В.Г. Ломан), зафиксирована синхронизация двух обрядов погребения: языческого и мусульманского. Захоронения были совершены в глинобитном мазаре, над которым, в свою очередь, был насыпан земляной курган. Отмечено два самостоятельных захоронения, причем если одного умершего сопровождал погребальный инвентарь в виде наконечников стрел, серьги, кожаного седла, зеркала, гребня, то второе погребение было полностью безинвентарным, как и полагается по нормам ислама. Данные материалы являются, по сути, первым археологически зафиксированным фактом, маркирующим собой начало процесса исламизации обширных внутренних регионов Казахстана. Памятник датируется XIV в.

Широкомасштабные реставрационно-консервационные работы (руководитель А.З. Бейсенов) на могильнике Бегазы (Актогайский район), исследованного в 50-е гг. XX в. академиком А.Х. Маргуланом, позволили восстановить памятник в первоначальном виде. Скальные мавзолеи Бегазы являются своего рода жемчужиной Сарыарки и в такой концентрации более нигде не встречаются. Подквадратные в плане сооружения имеют мощные метровые стены, возведенные техникой строительной кладки из подработанного камня. В качестве скрепляющего материала использовался специально-приготовленный глиняный раствор. Все постройки по периметру облицованы громадными плитами, зачастую превышающими трехметровую высоту. С восточной стороны, как правило, устроен вход в мавзолей, подчеркнутый выложенной камнем дорожкой.

Огромные по тем временам трудозатраты и высокопрофессиональное строительное искусство, монументальность мегалитических сооружений, позволяют отнести некрополь Бегазы к пока малоизученной стороне позднебронзового периода Центрального Казахстана, связанного с появлением раннегосударственных признаков в социальной структуре общества конца II тыс. до н.э.

Реставрационные работы (руководитель И.А. Кукушкин) осуществлены также на раннеандроновском могильнике Ащису. Были полностью восстанов-

лены пять курганов, четыре из которых характеризуют эпоху бронзы, а один – гунно-сарматский период. На ранних курганах были восстановлены утраченные плиты ограждения и предполагаемая высота насыпи. На позднем кургане реконструирована каменная насыпь. Вокруг всех сооружений устроены обходные дорожки из природного плитняка. На отдельной площадке установлен информационный баннер, дающий общее представление как о некрополе, так и по эпохе в целом. Непосредственная близость могильника и транзитной автостоянке, расположенной на междугородней трассе «Караганда-Каркаралинск», позволяет в наглядной форме продемонстрировать древнюю историю Казахстана для самых широких слоев населения.

Таким образом, реализация Карагандинской областной региональной программы «Культурное наследие» позволяет открыть новые страницы в богатейшем историко-культурном наследии Сарыарки и наметить основные направления и дальнейшие перспективы в исследовании истории и культуры древнего Казахстана.

Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии

С амобытной степной культурой, характеризующей регион Центрально-Казахстана в раннем железном веке, является тасмолинская. Первые планомерные изыскания в регионе начались в послевоенные годы работами Центрально-Казахстанской экспедиции под руководством А.Х. Маргулана. Более целенаправленный характер они приобрели с 1957 г., когда в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции был организован отряд по изучению памятников эпохи ранних кочевников во главе с М.К. Кадырбаевым. Особое значение приобрел материал, полученный в ходе исследования групп могильников Тасмола, Нурманбет, Карамурын на реке Шидерты.

В 1960-х гг. М.К. Кадырбаевым была выделена тасмолинская археологическая культура, ареал которой охватывает территорию от Улытау и верховьев реки Ишим до Чингизского хребта (Кадырбаев, 1959; Кадырбаев, 1966). По современным данным, в целом это большая историко-этнографическая общность, включающая регионы Центрального (Бейсенов, 2011) и Северного Казахстана (Хабдулина, 1994), а также Южного Зауралья (Таиров, 2007).

Условный термин для обозначения восточного ареала степных культур скифского времени «сакская культурная общность» предложил в свое время М.К. Кадырбаев (Кадырбаев, 1966, с. 401). Ядром сакской общности М.К. Кадырбаев считал племена Казахстана и Алтая. Сходство культур объясняется их базированием на андроновской основе при наличии локальных вариантов раннекочевнических культурных комплексов (Кадырбаев, 1968, с. 32).

М.К. Кадырбаев лично внес большой вклад в дело открытия и исследования памятников раннего железного века Казахстана. Несмотря на то, что с момента открытия тасмолинской культуры прошло более полувека, задачи, поставленные ученым, актуальны и в настоящее время.

С конца 1980-х гг. исследования в Центральном Казахстане проводит экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством А.З. Бейсенова.

Среди результатов работ важным оказалось открытие в Карагандинской области поселенческих объектов раннесакского времени, а также изучение больших курганов, особенности которых долгое время оставались неизвестными. В настоящее время в Центральном Казахстане изучены десятки поселений, в числе главнейших особенностей которых имеются такие признаки, как расположение

на освещенных верхних склонах возвышенностей, малая площадь, скученный «усадебный» тип застройки, применение большого количества камня и т.д.

Выделена поселенческая керамика раннесакского времени Центрального Казахстана, которая как по внешним, так и технико-технологическим особенностям обнаруживает близость к посуде донгальского времени (Бейсенов, Ломан, 2008).

Актуальными представляются исследования крупных курганов Центрального Казахстана. Данные значительной серии (не менее полутора десятка) дромосных курганов, изученных в могильниках Нуркен-2, Назар, Копя-1, Талды-2, Шерубай-1, а также Карашоки и Акбеит (работы 2011 г.), заставляют по-новому рассматривать проблему позднебронзового (бегазинского) субстрата в формировании культуры ранних саков.

Основные итоги работы в данном направлении еще предстоят, тем не менее, уже сейчас очевидно, что полная неизученность крупных курганов в 20 в. в свое время повлияла на общий уровень научных суждений. Немаловажен и такой фактор – материалы конца 1950-1960-х гг. были получены на Шидерты, на окраине Мелкосопочника, тогда как все крупные курганы находятся внутри него, в глубинных районах. Облик тасмолинской культуры в центральных районах, в границах низкогорий, в настоящее время только выявляется.

В Жетысу особо значимыми в изучении культуры раннего железного века степной Евразии стали Бешшатыр, Иссык, а затем Жалаулы. В Восточном Казахстане после большого перерыва продолжены исследования таких ярких археологических комплексов эпохи древних кочевников, как Шиликты и Берел (Толеубаев, 2011; Самашев, 2011). Научный мир узнал об Аржане-2 (Çugunov, Parzinger, Nagler, 2010).

Эти открытия послужили мощным стимулом в интенсификации научных разработок по скифо-сакской тематике.

Новые открытия казахстанских и российских археологов позволяют исследователям наметить пути решения проблем происхождения и развития раннесакских культур по всему поясу степей Евразии.

В свое время Л.Р. Кызласов отмечал близость погребальных традиций элитных памятников Жетысу и Восточного Казахстана (Бешшатыр и Шиликты) (Кызласов, 1977).

В настоящее время анализ конструктивных особенностей и предметного комплекса позволил скифологам определить хронологическую позицию раннесакского кургана № 5 могильника Шиликты между курганами Аржан-1 (рубеж IX – VII вв. до н.э.) и недавно исследованным Аржаном-2 (середина-2 половина 7 в. до н.э.) (Чугунов, 2006, с. 70).

Материал таких удивительных памятников раннесакского времени как Аржан-2, Шиликты, Талды-2, Жалаулы позволяет наметить основные направления культурных контактов в этот период.

Анализ предметов искусства древних кочевников Казахстана и Тывы показывает их близость в сложных орнаментальных мотивах и особенностях проработки и моделировки фигур зверей, в использовании техники грануляции. Исследование техники исполнения изделий натолкнуло на предположение о том, что мастерские, обслуживавшие кочевнических вождей, возможно, следует искать на юге – на городищах архаического Хорезма. А также, не исключено, что контакты строителей комплекса Аржан-2 в Тыве с Северной Индией и Пакистаном происходили при посредничестве племен Казахстана (Чугунов, 2011, с. 177-180). Разумеется, такие предположения должны быть в дальнейшем разработаны на материалах сакских памятников.

Выдающимся открытием для казахстанской археологии является изучение курганов разновременного могильника Талды-2, расположенного близ села им. К. Аманжолова, в 44 км от г. Каркаралинска в Карагандинской обл. Работы по археологическому изучению памятника были начаты в 2009 г. в рамках Региональной программы «Культурное наследие» по Карагандинской области». В период 2009-2010 гг. было исследовано 7 царских курганов тасмолинской культуры.

Несколько неожиданными и впечатляющими, несмотря на сильную разграбленность, стали для нас находки в курганах, относящихся к раннесакскому времени.

Семь курганов 7-6 вв. до н.э., расположенных в цепочке, ориентированной в меридиональном направлении, образуют ядро могильника. Выявлено, что в кургане № 5 был похоронен мужчина в возрасте 30-35¹ лет. Предварительное изучение костных останков свидетельствует о том, что при жизни он перенес многочисленные ранения, которые свидетельствуют о его определенном воинском статусе.

В кургане № 2 были похоронены мужчина и женщина в возрасте 50-55 лет. В кургане № 4 был погребен мужчина 25-30 лет.

В курганах Талды-2 всего было выявлено около 200 золотых изделий, также свыше 22 000 мелких украшений. Они представлены различными по назначению предметами, выполненными в раннесакском зверином стиле, и поражающими технологией и мастерством исполнения. Количество золотых изделий, монументальность и роскошь погребальных сооружений позволяют предположить, что в могильнике Талды-2 совершались захоронения представителей высокого социального статуса, кочевой элиты (Бейсенов, 2010).

На Мелкосопочнике в течение последнего десятилетия работы по изучению крупных насыпей тасмолинской культуры развернулись прежде всего в Каркаралинском районе. Разведками здесь выявлено несколько десятков курганов высотой более 2-3 м.

В качестве предварительных наблюдений можно отметить некоторые важные особенности в устройстве исследованных курганов. В могильниках Нуркен-2,

¹ Определения антрополога А. Исагуловой.

Назар, Карашоқы, Акбеит для курганов характерным оказалось сооружение большого каменного «юртообразного» склепа, на полу которого совершалось захоронение. Собственно погребальная камера ниже материка представлена преимущественно грунтовой ямой, над которой возвышался мощный каменный купол «склепа», возведенного ложным сводом на высоту нескольких метров. При взгляде с наружной стороны «склеп» превращается в основательную и громоздкую широкостенную каменную насыпь, внутри которой и находилось погребальное пространство.

Казахский мелкосопочник – «родина» плитняка. Последний играет глобальную роль в сооружении больших насыпей погребальных конструкций тасмолинской культуры. Второй элемент, также достойный первоочередного внимания, это глиняные блоки продолговатых форм. Скорее, они играли роль существенного дополнения, и, отчасти, замены плитняка.

В сооружении больших насыпей в памятниках тасмолинской культуры, особенно – при выборе места, как и повсюду в мире ранних саков Евразии, соблюдался ряд общих условий. Одно из них, это наличие достаточного земельного пространства для возведения усыпальниц для умерших представителей элиты. «Достаточность» этого пространства диктовалась, помимо соблюдения общей привлекательности для погребально-поминального ансамбля (цепочка гробниц должна издали хорошо обозреваться, маркировать определенный участок и т.д.), необходимостью организации многодневного быта и трудоемкой, сложной и регламентированной работы большого числа участников процесса строительства. Таковыми участками выступают долины рек. Если мы признаем внутренние особенности населения, кого мы называем «кочевниками», мы признаем посезонную регламентированность всей их жизни (по К.А. Акишеву), а летняя жизнь такого населения протекала в долинах степных рек, больших и малых. Внутри Мелкосопочника соотношение плитняка и глиняных блоков как будто зависит от характера данной «долины». Каменные насыпи с внутренним погребальным «склепом» – более всего характерны для сильно каменистых гряд и сопок, внутри которых выбирались нужные «долины» с наличием того или иного водного источника. Глиняные блоки в таких случаях именно дополняли большую каменную насыпь, составляя «второй стратиграфический элемент», но, обязательный, наличествующий практически во всех больших курганах.

Могильник Талды-2 расположен в большой, широкой и ровной долине с мягкой почвой – на берегу реки с интенсивной протокой, с достаточно дальним расположением выходов плитняка. Возможно, эти условия сыграли роль в том, что здесь глиняные блоки как бы становятся «первым стратиграфическим элементом». Камень, а именно колотый камень небольших размеров, здесь уложен вокруг могилы на небольшую высоту, поверх которой мы фиксируем уже мощный слой из глиняных блоков. Предстоящие анализы должны рассеять наши сомнения о природе данных блоков, мне кажется, в Мелкосопочнике в них участвует речной ил, который призван закрепить разнородный грунт (пе-

сок, глина – попеременно). Среди шести раннесакских погребальных сооружений Талды-2 в пяти курганах, расположенных в цепочку, именно таково устройство насыпей. В одном кургане (№ 6), находящемся чуть в стороне от основной линии цепи, мы наблюдаем тот же купольный каменисто-глиняный «склеп». Этот курган был изучен одновременно и параллельно с остальными курганами, фиксация здесь купольного сооружения послужила в ходе полевых работ дополнительным стимулом для исследования особенностей земляной части у остальных пяти курганов. Скорее, в них глиняные блоки также участвовали в возведении какого-то сооружения, а не играли роль сплошной набивки. От рук грабителей всегда страдает центральная часть курганов. В этом отношении, Талды-2 не исключение. Особенности центральной части в кладке глиняных блоков в таких курганах должны быть изучены особо, сейчас можно лишь предположить, что и здесь, вероятно, мы имеем дело с купольной постройкой. Быть может, каменная насыпь, подковообразно уложенная вокруг ямы (с оставлением разрыва для дромоса), служила опорой этого сооружения с умышленно низким глиняным сводом.

В изучении сильно каменистых сооружений больших курганов нельзя обойти один момент, связанный с некоторым гипотетическим характером ограблений таких насыпей. Большие курганы с каменными «склепами» оказались чрезвычайно сильно ограбленными. Предположительно, на это повлияло, помимо ряда других, возможно, более веских причин, именно описываемое устройство памятников. «Склепы» эти внушительные, выложенные из больших плит, внутренняя часть их выполнена на связующем глиняном растворе. Благодаря этому, погребенный не оказывался засыпанным обрушившимся сверху грунтом и мелкими камнями. Грабитель, пробивший такую каменную стену, похоже, получал хорошую возможность приступить к «делу», находясь в относительно просторном и свободном помещении, с покойником, выставленным на «обозрение». Надо думать, по-другому обстояло дело в курганах Талды-2 с глиняным куполом, не зря здесь уцелевшие останки погребенных, с золотыми вещами, находились попеременно с глинистым грунтом, с комкастыми фрагментами описываемых блоков.

Окажутся ли более архаичными каменные «склепы» – покажет время. Хронология больших насыпей курганов тасмолинской культуры должна быть разработана на датирующем материале. Скорее, все изученные большие насыпи или синхронные или хронологически близкие между собой. Некоторые особенности новых находок (2011 г.) не исключают это положение. Например, ажурное изображение кошачьего хищника, вырезанное из фольги желтого цвета, и крупная золотая серьга с конусовидной подвеской из Карашоки, золотая обойма талдинского типа с изображением четырех кошачьих хищников из кургана № 1 могильника Акбеит.

По горно-долинной и степной полосе Евразии протянулись наиболее крупные поминально-погребальные комплексы скифо-сакского времени, которые,

возможно, маркируют отдельные (но взаимосвязанные) центры культурных общностей ранних кочевников: Забайкалье-Монголия, Саяно-Алтай, Казахстан (Сарыарка, Восточный Казахстан, Жетысу, Приаралье ...), Средняя Азия, Северное Причерноморье. При этом в силу ряда причин территории Казахстана, Саяно-Алтая, вероятно, Монголии, которые связаны тесными контактами и тяготеют друг к другу, значительно отличаются от культурного образования в Северном Причерноморье. Эти локальные центры в раннесакское время прослеживаются по таким памятникам, как Аржан, Шиликты, Тагискен, Жалаулы, Келермес... Теперь к ним добавился Талды-2.

Очевидно, что вдоль степной зоны действовали не только связующие факторы, но и миграционные пути. Единство культур хорошо проявляется в практически одинаковых изделиях, декорированных в скифском зверином стиле, по назначению представляющих одни и те же предметы, в близости погребального обряда и др.

В целом, находки, полученные в курганах могильника Талды-2, представляют собой своеобразное звено, занявшее логичное место в цепи раннесакских изображений звериного стиля. Эти изделия, связанные единым художественным стилем, изобразительным канонам, внутренним смыслом, – протянулись от памятников Тывы, Северного Китая и Монголии через Восточный Казахстан, Сарыарку и Жетысу до Приаралья и далее на запад по великому поясу Степи.

Об особой роли именно этого набора анималистических образов говорит устойчивый состав изображений животных и фантастических существ, которые встречаются практически во всех памятниках раннесакского времени.

Если рассматривать перечисленные памятники в хронологической шкале, то, на сегодняшний день их датировка представляется следующей: наиболее ранний памятник – Аржан-1 в Тыве (рубеж 9-8 вв. до н.э.), Шиликты, курган № 5 (8-начало 7 вв. до н.э.), Шиликты/Байгетобе, Тагискен (7 в. до н.э.), Талды-2, курган № 2 (середина-вторая половина 7 в. до н.э.), Аржан-2, Жалаулы (конец 7 в. до н.э.), Талды-2, курган № 5, Карашоки, курган № 1 (рубеж 7-6 вв. до н.э.).

Возможно, эти даты свидетельствуют не только о мощных миграционных потоках идей и их носителей, но и о формировании на общей основе единой в принципе раннесакской культуры.

Огромные пространства Сарыарки вобрали в себя достижения культур предшествующей эпохи и разных народов, проходивших через Степь, расположившуюся в сердце материка, между северными лесными таежными племенами, южными оседлоземледельческими цивилизациями, жителями пустынных западных районов и горной страной Саяно-Алтая. Мощная внутренняя база и инновации нового населения создали степную кочевую цивилизацию в сердце Евразии, определившую последующее развитие истории Великой Степи и соседних регионов.

Литература:

Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения – 2010: матер. II междунар. научн. конф. – Актобе, 2010.

Бейсенов А.З. Тасмола зерттеулері. Талды-2: Сарыарқа сақ патшаларының қорымы // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): Қазақстан тәуілсіздігінің 20 жылдығына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы 2011. – 175-188 б.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы, 2008. – 264 с.

Кадырбаев М.К. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (7 в. до н.э. – 6 в н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1959.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303-433.

Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука. – С. 21 – 36.

Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. – 1977. – № 2.

Самашев З. Берел зерттеулері бойынша қорытынды деректер // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): Қазақстан тәуілсіздігінің 20 жылдығына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы 2011. – 120-155 б.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – 274 с.

Толеубаев А.Т. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): Қазақстан тәуілсіздігінің 20 жылдығына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы 2011. – с. 156-174.

Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: матер. Всерос. археол. съезда (23-28 октября). – Новосибирск, 2006. – Т. 2. – С. 69-71.

Чугунов К.В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения – 2011: матер. междунар. археол. конф. (20-22 апреля). – Астана, 2011. – С. 177-182.

Хабдулина М.К. Степное Пришимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ғылым, 1994. – 170 с.

Çugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Berlin, 2010.

Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Зайков В.В., Блинов И.А.

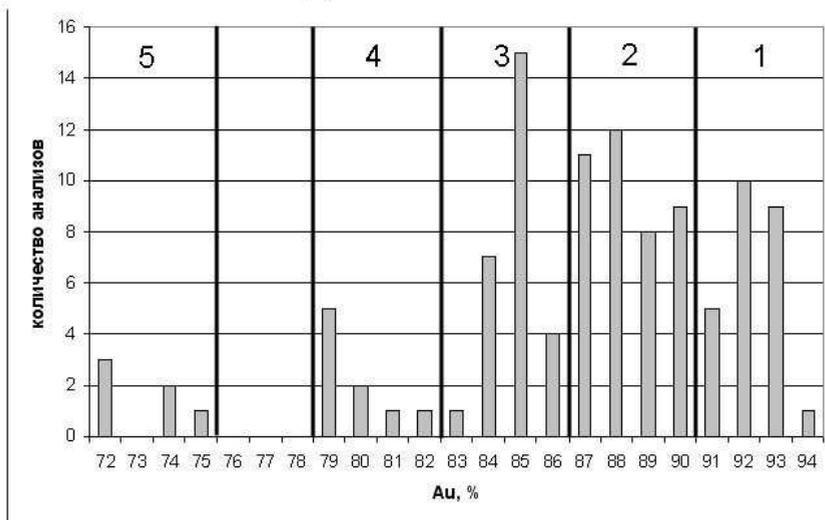
Состав золотых изделий из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан)

Могильник Талды-2 находится в 300 км от города Караганда близ села имени К. Аманжолова Каркаралинского района Карагандинской области, у подножья Кентских гор. Работы на могильнике проводились экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством А.З. Бейсенова в рамках Региональной программы «Культурное наследие» по Карагандинской области. В результате раскопок 2010 г. в курганах № 2 и № 5 были выявлены золотые предметы. Курган № 2 имел диаметр 55 м и высоту насыпи около 3,5 м; диаметр насыпи курган № 5 – 30 м, а высота – 2,1 м.

Курганы датируются VII – VI вв. до н.э.

Изучение состава золотых изделий проводилось портативным рентгенофлуоресцентным анализатором INNON-X α 400 Института минералогии УрО РАН (оператор И.А. Блинов). Было выполнено 146 анализов по 33 предметам. Аналитический материал представлен в таблице средних значений (табл. 1). На основании таблиц частных анализов составлена гистограмма содержаний (рис. 1) и дана геохимическая характеристика предметов.

Группы значений:

Гистограмма распределения золота в золотых изделиях из кургана Талды-2

По полученным данным изделия имеют общий диапазон содержаний золота 72–94%. На этом фоне выделяются следующие группы значений, соответствующие определенным составам золотоносного расплава (%): 94–91, 90–87, 86–83, 82–79, 75–72. Принадлежность предметов к этим группам показана в табл. 1. Практически все анализы показывают низкое значение меди (0,2–2,8%), которое свойственно природному золоту. Примерно в половине анализов установлена примесь олова (0,1–1,1%), а в двух предметах – никеля (0,1–0,2%). Эти примеси, по-видимому являлись лигатурой для улучшения свойств изделий.

Пронизи в виде рифленых трубочек из кургана № 2 характеризуются тремя группами составов. К первой группе относятся изделия Т2-П1, Т2-П4, Т2-П5, Т2-П7, Т2-П8 и Т2-П9, состав которых (мас. %): Au 90,2–97,0; Ag 5,9–8,1; Cu 0,4–1,8. Ко второй группе – изделие Т2-П6: Au 89,1; Ag 9,5; Cu 0,5. К третьей группе – изделия Т2-П2 и Т2-П3: Au 82,1–84,0; Ag 14,6–16,5; Cu 0,8–1,2. В пронизи Т2-П3 зафиксировано самое высокое содержание олова – 0,2%. В двух изделиях Т2-П4; Т2-П5 обнаружен никель в количестве 0,1–0,2%.

Украшения в виде противопоставленных голов архаров и фигуры орла из кургана № 2 представлены двумя группами составов. К первой относится изделие Т2-А1 (мас. %): Au 92,1; Ag 7,6; Cu 0. Вторая группа представлена изделиями Т2-А2; Т2-А3; Т2-Ор (мас. %): Au 86,7–87,9; Ag 10,3–12,2; Cu 0,2–0,9.

Обоймы поясные из кургана 5 (Т2-Об1 – Т2-Об7) имеют очень однородный состав (мас. %): Au 85,1–88,3; Ag 11,0–14,1; Cu 0,5–0,8 (вторая и третья группа составов). Однако, обойма «недолитая» Т2-Об8 отличается по составу: Au 78,9; Ag 20,2; Cu 0,9 и принадлежит четвертой группе составов.

Пряжка поясная из кургана 5 (Т2-Пр) имеет состав, аналогичный обоймам поясным: Au 83,7; Ag 15,3; Cu 0,7 (третья группа составов).

Ворворка большая с головами сайгаков из кургана 5 (Т2-В6) имеет состав (мас. %): Au 89,1; Ag 10,3; Cu 0,4 (вторая группа составов). Аналогичные изделия малого размера с изображениями тигров из этого же кургана (Т2-Вм1 – Т2-Вм4) несколько более серебристые (мас. %): Au 84,8–85,5; Ag 13,314,0; Cu 0,8–1,6 (третья группа составов).

Серьга с конусовидной подвеской, покрытой зернью (Т2-С) из кургана № 5 имеет состав (мас. %): Au 92,8; Ag 6,0; Cu 0–1,0.

Обоймы портупейного ремня (Т2-О1; Т2-О2) имеют состав, сходный с соответствующим показателем для серьги (мас. %): Au 91,1–92,6; Ag 7,2–7,4; Cu 0,0. Оба предмета относятся к первой группе анализов.

Бляха фигурная (Т2-Б) из кургана № 5 характеризуется составом (мас. %): Au 79,5; Ag 19,2; Cu 1,0; Sn 0,2. Относится к четвертой группе анализов.

Накладки с изображением идущего хищника (Т2-Н1, Т2-Н2) имеют наименьший состав золота среди исследованных предметов (мас. %): Au 73,0; Ag 25,9 Cu 0,5 и относятся к пятой группе предметов.

Средний состав золотых изделий из кургана Талды-2 (Казахстан)

Таблица 1.

Название предмета	Курган	Номера предметов	Кол-во анализов	Au	Ag	Cu	Sn	Пробность	Группа анализов
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П1	3	92.3	6.9	0.4	0.1	926	1
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П2	4	84.0	14.6	1.2	-	842	3
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П3	2	82.1	16.5	0.8	0.2	824	3
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П4	4	91.7	6.5	0.9	0.2	923	1
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П5	4	92.5	5.9	0.4	0.4	932	1
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П6	4	89.1	9.5	0.5	0.4	895	2
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П7	4	90.3	7.8	1.5	0.1	906	1
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П8	2	97.0	7.8	1.8	-	910	1
пронизь – рифленая трубочка	2	T2-П9	5	90.2	8.1	0.7	0.2	909	1
украшение в виде голов архаров	2	T2-А-1	1	92.1	7.6	-	-	924	1
украшение в виде голов архаров	2	T2-А-2	4	86.7	12.0	0.9	-	870	2
украшение в виде голов архаров	2	T2-А-3	5	87.1	12.2	0.2	0.1	874	2
украшение в виде фигуры орла	2	T2-Ор	1	87.9	10.3	0.8	0.6	883	2
обойма поясная № 1	5	T2-О61	4	88.3	11.0	0.6	0.1	883	2
обойма поясная № 2	5	T2-О62	2	87.4	11.7	0.7	0.2	874	2
обойма поясная № 3	5	T2-О63	4	85.1	14.1	0.8	0.1	850	3
обойма поясная № 4	5	T2-О64	4	88.3	11.1	0.5	-	884	2
обойма поясная № 5	5	T2-О65	4	85.2	13.9	0.8	0.1	852	3
обойма поясная № 6	5	T2-О66	4	86.5	12.5	0.7	0.3	865	3

<i>Продолжение таблицы 1.</i>									
обойма поясная № 7	5	T2-О67	4	88.2	11.2	0.6	-	882	2
поясная обойма № 8	5	T2-О68	3	78.9	20.2	0.9	-	789	4
пряжка поясная	5	T2-Пр	4	83.7	15.3	0.7	0.3	837	3
ворворка большая	5	T2-Вб	3	89.1	10.3	0.4	-	893	2
ворворка малая №1	5	T2-Вм1	1	85.0	13.3	1.6	-	851	3
ворворка малая №2	5	T2-Вм2	1	84.8	13.5	0.8	0.5	851	3
ворворка малая №3	5	T2-Вм3	3	84.9	14.0	0.9	-	851	3
ворворка малая №4	5	T2-Вм4	3	85.5	13.4	0.9	-	857	3
серьга с подвеской	5	T2-С	4	92.8	6.0	1.0	-	930	1
обойма портупей № 1	5	T2-О1	3	92.1	7.4	-	0.2	924	1
обойма портупей № 2	5	T2-О2	3	92.6	7.2	-	-	928	1
бляха фигурная	5	T2-Б	4	79.5	19.2	1.0	0.2	796	4
накладка с хищником	5	T2-Н1	3	74.3	24.8	0.2	0.6	744	5
накладка с хищником	5	T2-Н2	3	71.8	27.0	0.8	0.4	718	5

Примечания:

1. В пробах T2-П3 и T2-П4 обнаружена примесь никеля (0.1 и 0.2 %).
2. Анализы выполнены на портативном приборе INNON-X α 400 (оператор И.А. Блинов).

Выводы

Золото 1–3-й групп анализов (94–83% золота) близко и, видимо, происходит из одного природного источника металла, отличающегося незначительными вариациями золота и серебра. Об этом свидетельствует принадлежность к этим группам одинаковых предметов (пронизи, украшения в форме противопоставленных голов архаров и фигуры орла, поясные обоймы). Все эти предметы могут быть объединены в тип I изделий, связанный источником металла.

Особняком находятся предметы Т2-Об8 (обойма недолитая), бляха фигурная (Т2-Б) и накладки с изображением идущего хищника (Т2-Н1, Т2-Н2). В первых двух содержание золота порядка 79%, а в третьем и четвертом – 73%. Их следует отнести к другому по составу типу изделий – II.

Источником золота для изделий I типа могли служить месторождения золота в северной части Казахстана в рудном районе Бестобе-Степняк. Они приурочены к гранитоидным интрузиям и представлены кварцевыми жилами и зонами окварцевания. Поразительна тождественность состава золота этих месторождений с золотом могильника Талды-2 (мас. %): Au 95,30–83,30; Ag 9,40–8,60; Cu 0,01 (Минералы..., 1989). Следует отметить, что на месторождении Степняк до 30-х гг. XX в. сохранялись следы древних разработок золота (Черников, 1948).

Литература:

Минералы Казахстана /ред. Х.А. Беспаяев, З.А. Козловская, Н.М. Митряева. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 200 с.

Черников С.С. Древнее горное дело в районе г. Степняк (По материалам обследования 1938 г.) // Известия АН КазССР. Серия Археология. – 1948. – Вып. 1 (46). – С. 13–32.

Антропологическая реконструкция внешнего облика людей из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан)

Обширная территория Центрального Казахстана, заселенная еще со времен палеолита, на протяжении десятков тысячелетий являлась ареной исторических событий разного масштаба, и потому антропологическая реконструкция физического типа населения разных эпох становится наиболее интересной и очень актуальной для понимания сложнейших процессов расо – и этнообразования в историческом прошлом.

Могильник Талды-2, исследованный А.З. Бейсеновым, является одним из ярких памятников эпохи раннего железа на территории рассматриваемого региона Казахстана. В историко-культурном отношении погребения в курганах этого могильника относятся к двум археологическим культурам – тасмолинской и коргантасской.

Из общего числа изученных антропологических материалов из могильника Талды-2 были выбраны пять индивидуумов (4 мужчин и 1 женщина), как наиболее интересные с антропологической точки зрения, а именно в типологическом отношении. По черепам этих людей был воссоздан их прижизненный внешний облик сотрудниками Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва): Т.С. Балуевой, Е.В. Веселовской и О. Григорьевой.

Уникальный метод антропологической реконструкции лица по черепу, как метод создания документального, т.е. объективного и точного портрета путем восстановления внешнего облика человека по его костным останкам, был разработан в 50-е годы прошлого столетия знаменитым российским антропологом-скульптором М.М. Герасимовым. Антропологическая скульптурная реконструкция на современном этапе имеет большую значимость в качестве своеобразного мостика при сопоставлении антропологических черт людей современности и населения предыдущих исторических эпох, вплоть до самых древнейших. Объемные скульптурные портреты дают возможность не только зримо представить их внешний облик, но и проследить эпохальную динамику физических особенностей и этапы формирования тех или иных расовых типов на определенной территории.

В этом отношении рассматриваемые нами антропологические реконструкции древнего населения, оставившего могильник Талды-2, представляют собой очень интересный иллюстративный материал.

Курган № 2 (из насыпи).

Череп женщины 50-55 лет характеризуется средней массивностью и средними общими размерами, за исключением широтного диаметра, который приближается к большим величинам. На черепной коробке, особенно в затылочной области, поверхностный рельеф развит в средней степени, на лицевом скелете – умеренно, правда чуть больше – на нижней челюсти. Черепная коробка широкая, укороченная и довольно низкая. Лобные бугры едва заметны, теменные – больше. Лоб широкий, средней высоты, выпуклый и наклонный в степени больше средней. Надбровные дуги и надбровье слабо развиты. Затылочный бугор средневыступающий, затылок широкий, средневысокий, выпуклый и очень сильно выступает наружу. Лицевой скелет по размерам, особенно высотным, и массивности относительно меньше, в вертикальной плоскости лицо прямое и слабо профилированное по горизонтали. Нос средних размеров, умеренно выступающий, так же как и скуловые кости. Орбиты средней ширины, но относительно высокие. Нижняя челюсть отличается сильно наклонными и невысокими ветвями, подбородок заметно выступает. Расовые особенности этого черепа довольно четко выражены и характеризуются смешанным комплексом, в котором соотношение европеоидных и монголоидных компонентов является примерно одинаковым, что отражено и в антропологической реконструкции.

Курган № 2. Из погребальной камеры.

Череп мужчины 50-55 лет очень крупный по абсолютным размерам, причем по всем направлениям, массивный, с заметно выраженным поверхностным рельефом, особенно в области затылка. Лоб широкий, высокий, выпуклый и сильно покатый. Надбровные дуги и надбровье хорошо развиты. Теменные бугры средне выражены, а затылочный – очень сильно. Затылок также широкий, средневысокий и очень сильно выступает назад. Лицо тоже имеет большие величины, как в ширину, так и в высоту, оно средне профилированное по горизонтали в средней части и более резко профилированное в верхней части, а в вертикальной плоскости ортогнатное. Носовые кости сильно выступающие, скуловые – чуть меньше. Орбиты и широкие и очень высокие. В целом антропологический тип погребенного мужчины относится к древнеевропеоидной расе лишь с небольшой монголоидной примесью. Это хорошо заметно по его облику на скульптурной реконструкции.

Курган № 4.

Череп мужчины, умершего в возрасте 25-30 лет, крупный по длине и ширине, но низкий по высоте, довольно массивный с хорошо развитым поверхностным рельефом на черепной коробке и несколько менее – на лицевом скелете. Лоб очень широкий, средней высоты, выпуклый и довольно наклонный. Лобные бугры чуть более выступающие, чем теменные, надбровные дуги и надбровье выражены больше средней степени. Затылок широкий, средневысокий и сильно выступает наружу, при этом хорошо развит затылочный бугор. Лицо

чуть менее крупное в целом, но очень широкое, в горизонтальной плоскости средне профилированное на верхнем уровне и более выступающее на среднем уровне, ортогнатное по вертикали. Носовые кости заметно выступают, а скуловые – немного меньше. Размеры орбит довольно велики как в ширину, так и высоту. Нижняя челюсть тоже большая по ширине и высоте тела, несколько укорочена по длине. Но особенно велика высота ветвей, при этом слабо наклонных. Углы почти прямые, широкий подбородок сильно выдается вперед. Морфологические особенности черепа в целом и отдельных его частей позволяют заключить о небольшой монголоидной примеси в целом европеоидном облике этого мужчины.

Следует указать, что на данном черепе зафиксированы четкие следы манипуляции – множественные трепанации. Это круглые по форме отверстия диаметром 6-7 мм, расположенные скученно в неопределенном порядке на левой стороне черепного свода (ближе к задней чешуе левой теменной и на верхнем крае затылочной костях). Из шести отверстий пять полностью сквозные, а шестое сопряжено с пятым отверстием и, видимо, как «неудавшееся» по каким-то соображениям, осталось незавершенным. Нумерация трепанационных отверстий проведена нами произвольно, т.к. истинную последовательность их выполнения определить невозможно. Так что возможно, что шестое отверстие в реальности было первым, как бы «пробным». Одно можно с большей уверенностью предположить, что эти трепанации были сделаны посмертно, поскольку просверлить такое количество отверстий в черепе – процесс трудоемкий и длительный, учитывая технические возможности того времени. Кроме того, края их довольно ровные, четкие, без каких-либо следов заживления при жизни. Назначение подобных манипуляций после смерти, скорее всего, носило ритуальный характер. Известны случаи трепанаций черепа с целью мумификации тела умершего, но для этого нет необходимости делать множественные отверстия. Так что в данном случае интерпретация сводится к некоему культурному, либо религиозному ритуалу.

Курган № 5.

Размеры черепной коробки мужчины 30-35 лет довольно большие, только высотный диаметр имеет среднюю величину, череп в целом массивный и с хорошо выраженным поверхностным рельефом особенно в области затылка и основания. Лоб очень широкий, средневысокий, выпуклый и сильно наклонный. Лобные бугры малы, теменные – средневыступающие, а затылочный – довольно хорошо развит. Надбровные дуги и надбровье выражены немного больше средней степени. Затылок широкий, средний по высоте и выступанию. Лицо очень крупное, особенно по высоте, ортогнатное по вертикали, со средним на верхнем уровне и более острым на уровне середины углами горизонтальной профилировки. Нос очень большой как по высоте, так и ширине, носовые и скуловые кости заметно выступают. Орбиты средней ширины, но очень высокие. Нижняя челюсть крупная, массивная и рельефная. Ветви ее высокие, умеренно

наклонные и очень широкие. Углы нижней челюсти слегка развернуты наружу, широкий подбородок сильно выступает вперед. Расовые особенности рассматриваемого мужчины также выражены довольно четко – смешанный комплекс, в котором европеоидные компоненты преобладают над монголоидными. Об этом свидетельствуют как морфологические особенности на черепной коробке, и более всего в строении лица и зубной системы, так и на костях посткраниального скелета. Данные выводы об антропологическом типе этого мужчины хорошо проявляются на его скульптурной реконструкции.

Кости посткраниального скелета также отличаются большими размерами, как продольными, так и поперечными, значительной массивностью и сильно выраженным поверхностным рельефом на местах прикрепления мышц и связок. Обращает на себя внимание большее развитие левой стороны обоих поясов конечностей, они длиннее и массивнее, чем на правой стороне. В целом пропорции тела соответствуют мезоморфному типу. При жизни данный индивидуум отличался крепким телосложением с очень сильно развитой мускулатурой в области шеи, предплечья и бедер. При сопоставления отдельных сегментов тела и конечностей отмечается тенденция к длинноногому типу, при этом сегмент голени удлиннен больше по сравнению с бедром, а на верхних конечностях – предплечье по отношению к плечу более удлиненное.

На черепе погребенного найдено одно трепанационное отверстие на левой теменной кости на задней чешуе ближе к затылочному шву на границе с сагиттальным швом. Отверстие круглое диаметром 14,7 мм снаружи и 10,2 мм на внутренней поверхности эндокрана, т.к. боковые стенки отверстия в толще кости конусообразно сужаются по направлению внутрь черепа. Края отверстия ровные, гладкие, с двумя небольшими насечками, расположенными друг против друга по вертикали. Что касается времени и назначения осуществления данной трепанации, то можно заключить, что данная процедура, учитывая размеры и глубину отверстия, локализованного в самой толстой части теменной кости, была проведена посмертно и, вероятнее всего, с ритуальной целью.

Вышеописанные объекты происходят из курганов тасмолинской культуры, а приводимое ниже описание относится к погребению более позднего коргантаского периода могильника Талды-2.

Курган № 8.

Череп мужчины 25-30 лет имеет большие продольные и поперечные размеры, но он небольшой по высоте, достаточно массивный (особенно в области затылка и основания), с четко выраженным поверхностным рельефом. Лоб по размерам больше средних величин, слегка уплощен на левой стороне и сильно скошен назад. Лобные и теменные бугры невелики, затылочный – средне-развитый. Надбровные дуги и надбровье очень хорошо выражены. Размеры лица выше средних величин, по вертикали лицо ортогнатное, а по горизонтали средне профилированное в верхней части и резко профилированное на среднем

уровне. Носовые кости очень сильно выступают, скуловые – в средней степени. Орбиты средних размеров прямоугольные по форме. Нижняя челюсть крупная, массивная, чуть менее профилированная, чем остальные части черепа, но углы развернуты наружу. Ветви довольно высокие, умеренно наклонные и очень широкие. Подбородок выступающий, широкий и впереди округлый по форме. На внутренней стороне альвеолярной дуги нижней челюсти едва заметны гороховидные вздутия – так называемые *torus mandibularis* на уровне клыков и предкоренных зубов. Расовые черты данного мужчины выражены также довольно ясно – его тип является в основном европеоидным лишь с очень легкой примесью монголоидных элементов, выражающихся в особенностях профилированности лица в верхней части (небольшая сглаженность) и морфологии зубной системы. Его внешний облик, восстановленный в скульптурной реконструкции также свидетельствует о преобладании европеоидных черт.

Таким образом, представленная для антропологического изучения серия костных материалов, в основном краниологических, дает возможность заключить, что население, оставившее памятник Талды-2, характеризуется общими особенностями и, наряду с этим, некоторым разнообразием с антропологической точки зрения. В серии подавляющее большинство имеет смешанный комплекс расовых признаков. Разницу между индивидуумами составляет комбинация тех или иных признаков каждого из расовых комплексов и доля монголоидной примеси, тогда как древнеевропеоидная основа их типа не вызывает сомнений. В целом на черепах тасмолинского периода могильника Талды-2, выявлены большая степень массивности и развития поверхностного рельефа, довольно крупные общие размеры черепной коробки, причем во всех направлениях (длине, ширине и высоте) и лицевого отдела (по ширине и высоте). По черепному указателю два черепа мезокранные, остальные брахикранные. В вертикальной плоскости лоб и затылок на тасмолинских черепах довольно выпуклые, надбровье заметно развитое, лицо ортогнатное (прямое), выступание носовых и скуловых костей большое, а по горизонтали лицо несколько уплощенное в верхней части, но более профилированное в средней, хотя на уровне клыковых ямок уплощенность тоже заметная. В двух случаях встречается антропинная форма нижнего края грушевидного отверстия и обращают на себя внимание относительно высокие орбиты. Черепа тасмолинского периода довольно матуризованные и имеют расовое сходство с древнеевропеоидной основой населения степной зоны, распространенного на территории Казахстана в предыдущую эпоху бронзы.

В отличие от них череп коргантасского периода из могильника Талды-2 (курган № 8), хотя и обнаруживает антропологическую общность с краниологическими материалами тасмолинской культуры, но обладает заметно меньшими общими размерами черепной коробки (особенно широтными), за исключением высоты (ее величина больше), и лицевого отдела (продольными и широтными на среднем уровне). Особенности вертикальной и горизонтальной профилиров-

ки также выделяют его: более прогнатное лицо с более развитым надбровьем, но с менее выступающими носовыми костями, с большей степенью профилированности по горизонтали на среднем уровне, в том числе и в области клыковых ямок, но меньшим выступанием скуловых костей. Словом, череп из кургана № 8 могильника Талды-2 отличается большей грацильностью, и хотя европеоидные признаки в нем проявляются чуть больше, он все же демонстрирует несколько иной европеоидный комплекс, тяготеющий к населению более южных регионов.

Подводя итоги проведенных антропологических исследований, включавших скульптурную антропологическую реконструкцию по нескольким черепам в основном сакского периода из памятника тасмолинской культуры Центрального Казахстана Талды-2, следует отметить, что в антропологическом отношении серия черепов из могильника представляет собой европеоидный в основе расовый комплекс с некоторой долей монголоидной примеси, выражено в разной степени. Данный комплекс физических черт четко продемонстрирован на скульптурных бюстах, сделанных на основе антропологической реконструкции внешнего прижизненного облика по черепам. При этом в их внешнем антураже (форме прически, усов, одежды и ее декоративных элементах) были учтены исторические и культурные особенности племен, населявших Центральный Казахстан в эпоху раннего железа.

К вопросу о сложении раннесакского звериного стиля (по материалам курганов Талды-2)

Открытие памятников раннескифской эпохи последних лет позволяют наметить пути решения некоторых важнейших вопросов археологии раннего железного века. Среди них – проблема сложения раннесакского звериного стиля. Для ее решения можно привлечь материал ставших опорными памятников восточных районов Евразийского пояса степей – Шиликты, Жалаулы, Талды-2, Аржан-1, Аржан-2, Тагискен, Уйгарак.

Одной из последних работ по этой теме стала статья К.В. Чугунова (2011). К.В. Чугунов рассмотрел вопросы формирования искусства звериного стиля и выделил 4 группы изделий из Аржана-2 (вторая половина 7 в. до н.э.) по манере исполнения на основе стилистического анализа. Исследователем отмечено, что «обширный bestiary звериного стиля Аржана-2 не включает ни одного синкретичного образа». Наиболее вероятно, что для решения смысловой задачи именно оппозиция – хищный зверь и травоядный – была наиболее важна.

Можно отметить, что стилистические приемы, выделенные К.В. Чугуновым для ряда раннесакских памятников, характерны и для недавно исследованного памятника тасмолинской культуры – Талды-2, в частности, «шествие зверей». Здесь также получены серии однотипных бляшек, но среди них выделяются бляшки с профильными изображениями кошачьего хищника, которые в некоторых деталях отличаются друг от друга (всего три вида). Видимо, «текст», заключенный в топографии костюма и его декоре из Талды-2, был достаточно сложным.

На основе анализа специфической иконографии хищника с повернутой задней лапой выявлена связь искусства Аржана-2 с территориями, расположенными довольно далеко от Тывы (юго-восточный Казахстан, Павлодарское Прииртышье, северо-западный Пакистан, Приаралье). Об этом же – связи искусства раннескифского времени Тывы, Хакасско-Минусинской котловины, лесостепного Алтая и Казахстана – свидетельствует мотив «сложного завитка», относительно которого П.И. Шульга считает, что таким способом изображалась комбинация из орлиных голов, которая в более позднее время трансформировалась в образ грифона (Шульга, 2003, с. 250 – 258).

Возможно, ответить на вопрос о том, является ли декор изделий в виде «сложного завитка» комбинацией из орлиных голов или растительным мотивом или еще чем-то с различным содержанием, помогут изделия из могильника Талды-2, где отмечен сходный, почти аналогичный мотив «сложного завитка».

Поверхность бляхи-обоймы и обоймы декорирована в орнаментальном стиле (Бейсенов, 2011, с. 15). Нашивные или наклеиваемые ажурные бляшки из листового золота, происходящие из кургана № 1 могильника Шерубай, что в 200 км западнее Талды-2 (Бейсенов, 2011, с. 8, 9), помимо общей формы в виде «сложного завитка» сближает с аржанскими изделиями орнамент, составленный из пламевидных фигур. В целом, предметам декора костюма из Талды-2 присуща ажурность, орнаментализм.

Вырезанные из листового золота ажурные стилизованные изображения скорее напоминают орнитоморфных существ. Можно было бы назвать их орлами (хищными птицами), тем более что в трактовке образа каким-то внутренним содержанием что ли сходны с профильными изображениями хищной птицы (Шиликты, Талды-2) с повернутой назад головой на фоне своего тела. Но в изображениях существ из Талды-2 четко различаются клюв с восковицей, высокий перистый чуть отогнутый назад хохолок. Вся орнаментальная система – пламевидные вырезы – скорее передает оперение. S-видные или спиралевидно закрученные элементы – известный прием стилизации, характерный для раннесакского звериного стиля. В данном случае угадывается некая сжатость, заложенный потенциал, напряженность готового стремительно распрямиться существа и, возможно, хвост на его конце – опять-таки – передает схожесть с утробным, свернутым в кольцо зверем-пантерой. Спиралевидный завиток на голове передает глаз или ухо – так позже часто показывали ухо у грифонов. Поэтому в изображениях из Талды-2 можно увидеть либо значительно стилизованный образ орла либо все-таки синкретичный персонаж. Подтверждает это предположение, возможно, новая находка в Центральном Казахстане – профильное ажурное изображение кошачьего хищника из кургана № 1 могильника Карашоки, расположенного в 50 км западнее Талды-2 (Бейсенов, 2011, с. 16), заполненное орнаментальными мотивами в виде головы орла, их как минимум две, одна из них почти повторяет образ грифона из Талды-2, где туловище, приспособленное для определенной формы предмета, на который должна крепиться, симметричное и с треугольным вырезом в основании.

Сам образ и стилизация хищника, его орнаментальное исполнение – очень хорошая аналогия более поздним кожаным аппликациям из Туэжты (тигр с рогами) и Ташанты (тигр с головой грифона на загривке), волку на седельной подвеске из Ак-Алаха-1, курган № 1, и, конечно, изображениям на башадарской колоде. Изображение тигра из Карашоки очень напоминает зверя-татуировку на теле мужчины из Пазырыка V. Но, несмотря на внешнюю схожесть, присутствует явное отличие – либо просто спиралевидные завитки либо стилизованные орлы-грифоны. Здесь присутствуют как реалистические, но стилизованные изображения, так и фантастические образы. На связь с территорией Северного Китая, о которой говорили исследователи, указывает также изображение хищников на зеркале из Шанцуньлинь (Богданов, табл. LXXVI, 5). По мнению К.В. Чугунова, многое указывает на центрально-азиатское происхождение традиций

искусства звериного стиля из комплекса кургана Аржан-2. Наиболее многочисленная группа изделий находит аналогии в Казахстане. На это направление указывают и аналогии большинству сложных орнаментальных мотивов Аржана-2. Находки из Талды-2 подтверждают это положение.

Несмотря на широкую распространенность декора животных спиралевидными завитками в скифо-сакское время, в заполнении изображения тигра из Карашоки видятся не просто спиралевидные завитки-декор, а стилизованные изображения голов грифонов. Они однозначно отличаются от завитков, распространенных позже и в памятниках пазырыкской культуры, и в Филипповке на Южном Урале, тем более, что там отмечены и копытные – архары, олени – с таким декором туловища. Может быть, это дополнительный аргумент в пользу тезиса о том, что следы ведут в Казахстан?: «Общность материала южноуральских, западносибирских и среднеазиатских памятников скифского времени свидетельствует не столько о культурных связях или эпизодических этнических включениях со стороны южных или юго-восточных племен, сколько о прямой генетической связи южноуральских номадов с сако-массагетским миром (Пшеничнюк, 2001, с. 37).

Возможно, такая «ажурная» трактовка тела животного также восходит к стилистике изображений хищников на оленных камнях, тело которых заполнено линиями и кружками.

В раннескифское время на оленных камнях присутствуют значительно стилизованные изображения оленей, у которых морда настолько трансформирована, что становится похожей на птичий клюв (третий класс, по М.Е. Килуновской и Вл.А. Семенову, 1999, с. 130). Может, в изделиях из Сарыарки мы наблюдаем также более сильную стилизацию и трансформацию образа орла, или соединение (наложение) образа орла и тигра и это один из путей развития фантастического образа?

П.И. Шульга выявил, что в Южной Сибири изображения орлов (хищных птиц) с хохолком и гребнем появляются только в комплексах раннепазырыкского времени (около середины 6 в. до н.э.). Прослеживаются различия и преемственность между стилизованными изображениями раннескифского орла и наследующего ему «грифона». Эта смена, по мнению П.И. Шульги, произошла одновременно с изменениями в погребальной обрядности и инвентаре, произошедшими по всему степному поясу от Южного Приуралья до Тывы около середины VI в. до н.э. Н.В. Полосьмак предположила, что создателями образа мифологизированного орла могли быть предшественники пазырыкцев на Алтае в 8-6 вв. до н.э. (Полосьмак, 1994, с. 9).

К.В. Чугунов особо подчеркивает факт отсутствия в искусстве Аржана-2 фантастических или синкретичных образов, в частности, грифона. Изображения грифонов известны в Тыве только в конце 6 в. до н.э., что обусловлено становлением здесь уюкско-саглыньских традиций, трансформацией кочевых

культур с появлением на исторической арене державы Ахеменидов (Савинов, 2002, с. 102). Однако в Тыве, как и в некоторых других областях Центральной Азии, традиции раннескифского времени сохранялись и адаптировались к новым историческим условиям. Результатом адаптации традиции раннескифского времени к новым историческим условиям объясняют переосмысление мотива «сложного завитка» как стилизованного образа ушастого орла и грифона (Шульга, 2003, с. 250–258). Можно ли допустить, что осмысление мотива «сложного завитка» как грифона началось несколько раньше? Векторами такой адаптации образа можно назвать Южный Урал, Горный Алтай, Жетысу.

Возможно, в материалах раннескифского времени из Сарыарки мы видим такое выражение самой идеи, которая существовала у раннесакских племен, но могла иметь несколько разное воплощение. Примером такого может являться олень с головного убора на фигурной подставке из Аржана-2 и бляшки в Шиликты и Талды-2 с композицией из оленей и птицы и таутеке и птицы.

Литература:

- Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 32 с.
- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006 – 240 с.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (Ч. 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. – СПб., 1999. – № 6. – С. 130-142.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.
- Пшеничниук А.Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. статей, посв. 70-летию А.Х. Пшеничниука. – Уфа, 2006. – С. 26-37.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб: Изд-во СПбГУ, 2002.
- Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. – СПб: Нестор-История, 2011. – С. 39-60.
- Шульга П.И. Орлы и грифоны скифского времени в Южной Сибири (разграничение и датировка образов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Кн. 1. – С. 250 – 258.

Опыт создания реконструкций костюма и конского снаряжения для Карагандинского областного историко-краеведческого музея (по материалам памятников Талды-2, Тасмола, Аржан-2 и др.)

В отечественной археологии в последние годы получен новый и интересный материал, характеризующий культуру эпохи раннего железного века, бытовавшей на территории Казахстана. Наиболее ярким открытием последних лет являются неожиданные находки в степях Сарыарки уникальных комплексов тасмолинской культуры (Бейсенов, 2010; 2011).

Работа по созданию реконструкций для Карагандинского областного историко-краеведческого музея проводилась при активном участии археологов под общим руководством авторов.

Поскольку контекст погребального обряда в курганах могильника Талды-2 был нарушен, то при создании концепции костюма, мы, прежде всего, отталкивались от материалов синхронного памятника в Центральной Азии – Аржан-2 (Чугунов, Наглер, Парцингер, 2002; Чугунов, 2004; Çugunov, Parzinger, Nagler, 2010), а также версии реконструкции собирательного образа сакского воина, созданного в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» (Алтынбеков, Алтынбекова, 2010).

Приступая к работе с находками из Талды-2, мы тщательно изучили имеющуюся коллекцию на предмет материала, техники и технологии изготовления предметов, а также изобразительные мотивы. Кроме того, при реконструкции костюма и конского снаряжения использовались материалы, полученные на территории Центрального Казахстана предшествующими поколениями археологов, в частности, опубликованные М.К. Кадырбаевым находки из комплексов тасмолинской культуры (Кадырбаев, 1966). По чертежам и натурным исследованиям вырезались модели будущих элементов костюма и конского снаряжения, создавался макет фигуры человека, для которого были сшиты головной убор, куртка, штаны, чулки, сапоги, плащ.

Образ воина тасмолинской культуры дополняют такие атрибуты как лук в горите, стрелы в колчане, два пояса – один парадный, второй – боевой; камшы (плеть), щит, чекан, нож в кожаных ножнах, акинак (в ножнах), кайрак (оселок).

При создании поясов учитывался опыт работы над материалами из Аржана-2. Восхищает совершенством и простотой использования пряжка, позволяющая легко застегивать и расстегивать пояс. Эту пряжку, учитывая ее удобство, мы приспособили для застегивания боевого пояса, функция кото-

рого очень важна в условиях ведения военных действий. Для нас до сих пор осталось загадкой, как без дополнительных элементов наподобие портупей, воин мог удерживать на поясе все элементы боевой амуниции... В результате переписки с археологами К.В. Чугуновым, П.И. Шульгой, Ю.Б. Полидовичем в отношении использования портупей, мы решили воздержаться от этого элемента, поскольку археологически в памятниках раннего железного века Центральной Азии подобные аксессуары не были зафиксированы. Для реконструкции застежки второго пояса мы изучали пояса из казахской этнографии, представляющие собой универсальные атрибуты, рассчитанные на ношение в течение длительного времени. Казахский пояс застегивается при помощи крючка, продеваемого в отверстия в накладных бляхах, а второй конец свисает вниз (Маргулан, 1994, с. 139-142, 145, 148, 150-153). Поскольку казахская материальная культура впитала в себя достижения предшествующих эпох, то, вероятно, традиция ношения подобных поясов уходит в седую древность. Однако, учитывая тот факт, что поясные пряжки с крючком тоже пока археологически не зафиксированы в памятниках эпохи ранних кочевников, мы решили воспользоваться вариантом реконструкции, предложенным П.И. Шульгой (Шульга, 2008, рис. 80, 3).

При реконструкции элементов конского снаряжения были использованы находки из материалов тасмолинской культуры (Кадырбаев, 1966). Так, узда представляет собой стремевидные удила с напускными трехдырчатыми псалиями (Кадырбаев, 1966, рис. 7). На перекрестье суголовного и наносного ремней, а также перекрестье суголовного и подбородного, помещены бронзовые пронизи с рельефным спиралевидным орнаментом (Кадырбаев, 1966, с. рис. 5, 2-5). На суголовный и наносный ремни нанизаны бочонковидные пронизи (Кадырбаев, 1966, рис. 7). На перекрестье нагрудного и холочного ремней помещен распределитель с вихревым орнаментом, 4 бочонковидные пронизи, нагрудная застежка, декорированная спиралевидным орнаментом (Кадырбаев, 1966, рис. 8, 10). Окончания холочных ремней скрыты под ворворками. При креплении гарнитур к макету коня использован принцип, проиллюстрированный в специальном монографическом исследовании П.И. Шульги (Шульга, 2008, с. 202). На подпругный ремень прикреплены пряжка и блок из материалов М.К. Кадырбаева (Кадырбаев, 1966, рис. 8), а принцип крепления взят также из исследования П.И. Шульги (Шульга, 2008, с. 263-264). Поскольку в материалах тасмолинской культуры не зафиксированы седла, то его мы решили позаимствовать из материалов пазырыкской культуры и сделали его мягким. Подхвостные ремни крепились к лукам при помощи пронизок (Шульга, 2008, с. 255). Для аппликации на накладках на луки седла использованы изобразительные мотивы из кургана № 1 могильника Шерубай (Бейсенов, 2011, с. 8, 9). Поверх седла наброшено войлочное покрытие, декорированное бахромой из кожаных тонких шнурков с золотыми ворворками на концах (Бейсенов, 2011, с. 18).

Процесс изготовления элементов конского снаряжения выполнялся поэтапно и сопровождался следующими процессами: вырезание мастер-моделей из

воска, изготовление модельных восковых блоков, устанавливаемых в пресс-форму и заливаемых формовочной массой, затем – сушка, после которой воск вытапливается и в образованные пустоты заливается расплавленный металл. Затем – очистка от формовочной массы, сопровождаемая срезанием заготовок, удалением с них литевых штифтов. После чего производится доработка каждой детали при помощи галтовки и полировки, затем наносится защитное покрытие и изделию придается необходимый оттенок. Заметим, что мы перечислили далеко не все технологические приемы, использовавшиеся при воссоздании элементов костюма и конского снаряжения.

Безусловно, все эти процессы изготовления элементов костюма и конского снаряжения выполнялись и мастерами эпохи раннего железного века. Единственное отличие современных технологий – в технике изготовления, но в основном – человеческий гений на протяжении многих сотен лет действовал в определенном русле, стремился к близким целям.

Поражает качество изделий и высочайшее знание ювелирного дела мастерами I тыс. до н.э. Это были не только художники, ювелиры, но и металлурги. Ведь прежде, чем украсить костюм или конское снаряжение, необходимо добыть этот материал – руду для выплавки бронзы, самородки или песок для изделий из благородного металла. Все эти факты свидетельствуют о существовании различных специальностей, тех, кто занимался добычей полезных ископаемых, трудясь в рудниках, тех, кто обрабатывал металл и тех, кто занимался производством орудий труда, предметов вооружения, ювелирных украшений. Традиция металлургического производства в Центральном Казахстане имеет глубокие корни. Здесь зафиксирован очаг культур эпохи бронзы, свидетельствующий о расцвете металлургии в палеометаллическую эпоху (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966; Маргулан, 1979; Курманкулов, Ермолаева, 2011; Варфоломеев, 2011).

Таким образом, работа по реконструкции костюма и конского снаряжения эпохи ранних кочевников позволяет изнутри заглянуть в процесс создания различных элементов, двигаясь от простого к сложному, от частного – к общему.

Литература:

Алтынбеков К., Алтынбекова Д.К. Исследования и реконструкция костюма по материалам кургана Аржан 2 // Сборник научных трудов «Интеграция археологических и этнографических исследований», часть 1. – Казань, Омск, 2010. – С. 253-256.

Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения-2010: матер. II научн. междунар. конф. – Актобе, 2010. – С. 77 – 79.

Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 32 с.

Варфоломеев В.В. Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. – Алма-Ата, 1966. – С. 303–428.

Курманкулов Ж.К., Ермолаева А.С. Археология эпохи бронзы в независимом Казахстане // Мыңжылдыктар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Резьба по дереву и кости. Художественная обработка металла и тиснение по коже. – Алматы: Өнер, 1994. – Т. 3. – 248 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Часть I. Раннескифское время. – Барнаул, 2008. – 276 с.

Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г. Продолжение исследований кургана Аржан-2 в Туве // АО-2002 г. – М., 2003.

Чугунов К.В. Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: Славия, 2004.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Berlin, 2010.

Курган Иссык: ритуал, искусство и социум¹

*М*ноголюдная траурная процессия медленно движется к месту захоронения. Жрецы несут носилки с телом усопшего воина, ритуальные сосуды и сосуды с пищей. Нескончаемым потоком следуют родственники, воины, соплеменники... Погребальное сооружение готово и служители культа ждут, когда тело будет передано им.

На покойном богатое одеяние – он принадлежит к высшей знати. Эту одежду воин носил в дни торжественных приемов и парадных смотров. На голове – высокая стреловидная шапка с низом в виде треуха, застегнутая под подбородком, украшенная золотыми бляхами и пластинами; в мочке левого уха золотая серьга с зернью и подвесками из бирюзы; на шее – золотая гривна; на теле короткий кафтан, сплошь обшитый золотыми бляшками; на пальцах рук – два золотых перстня. Кафтан подпоясан тяжелым наборным поясом, сверкающим шестнадцатью массивными бляхами-накладками; справа к нему подвешен длинный железный меч в красных ножнах, обложенных золотыми пластинами; на ногах узкие штаны, заправленные в сапоги с высокими голенищами, украшенные золотыми фигурными бляшками.

Наконец похоронная процессия достигает конечной цели. Провожающие остаются наверху. В яму опускается тело воина, жрецы размещают на полу сосуды, закрывают камеру бревнами. Тысячи соплеменников насыпают огромный погребальный курган...

В наше время один из таких курганов, который находится в 50 км восточнее Алматы, получил название Иссык (Акишев, 1978). Тридцать лет назад казахские ученые-археологи обнаружили здесь «золотого» человека. Это стало сенсацией века.

В VIII – IV вв. до н.э. территорию Средней Азии и Казахстана населяли племена, известные под собирательным именем «сака». Геродот и другие античные авторы называли их азиатскими скифами, отличая от скифов европейских. Сакские племена были современниками персов Кира и Дария I, греков эпохи Александра Македонского. В археологической науке существует много версий расселения саков на землях современного Жетысу/Семиречья. Согласно одной

¹ Редколлегия сборника сочла необходимым опубликовать статью К.А. Акишева, предоставленную М.К. Хабдулиной, поскольку данный материал не знаком широкому кругу археологической аудитории.

из них, на юге Казахстана обитали саки-тиграхауда. Удивительные находки в кургане Иссык впервые продемонстрировали высокую и во многом самобытную культуру этого народа. А ведь до сих пор в историографии существует точка зрения о низком уровне социально-экономической и культурной жизни кочевников. В основе её ряд причин.

Одна из них – слабые знания по истории наших предков. Азия долго оставалась (в определенной степени остается и сейчас) далекой и таинственной.

Во-вторых, при попытке исследования исходили из сопоставления далекого прошлого со вчерашним днем. А это непременно приводило к ошибочной точке зрения на уровень развития древних обществ.

Причина падения поздних кочевников – военная и экономическая экспансия, агрессия извне и жестокая внутренняя междоусобица, продолжавшаяся почти семьсот лет. Многовековые внешние и внутренние потрясения привели к тому, что лучшие пастбища и водные источники, традиционные пути перекочевков и торговых дорог были захвачены, нарушились контакты и связи с земледельческими центрами и городами. В результате резко уменьшилось поголовье скота, пришло в упадок земледелие, что неизбежно привело к катастрофическим последствиям. В XXVIII-XIX вв. европейские ученые, путешественники, миссионеры застают кочевые общества на грани гибели, а от своеобразной, яркой и пышной культуры – лишь реликты.

Находка в иссыкском кургане ещё и памятника письменности – самого древнего на территории Средней Азии и Казахстана – ставит общество саков в один ряд с современными ему обществами Евразии с высокоразвитыми социально-экономическими отношениями и государственным устройством.

В настоящее время существуют несколько вариантов дешифровки иссыкской письменности, сделанных на основе согдийско-арамейского и древнетюркского алфавитов. Арамейское письмо в I тыс. до н.э. являлось международным языком народов Древнего Востока. В многоэтничной Персидской державе (VI-IV вв. до н.э.) арамейское письмо служило официальным канцелярским языком. Уже в то время существовали местные диалекты. В странах восточной части Персидского государства распространилась согдийско-арамейская письменность. Палеографически к ней восходят некоторые знаки древнетюркской руники.

Источников, свидетельствующих о племенах и народностях, населяющих территорию современного Казахстана, чрезвычайно мало, а имеющиеся – отрывочны и нередко противоречивы.

Имя саков-тиграхауда упоминается в надписи на рельефах гробниц Дария I в ущелье Накш-и-Рустем. Причем надпись «сака-тиграхауда» на рельефе дана как поясняющая изображение фигуры воина в остроконечной шапке. Наиболее подробные и в хронологическом отношении более ранние сведения содержатся в пространной Бехистунской надписи, посвященной прославлению побед того

же Дария I: «Я пошел к стране саков, которая за морем, эта – шапку острой носит... И их первого, наибольшего из них, Скунха по имени... привели ко мне».

Бехистунская надпись дополняется рельефом, на котором перед Дарием стоят восемь покоренных со связанными руками. Последний из них – вождь в высокой (70 см) остроконечной шапке, под ним надпись: «Это Скунха, сак».

Геродот, упоминая саков-тиграхауда, называет их «ортокарибантии», то есть носящими острую шапку.

Изображение саков есть и на рельефе V в. до н.э. во дворце Ксеркса в Персеполе. Оно интересно тем, что внешне сакские воины явные монголоиды. Но известно, что в Средней Азии и Казахстане в это время основная масса населения имела резко выраженные европеоидные черты. Исключения составляли, очевидно, отдельные племена, населявшие, скорее всего, Северную Киргизию и юг Казахстана: именно здесь в результате расового смешения происходила ранняя монголоизация населения. По антропологическому определению, захороненный в кургане Иссык имеет характерный для семиреченских саков европеоидный облик с примесью монголоидных черт. Возраст его 16-18 лет.

Мною предложено новое толкование этнокона «тиграхауда» от мидийского «тигра» – «стрела», а отсюда саков-тиграхауда точнее именовать «саки в стреловидных шапках». Их этническая территория занимала огромные пространства, распространяясь далеко за левый берег Яксарта (Сырдария/Сырдарья), до самого Окса (Амудария/Амударья) на западе и включая Алтай на востоке (Акишев, Кушаев, 1963).

В I тыс. до н.э. на обширных степных просторах Евразии распространяется своеобразное искусство «звериного стиля». Оно характеризуется изображением фигур животных в определенных канонических позах и своеобразными приемами художественного исполнения. Сто шестьдесят пять золотых изделий из кургана Иссык выполнены в «зверином» стиле.

Великолепна бляха с изображением крылатого барса. Животное касается задней лапой зубчатых пластин – стилизованного изображения гор.

Одиночные фигуры животных каждой бляхи комбинируются в сложные композиции на kostюме «золотого человека», причем художник проявляет удивительную изобретательность. Выразительна многосложная композиция на орнаментальных зонах головного убора. Кольцевое расположение по окружности шапки пластин в виде гор с растущими на них деревьями, на которых сидят птицы, создает зримую картину реального горного пейзажа, столь характерного для Жетысу.

Большинство иссыкских изделий изготовлено из металла техникой литья, штамповки, тиснения и гравировки, в виде круглой скульптуры, горельефа, барельефа и плоскостных силуэтных изображений.

Древние торевты широко использовали и другие материалы, умело комбинируя металл с деревом, кожу с тканью, разные металлы между собой. Деревян-

ная рукоятка нагайки и стреловидные украшения головного убора иссыкского воина отделаны золотом. Железо и золото сочетаются на мече, кинжале, в изображениях священных деревьев.

Изделия поражают яркостью и жизненностью образов. Достойны преклонения талант и мастерство безымянного художника, создавшего эти неумирающие произведения изобразительного искусства.

Иссыкское искусство звериного стиля – это синкретическое искусство, сплав двух компонентов: самобытного и заимствованного. Однако в нем, как и в искусстве многих древних других народов, трудно провести резкую грань между компонентами, настолько они тесно переплетены и слиты воедино. Иссыкское искусство создает впечатление давно оформившегося, целостного, и, в отличие от скифского, менее эклектичного (Акишев, 1984).

Среди произведений искусства из кургана Иссык нет предметов явно переднеазиатского происхождения или скопированных из древнеиранских образцов, но есть значительное количество предметов, изготовленных под сильным влиянием художественных особенностей и технико-стилистических приемов искусства Передней Азии.

Среди этих предметов можно отметить как явно заимствованные из арсенала мотивов иранского искусства такие зооморфные образы как лев, грифон, крылатые звери и животные, мотив древа жизни – священного дерева. Оттуда же происходят, усвоенные саками, технико-стилистические приемы и манеры воспроизведения деталей тела зооморфных образов. Типично для искусства ахеменидского Ирана подчеркивание мелких деталей тела, контуров мускулов линией в виде «стежка», «полуподковками», «точками» и «запятами».

Саками же из Ирана была заимствована манера дополнительного прикрепления ножен кинжала к ноге (бедру) с помощью второй бляхи – распределителя ремня. В иссыкском случае дополнительное прикрепление кинжала к ноге доказывается нахождением блях – распределителей ремня крепления в первоначальном положении. Одна из них находилась в отверстии большой бляхи, украшавшей верхнюю часть ножен, а другая – у острия клинка кинжала. Кстати отметим, что древним грекам и скифам было несвойственно двойное прикрепление кинжала к телу.

Иссыкские находки дали новый толчок многолетним спорам специалистов о происхождении искусства звериного стиля, о его прародине. По нашему мнению, в настоящее время, после находок большой коллекции скифских и сакских предметов искусства в захоронениях Толстой могилы, Гаймановой могилы, Каховских курганов и в кургане Иссык, нет достаточных фактов, доказывающих теории моноцентрического или полицентрического происхождения звериного стиля.

Прямолинейное категоричное решение этой проблемы, вероятно, вообще исключено. С одной стороны, и в древности любое гениальное открытие (а зве-

риный стиль был гениальным изобретением) сравнительно быстро становилось достоянием многих племен и народов. А с другой стороны, при наших современных знаниях было бы примитивом считать все предметы так называемого скифо-сибирского звериного стиля, найденные на территории Евразии, происходящими из одного центра, например, из Передней Азии.

На территории Евразии в эпоху палеометалла и раньше известны предметы, выполненные в зверином стиле. Евразийским племенам (в частности андроновским племенам Сибири и Казахстана) были хорошо известны резьба звериных образов по кости (возможно, и по дереву), техника плавки и литья меди и бронзы, техника изготовления листового золота. Многочисленны находки предметов украшения (серьги, височные кольца, заколки, ременные обоймы) из бронзы и меди, искусно обтянутые листовым золотом. Такой техникой выполнены две большие бронзовые серьги, обтянутые листовым золотом, на внутреннем ободе одной из них припаяны две литые золотые фигурки лошадей. Серьги датируются XII-X вв. до н.э. Значит, им была известна сложная для своего времени техника аппликации листового золота на медную и бронзовую основу.

Таким образом, по технической оснащенности, по уровню знания технологии металла и по развитости художественного мышления евразийские племена стояли на высокой ступени прогресса и интеллектуально и технически были готовы к созданию высокохудожественных образов в зверином стиле.

Вероятно, поэтому искусство звериного стиля в Сибири и Тыве, в Средней Азии и Казахстане, в Причерноморье и в Подунавье появляется внезапно, в развитом виде. Среди многочисленных коллекций художественного металла мало импортных изделий, но разнообразны предметы с импортными образами и сюжетами. Евразия, вероятно, заимствовала из Передней Азии основную идею воплощения в искусстве звериных образов, художественный стиль. По крайней мере, в древнем Иране изделия, выполненные в зверином стиле, появились на три-четыре столетия раньше, чем в Евразии.

Позаимствовав идею, степные торевты в корне переработали звериный стиль и формально и по содержанию. По сути дела, в Евразии в VII-V вв. до н.э. это новое искусство, с новыми образами и мотивами, с новыми сюжетами и композицией, отражающими местную биосферу, отвечающими конкретным этнокультурным традициям.

По-видимому, каждая этнокультурная среда вкладывает новые религиозные понятия в звериные образы и сюжеты. В итоге искусство звериного стиля наполняется новым содержанием, соответствующим социально-экономической развитости того или иного общества.

На территории Евразии, по нашему мнению, в скифо-сакское время существовало несколько художественно-стилистических школ торевтов. Одной из них, как уже отмечалось выше, является семиреченская школа мастеров-юве-

лиров. Произведения искусства, созданные мастерами этой школы, отдельные образы и сюжеты иссыкских сокровищ доведены до совершенства и превосходят по реалистичности и технике исполнения эталонные образцы прародины звериного стиля. Вклад в развитие искусства звериного стиля в VII-V вв. до н.э. евразийских племен чрезвычайно велик. Евразия – родина искусства скифо-сибирского звериного стиля в VII-V вв. до н.э.

Историческая судьба звериного стиля в последующее время претерпевает существенные изменения. Реалистичная форма искусства звериного стиля уступает место все большей стилизации и в итоге переходит в беспредметный орнаментализм. В первых веках нашей эры заменяется вычурным полихромным стилем. Позднесакская стилизация звериного стиля формально упадок этой формы искусства, а исторически следующий шаг в развитии изобразительного искусства, его более высокая ступень.

Этап финала сакского искусства звериного стиля – этап умирания реализма и торжества стилизации – демонстрируют находки золотых предметов украшения в царских курганах более позднего периода. Мы имеем в виду великолепные образцы ювелирного искусства послесакской эпохи, когда, на основе художественной традиции саков, появляется пышный, целиком декоративный, но утонченно мастерский полихромный стиль – высший этап ювелирно-прикладного искусства древности.

В науке существуют различные теории и концепции о времени появления и о родине происхождения искусства полихромного стиля, составившего целый этап в истории искусства народов мира. Ряд исследователей в вопросе происхождения этого оригинального стиля защищают приоритет стран древнего Востока.

Изучение данного вопроса – тема, требующая самостоятельного исследования, и не входит в задачу нашей работы. Поэтому, не предвешая проблемы, все же отметим, что евразийские племена, в частности скифы и саки, хорошо знали технологию работы с драгоценным металлом, технику зерни и псевдозерни, приемы инкрустации золотых изделий цветной пастой и самоцветами.

Так, среди скифских находок назовем золотого оленя, инкрустированного цветным камнем, из Костромского кургана на Кубани (VI в. до н.э.), а среди сакских – инкрустированных оленей из шиликтинского кургана в Восточном Казахстане (VII-VI вв. до н.э.) и золотые пластины, украшенные зернью, из пазырыкских курганов на Алтае (V в. до н.э.).

В кургане Иссык также имеются изделия, выполненные в подобной технике. Золотая серьга имеет украшение в виде грозди зерни, изображения животных на золотых пластинках, украшавших клинок кинжала, инкрустированы цветными вставками.

Таким образом, для искусства скифо-сакских племен еще в эпоху архаики появление полихромного стиля не явилось неожиданностью, хотя мы эти племена не можем назвать творцами полихромного стиля – стиля, поправшего реалистичность форм и стройность композиции «звериного» искусства в угоду многоцветности и красочности нового искусства.

Для истории мирового искусства вопрос о приоритете в зарождении той или иной формы искусства – всего лишь частная тема, имеющая узко региональное значение. Значительно важнее сам исторический факт поступательного обогащения культуры и искусства новыми произведениями человеческого гения.

Большой комплекс блестящих образцов сакского искусства звериного стиля из кургана Иссык – вклад в сокровищницу мировой культуры.

Реконструкция социальной структуры сакского общества – сложная теоретическая проблема. Ввиду малочисленности сведений письменных источников по этому вопросу, при определении социальной стратификации сакского общества мы обращаемся исключительно к археологическому материалу, в частности, к погребальному обряду. Привлекаются такие показатели как богатство и бедность погребального инвентаря, параметры технической усложненности надмогильного и могильного сооружения, количество человеческого труда, затраченного на их возведение, масштабы тризны и жертвоприношения, существование письменности и устойчивой идеологии.

Жетысу является уникальным археологическим районом по масштабности скопления царских курганов, достигающих высоты 18-20 м. Такие монументальные «сакские пирамиды» не могли возводиться над могилами каждого члена общества, они были прерогативой узкого круга лиц. Небольшое количество больших курганов по сравнению с тысячами малых насыпей, бесспорно, свидетельствует о разделении общества на две группы, на привилегированное меньшинство и непривилегированное большинство. Уместно отметить, что начало такому социальному неравенству было положено ещё в эпоху поздней бронзы в конце второй половины II тыс. до н.э.

Первое обращение к социологической интерпретации археологических материалов было предпринято мной при анализе информации, полученной при раскопках могильника Бешатыр, оставленного саками в V в. до н.э. Было раскопано 20 курганов, которые по параметрам насыпей делились на большие, средние и малые (Акишев, Кушаев, 1963).

Предполагалось, что резко выраженная градация параметров насыпей бешатырских курганов, монументальность и сложность деревянных усыпальниц отражают имущественное и социальное неравенство членов сакского общества, связаны с поляризацией общества на богатых и бедных. Несомненно, захороненные под большими и малыми курганами Бешатыра принадлежали к

разным социальным категориям населения. Большие курганы интерпретируются мною как могилы сакских царей – верховных военачальников, средние – как могилы аристократии и знати, мелкие – как могилы дружинников и рядовых общинников.

Доминирование огромных насыпей царских курганов над многочисленными малыми соответствовало господству знати над массой простолюдинов и рабов. Грандиозность курганных насыпей – это тоже инсигнии власти, утверждающие былое величие погребенных царей.

Насыпи всех царских и средних курганов восточного Жетысу по изначальному архитектурному замыслу возводились с плоской вершиной и с прямыми боковыми скатами, т.е. имели форму усеченного конуса. Подсчет объема насыпи в кубометрах Большого Бесшатырского кургана составляет 80,5 тыс. куб.м. Вокруг насыпи расположен каменный вал и 94 кольцевые ограды, на сооружение которых было доставлено из окрестных гор свыше 650 многотонных менгиров и валунов.

Поражает воображение предлагаемый объем человеческого труда, затраченный на транспортировку указанного количества камня и щебня, каменных плит и валунов на возведение насыпи и других, дополняющих сооружений этого царского памятника.

Как показали раскопки, под каждой насыпью царских курганов Бесшатыра находились большие погребальные камеры из трехметровых бревен тяньшанской ели. На возведение камеры в Третьем Бесшатырском кургане было использовано свыше 300 таких бревен. На заготовку и перевозку их требовалась затрата человеческой энергии.

Экспериментальные подсчеты затрат человеческого труда, израсходованного на возведение больших, средних и малых курганов в тех же могильниках, показывает, что на строительство самого большого царского кургана было затрачено более чем в десять тысяч раз большее количество дней, чем на возведение самого большого рядового кургана.

Резкая градация параметров насыпей и количества труда, необходимого на их сооружение, является доказательством развитости социальной иерархии в сакском обществе.

Комплекс находок в кургане Иссык дал дополнительные, важные материалы, проливающие свет на уровень социального строя саков Жетысу. Суммарно бесшатырские и иссыкские находки, в целом, воспроизводят пышный погребальный обряд лица, принадлежавшего к высшему рангу сакского общества. Саки своих царей облачали в золотое одеяние, помещали в монументальные погребальные камеры, а над ними сооружали наземный памятник – огромный курган. Обряд погребения других членов общества все более упрощался по мере понижения на ступенях иерархической лестницы.

В дифференциации обряда в зависимости от социального положения важную роль играл культ мертвых предков, особенно царей – сильных покровителей. Однако в ритуалах возвеличивания личности мертвого царя имелась и политическая подоплека – сугубо земные корыстные интересы его преемников. Они использовали ритуалы погребального обряда как религиозно-идеологическое воздействие на массы с целью обосновать незыблемость династии сакских царей.

Несомненно, пышность и богатство золотой одежды иссыкского сака были предназначены не только на внешний эффект, а больше имели социальное содержание, преследовали политико-пропагандистские цели. Главное назначение одежды было в возвеличении личности царя, возведения его в ранг солнцеподобного божества.

Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов, имеющих на предметах украшения головного убора, подтверждает это положение. В образе крылатых и рогатых коней на налобной части головного убора иссыкского воина заложена сложная символика, воплощены многие черты мировоззрения саков. Причем в них прежние представления переплетаются с новыми формами верований. Изображение оленя, козла и архара – древних родовых тотемов–родоначальников – в иссыкское время уже нечто иное как пережиток. В это время чаще изображали их символ – оленьи и козлиные рога.

В религиозных представлениях многих индоиранских племен конь был символом солнца, солнечного божества. На иссыкском головном уборе конь изображен с большими козлиными рогами, что, вероятно, символизировало слияние образов солнечного божества и родового тотема. Близкие по символу находки известны из курганов пазырыкской культуры Алтая. Здесь на голову лошади была надета войлочная маска с оленьими рогами, что может быть объяснено, так же как в иссыкском случае, синкретизмом образов.

Иссыкский конь изображен и с рогами, и с крыльями. Воспроизведение крылатых существ чуждо для сакской среды, но очень широко распространено в Передней Азии. В частности, в Ахеменидском Иране персонифицированный высший бог неба Ахура Мазда, в свою очередь, восходящий к бестелесному божеству Ассирии – Ашшуру, изображался в виде крылатой фигуры в солнечном диске. Вероятно, саки от образа Ахура Мазды заимствовали крылья и своего солярного бога изображали в образе крылатого коня с козлиными рогами. В полиморфной фигуре этого сакского божества слились черты бога солнца Митры, бога неба Ахуры Мазда и родового тотема.

Несомненно, протомы коней Иссыка имели двойную семантическую нагрузку: символ солнечного божества и царский знак. А в целом иссыкский царь в таком сверкающем головном уборе, в ослепительной одежде предстал реальным Ахура Маздой или Митрой, его персона олицетворяла земного и небесного владыку, светского царя и верховного жреца.

Идеологическое содержание звериного стиля в искусстве являлось по своей сути религиозным обоснованием сакской государственности. В самом искусстве была заложена основная идея: быть государственной религией.

Значение исыкских находок для рассматриваемой проблемы возрастает в связи с находкой памятника письменности – серебряной чаши с надписью. Факт существования письменности в любом обществе свидетельствует о высоком уровне развития социально-экономической организации, о генезисе государства ранних форм.

Резюмируя всю приведенную информацию, извлеченную из археологического и эпиграфического источников (градация параметров насыпей, наличие больших материальных ценностей, количество человекоднев, израсходованных на сооружение кургана, искусство – как отражение государственной религии, письменность), я склонен считать, что саки Казахстана по уровню развития социальной структуры находились на стадии сложения раннеклассового общества, производственные отношения в котором регламентировались и регулировались органами государственного управления.

Литература:

- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984.
Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978.
Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

«Золотой воин» К.А. Акишева

Тlavnым экспонатом музейного фонда Казахстана является «Золотой человек». Именно этот экспонат с 1974 г. триумфально представляет Казахстан на крупных выставках и международных вернисажах. Открытие золотого воина, воскрешение его из глубины веков произошло более 40 лет. О жизненном пути молодого сакского вождя, умершего, возможно, в битве с врагами, мы ничего не знаем. Однако современная «биография» этой уникальной археологической находки обросла массой легенд. И каждый, кто к нему обращается, создает свою историю, историю жизни, подвигов и свершений. Такова судьба всех значительных открытий. Постепенно они приобретают собственную историю, новую биографию и начинают жить во многих измерениях – как научное явление, как художественный образ, как исторический факт, как уникальная находка...

Дорогу в современный мир Золотому человеку дал археолог Кималь Акишевич Акишев. Главной заслугой ученого является реконструкция парадного костюма сакского вождя, создавшего зримый образ нашего далекого предка. И в этом скульптурно завершенном облике золотой воин стал еще одной сокровищницей, шедевром мировой культуры.

Золотой человек бы погребен в кургане, входящем в состав царского могильника, расположенного в 50 км восточнее г. Алматы, на окраине современного поселка Есик (Иссык). Здесь у подножия Илейского/Зайлийского Алатау, в живописном месте на берегах речки Иссык раскинулся огромный могильник, состоящий из нескольких десятков крупных курганов, достигающих высоты 4-15 м, диаметра 30-90 м. Насыпи их сложены из речной гальки, укреплены по основанию крупными каменными валунами. На вершинах курганов видны воронки – следы грабительских раскопок. К сожалению, почти все крупные курганы были ограблены еще в древности теми, кто их соорудил. Эта участь не обошла и знаменитый Иссыкский курган.

Все начиналось прозаически. Поселок Иссык расширялся, наступал на территорию могильника. При строительстве автобазы возникла необходимость убрать один из крупных курганов. С этой целью обратились в отдел археологии Института истории, археологии, этнографии АН КазССР. Осенью 1969 г. здесь появились археологи во главе с К.А. Акишевым. Снесли половину насыпи, в центре обнаружили могильную яму, которая оказалась неоднократно грабленной. В ней остались только разрозненные кости человеческого скелета и мелкие фрагменты поломанных золотых украшений. На этом археологические рабо-

ты 1969 г. были приостановлены. Раскопки были продолжены в апреле 1970 г. Необходимо было исследовать оставшуюся южную половину кургана. Каково было удивление археологов, когда под ножом бульдозера, отодвигавшего насыпь, появились бревна перекрытия еще одной могильной ямы. Как правило, каждый курган независимо от размеров содержит только одну могилу. В Исыкском кургане в 15 м южнее центральной гробницы оказалось еще одно захоронение, о существовании которого не подозревали древние грабители, поэтому оно сохранилось до наших дней.

Сразу все работы бульдозера были приостановлены. В ход пошли лопаты, кисточки. Стало ясно, что могила не потревожена. Глубина ее оказалась – 2,7 м. На дне могилы стоял деревянный сруб размерами 3,0 x 1,5 м, высотой 1,5 м. Пол его был выстлан досками, сверху сруб имел деревянное перекрытие. На полу погребальной камеры под северной стенкой были расчищены останки человеческого скелета, положенного вытянуто на спине, головой на запад. Вдоль стен деревянной гробницы стояли сопровождающие его вещи. Самую большую трудность вызвала расчистка золотых бляшек, украшавших некогда одежду, головной убор и обувь сакского вождя. Надо было чистить, не сдвигая бляшки с места и постараться все тщательно зафиксировать, зарисовать, сфотографировать. Началась долгая кропотливая работа. Скоро вездесущие мальчишки разнесли весть об открытии золотой гробницы. К кургану потянулись вереницы любопытствующих. Все это мешало работе, пришлось вызвать милицию для охраны. Расчистка дна могильной ямы заняла несколько дней. Однако этот труд был вознагражден.

Буквально весь скелет человека был покрыт золотыми пластинами, бляшками. Только в районе черепа было обнаружено 150 золотых пластин. Расположение их позволило реконструировать головной убор знатного воина. В 65 см от черепа лежала золотая статуэтка архара, венчавшая сложную конструкцию головного убора. У черепа с левой стороны обнаружена золотая серьга, украшенная мелкой зернью и подвесками из бирюзы. На шейных позвонках покоилась золотая трубчатая гривна с наконечниками в виде головы тигра. В районе пояса лежали золотые накладки наборного ремня. На фалангах пальцев найдены два массивных перстня.

Плотное расположение мелких золотых бляшек в нагрудной части, на костях рук и ног позволило реконструировать полный парадный костюм знатного сака. Всего на костюме обнаружено 4000 золотых изделий. Необходимо сказать, что все они художественно оформлены. Более крупные по размерам бляхи и пластины выполнены в виде фигур или изображений зверей, в основном тигров, барсов, лосей, лошадей.

В парадный костюм золотого человека входил железный меч, рукоять его инкрустирована золотом. Слева у тазовых костей обнаружен железный кинжал, положенный в деревянных ножнах. Конец ножен украшен золотыми пластина-

ми-накладками. Рядом с погребенным найдена нагайка и шелковая сумочка с бронзовым зеркалом.

В могилу был поставлен 31 сосуд из глины, дерева и металла. Можно сказать, что это целый столовый и чайный сервиз, в состав которого входит серебряная ложка, деревянный черпак. Посуда размещена в определенном порядке: у южной стены камеры стояли деревянные сосуды, а у западной – глиняные и металлические. Деревянная посуда представлена подносами прямоугольной формы и довольно крупных размеров (67 x 37 см). Глиняная посуда – в виде кувшинов, мисок, пиал.

Самой уникальной находкой стала маленькая серебряная чашка высотой всего 2,2 см, на дне которой острым инструментом нанесены 26 знаков неизвестной письменности. Значит, древние племена Казахстана имели свою письменность! Были грамотны, вели переписку... И даже умершему воину поставили в могилу чашечку с напутственным текстом.

Золотой человек из Иссыкского кургана, вне сомнения, являлся вождем, правителем древних саков, создавших первое государство на территории Казахстана. Сведения о саках сохранились в древнеперсидских, античных и китайских хрониках. В основном – это разрозненные факты политической истории. Материальная культура, верования, культы, образ жизни, быт – все это реконструируется на основе археологических источников. И важным источником является «Золотой человек». Костюм золотого человека – это парадная церемониальная одежда правителя, отражающая государственную идеологию саков 5-4 вв. до н.э. Когда перед соплеменниками появлялся вождь (правитель) в сверкающем одеянии, в высокой шапке с золотым ореолом стрел и парящих птиц – никто не сомневался в божественности его происхождения и в божественности его власти. Именно высокая коническая форма шапки и 4 стрелы, прикрепленные к ней, дали основание К.А. Акишеву отнести золотого воина к племенному подразделению саков-тиграхауда. «Тигра» – по-древнеперсидски «стрела». Этимологию названия «саки-тиграхауда» можно прочесть как «саки в стреловидных шапках».

Боковая гробница Иссыкского кургана осталась нетронутой и воскресила из забвения образ молодого вождя саков. Сенсацией явилось обилие золотых бляшек, украшавших одежду воина. Идея воссоздать костюм золотого воина пришла неожиданно.

Перед археологами стояла задача открытия первого в республике Музея археологии. Под него выделили огромные площади в центре Алма-Аты. Из Прибалтики были привезены новейшие модели музейных витрин. Разрабатывался экспозиционный план. И тут родилась идея не просто выложить находки под витрину, а воссоздать образ воина в полном парадном облачении.

Вместе с реставратором В. Садомсковым, решили отлить в натуральную величину все пряжки. Кималь Акишевич рассказывал, что для литейных форм

использовали пластмассу – пробки от шампанского, которые выпросили на Алма-Атинском ликеро-водочном заводе. Были созданы 45 форм для штамповки и тиснения художественных блях. Всего на них было изготовлено свыше 3000 алюминиевых копий художественных блях, бляшек и пластин. По технической точности исполнения копии, изготовленные из анодированного алюминия, практически не отличаются от золотых подлинников. Работа кипела каждый день. После отливки всех пряжек разыскали манекен, сшили кожаную куртку, штаны, сапоги и долго нашивали пряжки на одежду. И когда выставили готового «золотого воина» в церемониальной (парадной) форме, при длинном мече и кинжале-акинаке на поясе, даже для археологов – это было неожиданностью и сенсацией.

Начиная с 1974 г., «Золотой человек» триумфально побывал на всех континентах планеты, во многих странах Европы, в Америке, Египте, Японии, Индии, Турции и везде он сразу привлекал внимание посетителей и восторг реставраторов качеством работы. В зарубежной прессе его прозвали «стреляющим экспонатом» павильона Советского Союза.

**Могильник Иссык – Некрополь
Иссык – Археологический комплекс Есик-
Рахат – Республиканский государственный
историко-культурный заповедник-музей «Иссык»**

Могильник Иссык расположен по обеим берегам р. Есік/Иссык близ одноименного города – административного центра Енбекшиказахского района Алматинской области.

Узкому кругу специалистов памятник известен (по материалам экспедиций 1939 г.) с 1948 г. (Бернштам, 1948). Всемирную известность получил (по находкам раскопок кургана Иссык 1970 г.) с 1974 г. (Акишев, 1974).

К.А. Акишев почти сорок лет тому назад отметил единство основных компонентов культуры саков Жетысу (Иссык, Бешатыр, Каркара и др.), Зайсанской котловины (Шиликты), Горного Алтая (Пазырык), Южной Сибири и Тывы. Сегодня в этот ареал входят Центральный Казахстан (Талды – II) и Казахский Алтай (Берел) (Бейсенов, 2010; Самашев, Толеубаев, Жұмабекова, 2004). И в последующие годы, в изложении отдельных аспектов сакологии, исследователь постоянно привлекал материалов Иссыкского могильника (Акишев, 1978).

Некрополь Иссык. Исходя из современного состояния изученности памятника, могильник Иссык уместно назвать – некрополь Иссык, названием обычно распространяемым на комплексы погребений античного мира. К тому же новые исследования показали, что могильник занимает территорию многократно более обширную, чем предполагалось раньше. Оказалось, что он охватывает не только левобережную часть р. Есик, но занимает и ее правый, противоположный, берег. Протяженность этой прибрежной полосы памятников увеличилась от 3 до 10 км. Соответственно, ширина: от 1,5 до 3,5 км. Таким образом, археологический ландшафт некрополя Иссык охватывая территорию от Кульджинского тракта (северо-запад), заходит на территорию самого города Есик (юго-восток). Количество лишь сохранившихся объектов некрополя не около 50-ти, как считалось ранее, а свыше 300. Расширился и хронологический диапазон: верхний – до XI в н.э., и, соответственно, нижний – до X- IX вв. до н.э. (Григорьев, Загородний, 1995; Нурмуханбетов, 1985).

Археологический комплекс Иссык (Есик) – Рахат. Этим наименованием мы указываем еще на одну вновь выявленную особенность исторической топо-

графии археологического ландшафта. Вдоль южной границы некрополя Иссык в предгорных зонах, обильных ручьями, обнаружены комплексы поселений и городов. Теперь мы уверенно можем утверждать, что на некрополе Иссык покоятся обитатели этих памятников оседлой культуры.

Города Рахат и Орикти трехчастные. Составные части первого (Рахата) расположены в ряд (Нурмуханбетов, Нурмуханбетов, 1999), второго (Орикти) – замкнутым кругом. Четко читаются рвы, крепостные стены с башнями вокруг жилых массивов. Вполне возможно, что городище Рахат было резиденцией сакских царей. Именно оттуда выносили тело нашего Золотого человека, а городище Орикти было городом сакской элиты.

Поселения приурочены к многочисленным ручейкам, вытекающим из гор и по обоим берегам полноводных горных рек.

Создание Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» в рамках реализации Национальной программы «Культурное наследие» в 2010 г. явилось следующим этапом в деле сохранения этого уникального объекта историко-культурного наследия страны, являющегося одним из его национальных символов.

Экскурсионный маршрут по музею под открытым небом начинается с экспозиции музея, включающего в себя фойе и два зала, в которых в настоящее время расположено 135 экспонатов. В фойе на стене размещена электронная карта – «Сако-скифские памятники на территории Казахстана» со списком из 155 археологических памятников.

Зал «История и культура саков» продолжает тему археологической карты. Здесь выставлены копии и подлинники предметов воинского и конского снаряжения, предметов быта и украшения из могильников Шубарат и Моалалы (V-VI вв. до н.э.), курганов Шиликты (VII вв. до н.э.), Берел (V-IV вв. до н.э.), Бесшатыр (V-IV вв. до н.э.) и др. – немые свидетели сакского периода отечественной истории. Во втором зале «Золотой человек» посетители могут узнать интересные сведения о знаменитом правителе саков, найденном в кургане Иссык, познакомиться с различными видами реконструкций одежды, макетом кургана и другими подлинными экспонатами, найденными в кургане. Экспозиция музея оснащена сенсорными киосками, в которых размещена более подробная информация по темам зала.

В настоящее время музеем проводятся работы по определению границы охранных зон. Разработаны и реализуются научно-прикладные проекты по исследованию и музеефикации археологических памятников на территории заповедника, ведется культурно-образовательная деятельность, рассматриваются возможности прокладки новых туристических троп к местам древних городищ саков Рахат и Орикты.

Расположенный на магистрали Великого Шелкового пути, заповедник-музей «Иссык» – стратегически важный объект развития культурного туризма республики.

Таковы основные этапы использования объектов нашего археологического комплекса в научных, культурных, образовательных, музейных и туристических целях.

Литература:

Акишев К.А. Курган Иссык (предварительные итоги раскопок) // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М., 1978.

Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения-2010: матер. докл. междунар. научн. конф., посв. памяти Мира Касымовича Кадырбаева. – Актобе, 2010. – С. 77-79.

Бернштам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Изв. АН КазССР. Серия археол. – 1948. – Вып. 1. – С. 81.

Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 1998. – Вып. 2.

Нурмуханбетов Б. Разведка в Алма – Атинской области // АО-1985 г. – М., 1987.

Нурмуханбетов Б., Нурмуханбетов М. Древний город возле Рахата // Енбекшіқазақ. – 1999, № 40.

Самашев З.С., Төлеубаев Ә.Т., Жұмабекова Г.С. Дала көсемдерінің қазыналары. Алматы, 2004. – 140 б.

Проблемы социально-экономической и культурно-этнической истории древних номадов Казахского Алтая

У следовние берельских курганов начато в 1998 г., продолжается и сейчас. Необходимость изучения этих курганов (особенно, содержавших линзу мерзлоты) была продиктована необходимостью разработки актуальных проблем отечественной археологии, связанных с реконструкцией образа жизни, религиозных верований, экономики и общественного строя древних номадов, этносоциокультурных процессов, которые происходили в раннем железном веке в изучаемом регионе и, в целом, в Центральной Азии, а также выяснения степени преемственности между древними этносами и современной казахской популяцией, с использованием, наряду с традиционными, новейших естественнонаучных методов, в том числе и данных молекулярно-биологических и других, на новой методологической основе.

1. В Берельском кургане № 11 зафиксированы погребения особо важной персоны (царя) и женщины в одном саркофаге-колоде, в сопровождении 13 жеребцов светлой масти, в полной парадной амуниции. Интересные предположения генетиков касаются возраста и родственных связей погребенных: женщина была несколько старше мужчины, возраст которого определен в интервале от 30 до 40 лет. Полагают, что мужчина и женщина являлись близкими родственниками: в большей степени вероятности – сыном и матерью, в меньшей – братом и сестрой.

2. Найденные в курганах Береля артефакты можно сгруппировать на несколько категорий: культовые изделия, костюм, предметы бытового и хозяйственного назначения, конское снаряжение.

Специфика художественных изделий, происходящих из погребальных памятников, состоит в том, что независимо от того, использовались или нет эти вещи в реальной жизни, предназначены они для осуществления определенного ритуала, предписанного существующими в социуме нормами религиозно-обрядовых процедур при подготовке умершего к новой жизни и перехода его из мира живых в мир мертвых, что предусматривает перекодировку их прежнего знаково-понятийного содержания как образов-изображений и превращения их в новый текст (мифологический), для расшифровки которого требуется уже иной ключ. Перекодировка метаязыка образов-изображений происходит и при изготовлении аналогов реально бытовавших в данной среде вещей, предназначенных для проведения обрядов «перехода» и сопровождения умершего в инобытие.

Ясно, что и при искусствоведческом подходе к изучению образов художественно оформленных «курганых» вещей, необходим учет контекста погребально-поминальной обрядности и религиозного воззрения создателей конкретной археологической культуры, конкретной исторической эпохи.

Из художественных образов, использовавшихся в декоре берельских изделий, наиболее заметен образ «грифона». Образ грифона в мифологии и искусстве у центральноазиатских кочевников формируется, по-видимому, не раньше VII-VI вв. до н.э., а полный расцвет и всплеск с различными вариациями его трактовки, согласно данным элитных и рядовых пазырыкских курганов Горного Алтая и Береля в Казахском Алтае, относится к IV-III вв. до н.э.

Вполне возможно, что классический вариант образа грифона – «собаки Зевса» – с телом льва и головой хищной птицы в мифологии античной Греции сформировался под воздействием мифоритуального комплекса кочевых народов Алтайской горной системы, скорее всего, после VI в. до н.э.

Сакрально-магический атрибут, символ верховной власти – штандарт, пока единственный предмет, оформленный в виде скульптурного образа синкретического существа грифона – тело хищника с хвостом, крыльями и клювом птицы, т.е. в том виде, каким его восприняли близкие соседи пазырыкцев и отдаленные народы.

Сейчас сложно выяснить – почему древние берельцы выбрали в качестве главного государственного символа синкретический образ тигрогрифона?

Постоянное присутствие грифа в зримом пространственно-временном континууме могло породить в мифопоэтическом сознании живущих в горно-долинные и степные просторах людей представление о грифе, как о всемогущем небесном покровителе земных богатств, о его фантастических инкарнациях – кошачьих хищниках, копытных и др.

Другая испостась грифона – кошачий хищник, тигр, быстрый, ловкий и грозный земной зверь, также занимал в мифологическом сознании соответствующее место.

Когда в вербальной характеристике ассоциированного мифологического образа (грифона) вышеуказанные свойства природных прототипов получают уже целостное оформление как устойчивая система взаимосвязей, то через определенное время происходит его художественное воплощение, в том числе и в виде так называемого «зооморфного превращения». Когда этот образ становится уже всеобъемлющим фактором духовной сферы жизнедеятельности социума, он превращается в эмблему общества.

3. Природно-климатические условия Казахского Алтая способствовали, в первую очередь, выделению коневодства, основанного на круглогодичном содержании на подножном корме, как ведущей формы скотоводческого хозяйства у берельцев.

Основным компонентом хозяйства у берельцев было экстенсивное скотоводство, с явным преобладанием удельного веса коневодческого направления, обусловленного спецификой экосистемы региона. Скотоводство в горных и предгорных условиях Казахского Алтая было связано с вертикальным способом сезонного кочевания с зимних пастбищ в межгорных впадинах на высокогорные летние, с небольшой амплитудой, т.е. жестко привязано к экосистеме региона.

Если посмотреть на ландшафтное условие межгорной Нарымско-Бухтарминской впадины – от начального узла Табын Богда уула до правого берега Иртыша, куда она выходит, то видим интересную картину ступенчатого расположения на значительном расстоянии и погребальных памятников и, соответственно, летних и зимних пастбищ.

У каждой группы населения, в зависимости от занимаемой им ниши (ступени), были свои родовые территории – зимники и летние высотные пастбища для сезонного выпаса скота. Поэтому, те модели кочевничества, которые базировались исключительно на условиях аридной экосистемы, не вполне применимы для изучения хозяйственно-культурного типа высокогорных, горно-долинных и предгорных зон, к числу которых относится район берельских курганов в Казахском Алтае.

Богатые минерально-сырьевые ресурсы региона еще в эпоху бронзы способствовали развитию здесь горно-металлургического производства. В предгорных районах Восточного Казахстана располагаются известные рудные пояса, в том числе Калба-Нарымский золоторудный, полиметаллический, протянувшийся с северо-запада на юго-восток региона, железорудный, в низовьях реки Бухтармы и др., которые служили мощной сырьевой базой и создавали наиболее благоприятные условия для комплексного развития экономической базы кочевнического общества древних берельцев.

Добыча руды золота, железа, олова и меди, транспортировка и обогащение требовало у населения региона мобилизации значительных людских ресурсов, организации труда, совершенствования технологических циклов и, что не менее важно, обеспечения защиты промысловых объектов от возможной внешней агрессии.

Работа на горных выработках и шахтах открытого или подземного типов предполагает специализацию, поэтому существовал, видимо, определенный слой свободного и невольного (рабского?) труда, постоянно занятого на приисках, и персонала, осуществляющего надзор над производственным процессом.

Металлургическое производство, металлообработка (например, изготовление тончайших листов из золотой проволоки, штамповка и другие операции) также требовали формирования определенного слоя населения, владеющего специальными знаниями и навыками, а также наличия стационарных населенных пунктов-поселений, где должны размещаться металлургические печи, мастерские и другие необходимые для производства и хранения готовой продукции помещения.

Люди, занятые на добыче и в производстве, составляли, возможно, в отличие от подвижных скотоводов, определенную прослойку в социальном организме пазырыкского общества и относились к категории малоподвижных (оседлых). Конечно, состояние «оседлости» в социально-экономической структуре этого общества носило во многом условный характер, так как переход в иную категорию «непосредственных производителей» происходил легко. Их образ жизни, общественно-поведенческие нормы были адаптированы к условиям труда и проживания. Вполне возможно, что практиковалось отношение временного или сезонного найма на тяжелый труд горнодобытчика из числа малообеспеченных членов общины.

Общество древних берельцев может характеризоваться, в плане жизнедеятельности всего сообщества, взаимоотношением и интеграцией между богатыми скотовладельцами и малоимущими, и частью социальной группы, занятой нескотоводческой деятельностью. К малоподвижной части населения относятся, возможно, некоторые группы ремесленников, ювелиров и текстильщиков.

Нам представляется, что по уровню организации производства и трудозатрат эта отрасль была самой сложной и тяжелой, несмотря на то, что по своей хозяйственной значимости в системе жизнедеятельности пазырыкского социума, она уступала только главному направлению экономики – скотоводству.

Мерилом богатства в этих условиях выступает количество скота (табуны породистых лошадей), а престижности – высокохудожественные вещи из золота и других драгоценных материалов. Скот нужно было выращивать и содержать, а металл – добывать своими силами. Специфический тип скотоводческого хозяйства – яйлажно-горно-долинный, адаптированный к соответствующей природно-экологической нише, определял господствующее направление экономики (и образа жизни), но не являлся единственным способом жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Многоотраслевую экономику древних берельцев можно было бы охарактеризовать как полукочевую, адаптированную к особенностям стыковой зоны горно-долинного ландшафта с открытым степным пространством.

Кроме скотоводства, существенную роль играли горно-металлургическая отрасль, ремесленное производство и другие. Безусловно, у кочевников этого региона, также как и у других родственных им степных кочевников, были достаточно серьезные экономические связи, обмены и контакты как внутри кочевого мира, так и с другими народами сопредельных территории, а также с оседло-земледельческими центрами и более отдаленными этнокультурными областями.

4. Материалы из берельских курганов свидетельствуют о существовании у древних кочевников региона (как части пазырыкской историко-культурной общности) реального гетерогенного общества с глубоко зашедшим процессом расслоения и с соответствующей имущественной дифференциацией, которые получили отражение в погребальных памятниках.

Социальная структура и институты власти в пазырыкском обществе сложились, по-видимому, не позже (если не раньше), чем у европейских скифов, для которых переход от племенного объединения к раннеклассовому обществу (и государству) произошел, по мнению некоторых исследователей, в V-IV вв.

Пазырыкское кочевническое общество Алтайской горной системы более самодостаточное, чем царство северопричерноморских скифов, которое оказалось непосредственно втянутым в орбиту античного культурного комплекса в изучаемый период, перешагнув стадию «суперсложного вожDESTВА», находилось на уровне (ранней) государственности конфедеративного устройства. Во главе такой конфедерации (с конца VI в. до н.э. до конца III в. до н.э.) поочередно могли находиться лидеры («цари») сначала Туэкта-Башадарского альянса, затем собственно Пазырыкского и на последнем этапе существования государственности – Берельского (Бухтарминско-Нарымского) и др. политарных центров, которые, в свою очередь, имели местные структуры, управляемые удельными вождями.

В функции таких вождей входили, возможно, организация охраны внешних рубежей, сбор податей, решение внутриведенных и межплеменных вопросов, организация производства для получения прибавочных продуктов и их распределение вместе с центральной властью. Такая схема развития пазырыкского «единого потестарно-политического образования» возможна в случае признания формирования пазырыкской культурной общности на базе развития «местного раннекочевнического культурного комплекса», для которого воздействие внешних катализаторов (Китай, Ахеменидская Персия или другие, в том числе и земледельческие центры), по-видимому, не является неременным консолидирующим условием. Под «местным раннекочевническим культурным комплексом» нами подразумеваются, в основном, материалы таких памятников, как Аржан, Майемер (включая результаты наших новых исследований), Шиликты (Байгетобе) и Талды-2, которые характеризуют не просто один культурно-хронологический горизонт и маркируют единую зону формирования, но и демонстрируют генетическое родство и близость этнокультурного облика. Поэтому начальный этап сложения пазырыкской культуры на Алтае не следует связывать с актом подчинения неким «мигрантам»; таковых, скорее, не было.

Исследователи допускают возможность существования на Алтае в это время нескольких политарных центров древних номадов, среди которых предлагается выделить Бухтарминскую группу вокруг курганов Береля.

К таким центрам следует уже добавить Баян-Ульгийскую группу (или весь Монгольский Алтай) и, возможно, группы в Синьцзяне.

Кроме двух «царских» курганов, содержащих престижные вещи – индикаторы и большое количество сопроводительного захоронения коней, на могильнике имеются и другие элитные объекты, для возведения которых общество мобилизовало определенные людские, материальные и организационные ресурсы.

Если считать Берел местом погребения кочевой элиты, то различия в параметрах курганов, составе инвентаря и другие объясняется глубокой дифференциацией внутри самой кочевой аристократии.

Традиционно специалисты указывают на высокую степень милитаризованности пазырыкского общества. Однако, берельские курганы в этом отношении достаточно скромны, что позволило нам предположить о слабой милитаризованности берельского социума.

Что касается половозрастной структуры берельского социума, то на этом этапе исследований подводить итоги рано. Можно пока отметить отсутствие детских и малочисленность женских погребений.

5. Культурная принадлежность исследованных памятников некрополя Берел определяется, с большей долей вероятности, как “пазырыкская”, существовавшая с VI в. – до конца III вв. до н.э. Ареал пазырыкской культуры охватывает всю Алтайскую горную систему с прилегающими территориями: с запада – часть Казахского мелкосопочника, с юга – северо-восточное Жетысу, на востоке, возможно, доходит до пустыни Тарима (во всяком случае, он входил в зону культурной диффузии).

Относительно элементов в погребальной практике у коневодческих племен Алтая и полосы гор отметим, что они существовали здесь и раньше, но в других вариациях и в иных сочетаниях, поэтому едва ли нужно связывать инновации в обрядово-ритуальной сфере с импульсом из Передней Азии (киммерийцев), как это предлагают некоторые, а следует искать, прежде всего, в трансформациях в идеологии и мифоритуальном комплексе у местных племен, которые произошли в результате сложных и многообразных процессов на пути к консолидации.

Некоторые полагают, что на формирование пазырыкской общности могли оказать влияние события, которые происходили на Востоке после создания в 553 (550) г. до н.э. Ахеменидской державы, положение в древнекитайских царствах, враждовавших между собой до создания в 221 г. до н.э. централизованного государства императором Цин Шихуанди.

Что касается воздействия на центральноазиатские события похода Александра Македонского, то такое могло происходить только после его смерти в 323 г. до н.э. уже со стороны Греко-Бактрийского царства и других государств Среднего Востока. До похода Александра различного рода контакты пазырыкцев могли происходить с Бактрией, Согдом и Хорезмом, которые считались при Ахеменидах их номинальными сатрапиями.

При выяснении истоков пазырыкской культуры Алтая, по-видимому, нужно отталкиваться от памятников Курту, Измайловка, Когалы, Майемер, Курук, Шиликты в Восточном Казахстане и недавно открытого Талды-2, ближе тяготеющего к зоне горной полосы Западного Алтая, а также Аржана в Тыве и других, имея в виду, что они могут быть генетически связаны с бегазы-дандыбаевским феноменом Казахских степей.

Трансформация пазырыкской культуры началась, скорее, в результате эпизодических набегов хунну, задолго до образования на рубеже III-II вв. до н.э. державы Модэ шаньюя.

В материалах двух «царских» курганов Береля нет явных признаков влияния ни ахеменидской, ни античной, ни китайской культур. Естественно, невозможно исключить контакты (дипломатического, военного, торгово-экономического и культурного характера) у древних кочевников Алтая с «внешним миром», но и нет в их памятниках материальной культуры явных свидетельств (за исключением незначительного количества престижных импортных вещей в элитных погребениях), указывающих на насильственные внешние воздействия, которые привели к кардинальным изменениям этнокультурного облика местного населения.

б. Вопрос, связанный с этнической атрибуцией берельских памятников, остается дискуссионным. Геродот оставил легендарные сведения о племенах, как тесно соприкасавшихся с северо-причерноморскими скифами, так и более удаленными. Известно, что многие свидетельства были почерпнуты им через путешественников-информаторов. Один из них, Аристей из Проконнеса, после своего путешествия к гиперборейцам оставил любопытные рассказы об аримаспах и племенах грифов, живущих в стране холода, среди высоких гор, где снежные хлопья похожи на птичьи перья, услышанные им якобы у исседонов. Они занимались добычей золота, а их соседи – аримаспы (по-гречески – одноглазые, но в этнониме *arimaspi*, особенно, во второй его части, некоторые ученые усматривают значение – «конь» или «друзья коней» – *aryamaspa*) постоянно нападали с целью похищения у них этого богатства. Источники сообщают также об аргиппеях и других, соседних с грифами, племенах.

Исследователи по-разному локализуют эти племена: одни – на Урале, другие – на Алтае и в его предгорных пространствах, и связывают с различными археологическими культурами – пазырыкской, тасмолинской и др. Д.А. Мачинский последовательно отстаивает мнение о локализации «златостерегущих грифов» и одноглазых аримаспов и «златотекущий поток Плутона», где они жили, – в западных предгорьях Алтая, верховьях Иртыша и Зайсанской котловине, с выходом на северо-восточное побережье озера Балхаш.

Античные легенды отражают события, хоть и искаженно, которые реально происходили на Алтае и прилегающих к нему территориях в середине I тыс. в среде близких по хозяйственно-культурному облику и мировоззрению скотоводческих народов.

Эти легенды имеют чрезвычайно интересные типологические параллели в китайских письменных источниках, которые также носят мифологический характер.

Мы не исключаем, что у пазырыкского государства с ядром на Алтае мог быть иной этнополитический облик, но на определенном этапе своего развития оно на-

ходило, возможно, в данническом отношении с государством юэчжи, которое в IV-III вв. до н.э. достигло, как известно, апогея своего развития.

Таким образом, материалы берельских курганов наглядно отражают те сложные исторические и этносоциокультурные процессы, происходившие в IV-III вв. до н.э. и в последующие исторические периоды внутри пазырыкского социума, а также важнейшие военно-политические события в масштабах Евразии, которые оказали существенные влияния на ход всей истории.

Способы ведения скотоводческого хозяйства, технология обработки продукции животноводства и природных материалов; оптимальные формы мобильного жилища и средств передвижения; орудия труда и предметы быта; покрой одежды, ювелирное дело; некоторые виды оружия ближнего и дальнего боя, защитных доспехов и военного снаряжения, особенно, предметы конского снаряжения и многие другие компоненты, выработанные в среде древних кочевников I тыс. до н.э., оказали существенное влияние на формирование культурных комплексов у многих народов Центральной Азии эпохи средневековья и последующих периодов, например, на сложение традиционной кочевой культуры казахского этноса.

Толеубаев А. Т.

Некоторые проблемы социально-экономического и культурного развития азиатских саков

В бронзовом веке одним из основных, главных центров развития андроновской культурно-исторической общности бесспорно являлся Центральный Казахстан. Ведущая роль этой историко-археологической области продолжалась и в бегазы-дандыбаевское время. Но уже на ранней стадии раннего железного века законодателем моды культурно-исторического процесса становится Алтай с прилегающими к нему культурными микрорайонами. С ареала Алтая идет этнокультурная диффузия в разных направлениях – в западном, северо-западном, юго-западном. Майэмирско-шиликтинские культуры оказывают влияние на формирование тасмолинской культуры Сарыарки, сакоидных культур Северного Казахстана и Жетысу. Об этом свидетельствуют материалы полученные в последние десятилетия.

Социально-экономический уровень развития так называемых азиатских скифов до сих пор, на мой взгляд, недооценивался, искусственно принижался. Большинство исследователей (М.П. Грязнов, С.В. Киселев, С.И. Руденко, С.С. Сорокин, А.Д. Грач, А.И. Мартынов, В.Д. Кубарев, А.А. Тишкин, Ю.Ф. Кирюшин, П.И. Шульга, Н.В. Полосьмак, П.К. Дашковский и др.) признают наличие трех социально-экономических слоев в «пазырыкском» обществе и соответственно три разных комплекса памятников: 1. Огромные курганы – памятники вождей. 2. Средние – погребения родовой аристократии. 3. Малые – погребения людей низших социальных групп, рабов. Исследователи при этом признают «разложение» первобытнообщинного строя, появление социальной дифференциации в пазырыкский или позднескифский период. Формой политической власти азиатских скифов и саков пазырыкского времени признавалась большинством исследователей – военная демократия.

Характеризуя общественное устройство кочевников скифской эпохи А.И. Мартынов отмечал, что у саков, «тагарцев», савроматов, «пазырыкцев» процесс дифференциации в коллективах и сложение племенных союзов происходил в ускоренном темпе и на рубеже VI-V вв до н.э. у них складывалось «протогосударственное образование», затем в V-III вв. до н.э. привело к формированию политических объединений раннегосударственного типа. Позднее А.И. Мартынов несколько удревнил время закладывания у кочевников раннего государства и относил этот процесс к VI-V вв. до н.э. Позднее концепцию А.И. Мартынова о «кочевой цивилизации» и наличии у большинства кочевых обществ ранних форм государственных образований поддержал Д.Г. Савинов.

Большинство исследователей социально-имущественную дифференциацию скифов пазырыкского и последующих времен связывают с милитаризацией этого общества и, конечно, в большей степени результатом их завоевательных действий.

На наш взгляд, до настоящего времени в проблеме изучения социально-экономического, общественно-политического уровня развития сакского общества имеются трудности, обусловленные следующими причинами. Во-первых, ученые советского и постсоветского времени еще не освободились от принципов исторического материализма и концепции марксистской идеологии, по постулатам которых кочевники не способны к самостоятельному поступательному экономическому, социальному развитию и достижению классового общества. Во-вторых, все исследователи имущественную и социальную дифференциацию сакского общества начинают в основном с VI века до н.э., или признают таковое для пазырыкского или позднескифского общества. Все исследователи, кроме А.И. Мартынова, по существу не признают наличия государственности у саков. Не говоря о сакском обществе «пазырыкского» времени, материалы уже раннесакских памятников Шиликты, Аржана и др. указывают на глубокую социальную и имущественную дифференциацию и на сложение классового общества в шиликтинско-аржанское время. На мой взгляд, материалы Шиликтинских царских курганов указывают на сложение в их обществе полноценного классового общества и государственного аппарата управления.

Конкретные фактические материалы свидетельствуют, что процесс разложения первобытно-общинного строя у древнего населения территории Казахстана начинался не позднее эпохи средней бронзы. В эпоху развитой бронзы у позднеандроновских племен сложилось общество с глубоким имущественным и социальным расслоением. В это время и в этих условиях потестарно-политические институты складывающихся кочевых общин постепенно перерастали и трансформировались в государственные институты управления. В бегазы-дандыбаевскую эпоху, тем более в раннесакское время, на территории Казахстана уже существовали устоявшиеся классовые общества и государственные образования. Об этом свидетельствует глубокое социальное неравенство, которое ярко отражается в погребальных сооружениях бегазы-дандыбаевцев, чуть позднее – у саков. Сам факт строительства величественных сооружений с богатым инвентарем, с одной стороны, и незначительно возвышающихся над землей, с бедным инвентарем или вообще не имеющих такового, с другой, признак глубокого экономического и социального неравенства. Другое дело, что кочевые государства и империи были сравнительно недолговечными, в смысле этнической, родоплеменной принадлежности их правящей элиты.

По нашему убеждению, раннесакские шиликтинские элитарные курганы – это памятники не вождей, не жрецов, а курганы, возведенные в честь правителей сакских племенных раннегосударственных образований. Могут мне возразить, что для племенного уровня развития этничности не характерны го-

сударственные, а лишь потестарно-политические формы правления. В конце концов мы должны отойти от формационной теории. На современном этапе развития исторической науки нужны совершенно новые подходы, признающие самостоятельность, принципиальные особенности номадного способа производства и общественно-политических отношений, и, соответственно, особый тип государственного устройства и правления в азиатских добуржуазных обществах.

В последние годы вместо ранее принятой «кочевой цивилизации» выдвигается концепция «степной цивилизации». На мой взгляд, отказ от термина «кочевая культура», «кочевая цивилизация» порождены пороками европоцентристских негативно оценочных взглядов этой формы хозяйственно-культурного, общественно-политического типа. На мой взгляд, термин «степная цивилизация» не вполне адекватно отражает всю хозяйственную, культурную, общественно-политическую сущность той формы цивилизации, которая была основана: а) на преимущественно скотоводческом хозяйстве, в стаде которых преобладали овцы и лошади; б) где общественные отношения складывались на основе многовековых родоплеменных принципов, сочетающих в себе глубокие социальные и имущественные законы сложившегося своеобразного классового общества; в) где внутренние и внешние политические отношения регулировались степными законами обычного права, кочевой моралью и идеологией; г) где одним из главных ценностей считалась земля, на которой основывается вся хозяйственно-экономическая деятельность кочевника-скотовода, поэтому привязанность к земле в смысле пастбищной территории у кочевника сильнее чем у земледельца; часть кочевников Евразии, особенно в ксеротермические периоды раннего железного века, обитала, создавая свою цивилизацию, в предгорных, горных районах, или же в контактных зонах степей и гор. Об этом ярко свидетельствуют цивилизации древних кочевников на Алтае, Тарбагатае, в предгорьях Алатау и т.п.

Историческая наука признает наличие каких-то форм государственных образований у гуннов, древних усуней, кангюйцев и других современных им племен и племенных союзов. Европоцентристко настроенные ученые в свое время не смогли отрицать им в этом благодаря письменным источникам, прежде всего китайским, в которых определенно сообщается о наличии у них государства, правителей в виде шаньюев, гуньмо и др. В отличие от них сакская история и история сакоидных племен центра Евразии, особенно его северной части, плохо освещается китайскими, персидскими и античными письменными источниками.

До сих пор вызывает определенные дискуссии проблема прародины сако-скифского звериного стиля. В этом плане, на наш взгляд, шиликтинские бляшки, в виде архара, оленей, горного козла, выполненные в стиле близком естественному, натуральному изображению животных, – являются одним из самых ранних произведений сако-скифского звериного искусства.

На мой взгляд, еще с позиции европоцентристских теорий решается вопрос языковой принадлежности скифских и сакских племен. По общепринятой в настоящее время концепции саки, как и скифы, говорили на индоиранском языке и культура их была по характеру индо-иранской, индо-арийской. Нам думается, что, по крайней мере часть саков, особенно сакские племена территории Казахстана, северной половины Центральной Азии, говорили на тюркском языке, или на языке, представляющем собой синтез, симбиоз тюрко-иранских языковых ветвей. Сейчас высказываются серьезные, веские аргументы против индоиранской языковой принадлежности текста священной книги зороастризма – «Авесты». По всей вероятности, она тоже была написана на смежном ирано-тюркском языке. В генетическом плане культура сакских племен вышеуказанных территорий больше находит аналогии с культурой древних и средневековых тюрков и современных тюркоязычных народов.

Чугунов К.В.

Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы

Общеизвестно, что так называемая скифская триада – типологическая близость конского снаряжения, вооружения, а также искусство звериного стиля – объединяет культуры Великого пояса степей на огромном пространстве. С одной стороны, эта общность носит эпохальный характер и позволяет выявить общие закономерности развития компонентов триады, с другой – выделить особенности каждого региона, наметить и определить пути культурных трансляций, сопоставлять культуры скифо-сакского типа.

Культурные связи племён, населявших территории Казахстана и Тывы в эпоху ранних кочевников, давно отмечены специалистами. В связи с исследованиями кургана Аржан было даже высказано предположение, что этот элитный памятник сооружен для племенной верхушки, сакской по своему происхождению (Кызласов, 1979, с. 35).

Богатейшие комплексы, открытые в Тыве и Казахстане в последнее десятилетие, позволяют рассмотреть этот вопрос на новом уровне и предложить пути синхронизации ключевых памятников двух регионов. На мой взгляд, накопленные материалы дают возможность отойти от чрезмерно расширенных датировок комплексов раннесакского времени и опираться в своих построениях на хронологические реперы, принципы определения которых предлагается рассмотреть в этой работе.

Одной из основных новаций в период становления кочевничества явилась выработка оптимальных способов управления верховой лошадей и, как следствие этих поисков, наиболее динамичное изменение металлической фурнитуры снаряжения коня. Это позволяет сопоставлять и синхронизировать комплексы конского снаряжения, найденные в достаточно удаленных друг от друга памятниках, что неоднократно делалось специалистами для уточнения вопросов хронологии той или иной археологической культуры скифского типа. Для определения хронологической позиции различных видов узды из памятников Казахстана представляется наиболее значимой работа Н.Г. Горбуновой (2001, с. 179 – 200), из памятников Саяно-Алтая – монография П.И. Шульги (2008). Автором рассмотрено конское снаряжение алды-бельской культуры (Чугунов, 2005, с. 103 – 109). Именно главный компонент амуниции верхового коня – уздечный комплект, включающий удила и пару псалиев, сопряженных между собой определенным образом, – является наиболее информативным. Поэтому за основу анализа взята типология различных видов уздечных комплектов, выяв-

лены основные общие тенденции их развития и предложена хронология этой категории материала.

Всего выделяется семь видов уздечных комплектов, где крайние хронологические позиции занимают узда с внешним подвижным и разъемным соединением трехдырчатых псалиев (1 вид) и узда с пропускным соединением двудырчатых псалиев (7 вид). Случаи встречаемости комплектов разных видов позволяют предположить вероятные хронологические рамки и для остальных. Узда с напускным способом соединения (2 вид) сосуществует с уздой 1 вида. Нижняя датировка таких комплектов (не ранее середины VIII в. до н.э.) обусловлена отсутствием этого вида в кургане Аржан, верхняя, вероятно, не выходит за пределы VII в. до н.э. Позднейший случай зафиксирован в алды-бельском комплексе Чингехем, где переиспользовано звено удила с упором в сочетании с псалиями 4 вида (с шпеньково-ременным соединением) и еще одним комплектом 5 вида (с крюковидно-пропускным соединением). Эти виды узды – сравнительно поздние из переходных, хотя 4 вид в своем специфическом варианте известен уже в кургане № 33 Уйгарака и может относиться к VIII – VII вв. до н.э. (Чугунов, 2005, с. 107). Узда со шпеньково-ременным соединением, как показал П.И. Шульга (1998), трансформировалась в комплекты 5 вида с У-видными псалиями, которые достаточно обоснованно датированы концом VII – первой половиной VI вв. до н.э. (Шульга, 1998, с. 33; 2008). В памятниках Восточного Приаралья известны цельнолитые комплекты (3 вид). Их хронологическую позицию рассмотрела Н.Г. Горбунова (2001, с. 193), определив ее в пределах VIII – VII вв. до н.э. А.И. Иванчик допускает появление этого вида узды уже на рубеже IX – VIII вв. до н.э. (2001, с. 194). Узда с двукольчато-пропускным соединением (вид 6), вероятно, должна быть разделена на два самостоятельных в хронологическом плане варианта или подвида. Подвид 6.1, у которого отверстия в основании внешних окончаний звеньев расположены по отношению к ним перпендикулярно, не позволяет датировать концом раннесакского времени совместное нахождение с комплектом 1 вида в бегазинско-кочевническом комплексе Измайловского могильника (Ермолаева, 2008, с. 310 – 320). Еще один случай находки двукольчатых удила с двуплановым расположением отверстий известен в Карагандинской области (Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 271 – 275). Подобные удила происходят также из случайных сборов в Минусинской котловине (Членова, 1967, табл. 16 -2,3; Боковенко, 2008, с. 142, рис. 4 -5). По-видимому, такой тип удила, имеющий свою независимую линию развития, сменился удилами с одноплановым расположением отверстий для повода и псалиев (подвид 6.2). В Тыве известен единственный случай находки полного уздечного комплекта этого вида в закрытом комплексе кургана № 18 могильника Темир-Суг. Здесь вместе с двукольчатыми удилами найдены роговые двудырчатые псалии, по форме аналогичные бронзовым из Измайловки. Датировается этот памятник в пределах второй половины VI в. до н.э. на основании анализа всего комплекса находок (Кушакова, Чугунов, 2010). На территории северо-восточного Китая в могильнике Юйхуанмяо, относящегося к середине VI в. до н.э., такой

вид узды встречен с пропускной уздой 7 вида (Юйхуанмяо, 2007). Представляется существенным, что удила этих комплектов выполнены еще в раннескифской традиции – с рамкой для повода у вида 6 и стремевидных очертаний у вида 7 – в отличие от пропускных комплектов скифского времени с кольцевидными окончаниями. Такие начинают массово входить в оборот, вероятно, только в конце VI в. до н.э., что не исключает их появления в отдельных памятниках несколько ранее.

Другая категория находок, часто привлекаемая для определения хронологической позиции памятников – бронзовые наконечники стрел. Совстречаемость разных их типов и вариантов – обычное явление для колчаных наборов раннескифского времени и датировка комплексов должна основываться даже не на самых поздних типах (нельзя исключить, что они появились раньше, чем мы считаем), а на преобладании того или иного типа. При этом, конечно, нельзя игнорировать и единичные формы, которые могут иметь аналогии на удаленных территориях и датироваться по своей независимой линии сопоставлений.

Базовые исследования, к которым обращается подавляющее большинство скифологов, были опубликованы в 60-х гг. XX в. Именно в работах К.Ф. Смирнова (1961) и А.И. Мелюковой (1964) заложены основы классификации предметов вооружения скифского времени. Они остаются во многом актуальными и сегодня, несмотря на значительно возросшую базу источников. Относительная хронология и общее эволюционное развитие различных категорий предметов, благодаря тщательной разработке их типологических рядов, не претерпела существенных изменений. В то же время абсолютная хронология памятников западного региона, основанная на античных и ближневосточных импортах, с тех пор была значительно уточнена. Прежде всего, это касается датировки Келермесского могильника – опорного раннескифского памятника, который к моменту написания указанных работ относили ко второй четверти VI в. до н.э. Сейчас нижняя дата келермесского пласта древностей определена в пределах середины – третьей четверти VII в. до н.э., верхняя не выходит за рубеж VII – VI вв. до н.э. (Галанина, 1997, с. 172 – 192). Высказано предположение и о ещё более ранней дате части могильника (Алексеев, 2008, с. 9). Сдвиг датировки древнейших скифских памятников Предкавказья почти на три четверти столетия неизбежно влечет за собой удревнение многих комплексов и, самое главное, всех разработанных ранее типологических схем. Это касается не только Причерноморского региона, но и более отдаленных территорий «скифского мира». В частности, К.Ф. Смирнов в своих датировках наконечников стрел Поволжья и Приуралья опирался на хронологию бронзовых стрел Скифии и Кавказа (Смирнов, 1961, с. 36). Между тем, когда исследователи пользуются верными типологическими построениями, но основанными на устаревшей хронологии, это приводит к ошибочным датировкам комплексов.

Очень важные разработки, сделанные И.Н. Медведской (1972; 1980, 1992) о хронологии наконечников стрел Средней Азии и Казахстана, необходимо использовать только с учетом выше изложенных замечаний. При этом, её за-

ключение о датировке комплексов с черешковыми наконечниками при отсутствии втульчатых трехлопастных не позже VII в. до н.э. (Медведская, 1972, с. 83), для памятников Тывы не применимо, так как черешковая группа стрел существует здесь ещё в III в. до н.э., а втульчатые наконечники «скифо-савроматских» типов на эту территорию практически не проникают совсем. Для тувинских памятников, с большой долей вероятности, можно принять тезис о том, что «если вместе с черешковыми трехлопастными в наборе отсутствуют двухлопастные втульчатые, нельзя исключить VI в. до н.э. как время существования такого набора» (Итина, Яблонский, 1997, с. 50). Двухлопастные черешковые формы, встреченные в комплексах Приаралья и тасмолинских колчанных наборах, с одной стороны определяют исходную для населения Тывы территорию инноваций, где такие стрелы практически отсутствуют и появление в памятниках Саяно-Алтая уже трехлопастных наконечников показывает направление культурных трансляций с запада на восток. С другой стороны, полное отсутствие черешковых стрел в комплексе кургана Аржан позволяет датировать распространение таких наконечников в рамках алдыбельской культуры не ранее середины VIII в. до н.э. Таким образом, двухлопастные черешковые стрелы должны датироваться в Центральном Казахстане и Приаралье не позже этой даты.

В памятниках Тывы и, вероятно, Саяно-Алтая в целом, наличие в колчане двухлопастных втульчатых наконечников, вероятно, может говорить о дате не позже VII в. до н.э., так как в VI в. до н.э. они точно выходят из употребления. Наборы, включающие только такие стрелы, едва ли могут появляться позже VIII в. до н.э. Именно так должна быть ограничена дата комплекса кургана № 5 могильника Шиликты в Восточном Казахстане с его типологически «монолитным» набором стрел типа Енджа и полным отсутствием в колчане черешковых наконечников.

Конец раннескифского времени в Тыве маркируют трехгранные и трехгранно-трехлопастные втульчатые наконечники. Присутствие их в колчанном наборе может указывать на вероятную дату комплекса не ранее начала VI в. до н.э. (Чугунов, 2000, с. 224). Пока не ясно, можно ли этот критерий применить для памятников Казахстана, однако очевидно, что трехлопастные втульчатые наконечники с треугольным очертанием пера здесь появились уже в VIII в. до н.э. На это указывает комплекс кургана № 84 Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XX), где такая стрела найдена вместе со значительным количеством двухлопастных черешковых наконечников. Не исключено, что этот тип стрел появился у племен северной периферии Китая (Юйхуанмяо, 2007, с. 991) и попал в раннесакские комплексы в результате юго-восточных контактов. Эта форма, возможно, является прототипом для трехгранно-трехлопастных и, затем, трехгранных наконечников со скрытой втулкой. Во всяком случае, такие экземпляры надо отделять от втульчатых трехлопастных стрел «савроматских» типов и они не могут служить для обоснования поздней даты всего комплекса.

В свете ярких открытий элитных комплексов, сделанных в последнее десятилетие на территории Тывы и Казахстана, должна быть рассмотрена еще одна категория находок – предметы, выполненные в традициях звериного стиля. Произведения древнего искусства по отношению к остальным категориям материала, составляющим так называемую скифскую триаду, безусловно, занимают второстепенное положение в позиции их возможного потенциала для хронологических определений. В то же время, большие серии украшений погребальных нарядов, выполненные в сходной манере и с одинаковой иконографией образов, позволяют сделать определённые заключения.

Погребальные сооружения Шиликтинского могильника (Шиликты-1 – 3), исследования которого сейчас возобновились после долгого перерыва, достаточно однотипны. Наземные или углублённые в землю высокие клетки с дромосами, ведущими в них с востока (Черников, 1965, с. 13 – 23; Самашев, Толеубаев, Джумабекова, 2004; Толеубаев, 2011), позволяют рассматривать все раскопанные здесь большие курганы в рамках одной культурной традиции. На основании рассмотренных выше построений, для датировки раннесакских памятников Шиликты можно опереться на хронологическую позицию кургана № 5, так как только из него происходит представительный набор наконечников стрел, датированный в пределах VIII в. до н.э. Вместе с колчаном найдены его украшения в виде профильных фигур оленей с подогнутыми ногами. Кроме того, из ограбленной могилы, помимо других находок, происходят тисненные из золотого листа бляшки в виде свернувшегося кольцом кошачьего хищника, фигурка птицы с распростёртыми крыльями и профильных фигур хищной птицы с повернутой головой. Иконография последнего образа достаточно специфична. Такие же бляшки сохранились и в расположенном рядом кургане № 7. В наиболее крупном из исследованных здесь памятников, кургане Байгетобе (Шиликты-3, курган № 1), найдены литые золотые фигурки таких птиц (Толеубаев, 2011, с. 8, 9, рис. 5). В остальном наборе иконографических схем и образов из этого памятника можно выделить еще только одно соответствие материалам кургана № 5 – моделировка тела фигуры птицы с распростёртыми крыльями, расположенной между голов горных козлов (Толеубаев, 2011, с. 7, 8, рис. 6), аналогична трактовке тела у единичной бляшки в виде птицы из раскопок С.С. Черникова (1965, 38 – 41, табл. XVI-3, XX).

В Центральном Казахстане еще один памятник содержит бляшки в виде профильной фигуры птицы с повернутой на крыло головой. Это комплекс, недавно открытый А. Бейсеновым в кургане № 2 могильника Талды-2 (Бейсенов, 2011). Здесь же, как и в Байгетобе, найдены бляшки в виде протом козлов с птицей между ними. Однако, в отличие от памятника, исследованного А.Т. Толеубаевым, комплекс включает бляшку в виде свернувшегося кошачьего хищника (Бейсенов, 2011а, фото 1, 6), аналогичную обнаруженным в кургане № 5 Шиликтинского могильника. Конечно, можно предполагать, что сильно потревоженные могилы не сохранили всех изделий из золота, но мне кажется нельзя

исключить и хронологические причины отсутствия в Байгетобе наиболее архаичных иконографических схем в наборе предметов, выполненных в зверином стиле. На это указывает сравнительный анализ звериного стиля из комплексов тувинских «царских» курганов Аржан и Аржан-2. Отсутствие образа хищника, трактованного аналогично знаменитой свернувшейся аржанской «пантере», в богатейшем наборе произведений торевтики Аржана-2 указывает, что во второй половине VII в. до н.э. такая иконография уже не использовалась. Вероятно, со временем она трансформировалась в изображение полусвёрнутого зверя – с повернутой под бедро задней лапой (Чугунов, 2008, с. 99). Эта редкая иконографическая схема также связывает памятники раннесакского времени Тывы и Казахстана. Так показаны хищники на золотых накладках из Жалаулинского клада (Samašev, 2007, с. 164, foto 5), на бронзовой пряжке из Павлодарского Прииртышья (Акишев, 1976, с. 183 – 185, рис. 1), на украшении золотой обкладки застежки колчана из кургана № 53 могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997, с. 22, рис. 44: 1) и на подпружном блоке из кургана № 82 Уйгарака (Вишневская, 1973, с. 133, табл. I: 6). Кроме того, сходным образом показана повернутая задняя нога и торчащие из-за бедра когти у хищника, на гривне из грабительских раскопок в северо-западном Пакистане (Rahaman, 1990, с. 5 – 17, plate 5).

Возвращаясь к иконографии свернувшегося хищника можно предположить, что наличие в комплексе предметов, декорированных таким образом, говорит о дате памятника не позже середины VII в. до н.э. Исходя из этого, хронологическая позиция кургана № 2 Талды-2 наиболее вероятно располагается в пределах конца VIII – первой половины VII вв. до н.э. Курган Байгетобе, скорее всего, сооружен несколько позднее, но раньше, чем Аржан-2. На такую позицию указывает находка в наземном сооружении тувинского комплекса вторично переиспользованной плиты с выбитым профильным изображением хищной птицы с повернутой на крыло головой, иконографически аналогичной золотым бляшкам из памятников Казахстана (Чугунов, 2008а, с. 66, плита 4/01). То есть датировка «царского» кургана № 1 могильника Шиликты-3 может быть ограничена первой половиной VII в. до н.э. Такая же верхняя дата вероятна и для самого образа. Нижняя хронологическая граница такой иконографии птицы пока не может быть определена точнее, чем в пределах VIII в. до н.э. на основании датировки кургана № 5 Шиликтинского могильника.

Курган № 5 могильника Талды-2, расположенный в одной цепочке с курганом № 2, отличается от него устройством погребальной камеры (Бейсенов, 2010, с. 77). Здесь на уровне древнего горизонта найдены остатки инвентаря богатого захоронения, включающие значительное количество изделий из золота. Опубликованные предметы указывают на близость их к материалам из Аржана-2. Ворворки, покрытые зернью, и бляшки в виде стоящего хищника (Бейсенов, 2010, с. 79, фото 4 и 6) находят прямые аналогии в тувинском кургане. Литые золотые обоймы парадного пояса (Бейсенов, 2010, с. 79, фото 5)

могут свидетельствовать о несколько более поздней дате только в том случае, если типология таких изделий, предложенная С.Г. Боталовым и А.Д. Таировым (1996, с. 131), верна. Х-образные очертания обойм позволяют отнести их ко второй группе поясов, которая датируется челябинскими археологами второй половиной VI – серединой V вв. до н.э. (Боталов, Таиров, 1996, с. 132). Однако с таким интервалом едва ли можно согласиться, поскольку во второй половине VI в. до н.э. на поясах уже используются так называемые бабочковидные обоймы. Думаю, что середина этого столетия является верхним хронологическим рубежом для сплошных или прорезных обойм наборного пояса. В связи с этим, вероятная датировка кургана № 5 могильника Талды-2 находится в пределах конца VII – начала VI вв. до н.э.

Эти хронологические построения, безусловно, могут и должны быть скорректированы новыми материалами и наблюдениями. Пока на основании предложенных датировок можно утверждать, что «царские» могильники и в Казахстане и в Тыве развивались в сходном направлении – с юго-запада на северо-восток. Наиболее ранние комплексы – курган № 5 в Шиликтинском некрополе, курган № 2 в Талды-2, Аржан на Аржанском курганном поле – расположены именно в юго-западной части могильников. Между тем нельзя утверждать, что «цепочки» курганов и крупных погребально-поминальных комплексов раннесакского времени выстраиваются в линейной хронологической последовательности. Постройка каждого элитарного мегакомплекса была подчинена особым требованиям и регламент обряда предполагал многоэтапность сооружения кургана и ритуальных дополнений вокруг него, совершения сопроводительных подхоронений и жертвоприношений. Все эти действия происходили довольно длительное время и это необходимо учитывать при анализе полученного материала. Это прослежено при исследовании единственного полностью не потревоженного погребально-поминального комплекса Аржан-2 (Чугунов, 2011). Очень перспективно проследить аналогичные обряды в «царских» курганах Казахстана, где в большинстве остается неисследованной периферия этих объектов. Такая работа позволит еще более надежно выйти на микрохронологию комплексов раннесакского времени в регионе и во всей ойкумене кочевого мира первой половины I тыс. до н.э.

Литература:

Акишев А.К. Новые художественные изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976.

Алексеев А.Ю. «Старшие» келермесские курганы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Том II. – С. 9, 10.

Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения-2010: матер. II научн. междунар. конф. – Актобе, 2010. – С. 77 – 79.

Бейсенов А.З. Арканың алтын адамы // Мәдени мұра. – 2011. – № 2. – С. 58 – 65.

Бейсенов А.З. Тасмола зерттеулері. Талды-2: Сарыарка сақ патшаларының қорымы

// Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011а. – С. 175-187.

Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е. Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. – С. 271 – 275.

Боковенко Н.А. Формирование конфедераций номадов Центральной Азии и миграции скифо-сакских племен // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 134 – 146.

Боталов С.Г., Таиров А.Д. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: «Каменный пояс», 1996. – С. 117 – 138.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII – V вв до н.э. по материалам Уйгарака. Труды ХАЭЭ, VIII. – М., 1973. – 159 с.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии, I. – М., 1997. – 269 с.

Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: «Восточная литература», 2001. – С. 179 – 197.

Ермолаева А.С. Погребально-поминальные комплексы первой половины 1 тыс. до н.э. на Измайловском могильнике из Восточного Казахстана и проблема трансформации культурных традиций // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 310 – 337.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии, II. – М., 2001. – 324 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: РОССПЭН, 1997. – 187 с.

Кушакова Н.А., Чугунов К.В. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: матер. междунар. конф. (20-24.09.2010). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 148 – 156.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX века). – М., 1979. – 207 с.

Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. – 1972. – № 3. – С. 76 – 89.

Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II-го – первой половины I-го тыс. до н.э. // СА. – 1980. – № 4. – С. 23 – 37.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – 1992. – № 3. – С. 86 – 107.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ, Д 1-4. – М.: Наука, 1964. – 92 с.

Самашев З., Толеубаев А., Джумабекова Г. Сокровища степных вождей. – Алматы, 2004.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА 101. – 1961. – 162 с.

Толеубаев А.Т. Из опыта научной реконструкции костюма сакского «золотого человека» из Шиликты // Казахстанская археология и этнология: современные достижения и инновационные технологии: матер. междунар. конф. III Оразбаевские чтения. – Алматы, 2011. – С. 4 – 29.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: «Наука», 1967. – 299 с.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 188 с.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мирозрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. статей к 60-летию М.Л. Подольского. – СПб, 2000. – С. 213 – 238.

Чугунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии: сб. научн. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 103 – 108.

Чугунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 98 – 101.

Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропою тысячелетий: к юбилею М.А. Дзвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008а. – С. 53 – 69

Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 262 – 334.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 25 – 49.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул: «Азбука», 2008. – 276 с.

Юйхуанмяо – могильник в горах Цзюньдушань (Цзюньдушань муди – Юйхуанмяо) / Институт изучения памятников культуры г. Пекина (в 4-х т., на кит. яз.). – Пекин: Вэнь, 2007. – 1660 с.

Rahaman S. Unique find of Gold Ornaments from Pattan (Kohistan) // Journal of Central Asia. – Vol. XIII, No. 1, July, 1990.

Samašev Z. Die Fürstengräber des Siebenstromlandes // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Scythen. – München, Berlin, London, New-York, 2007.

Этнокультурная ситуация на территории Алтае-Саянской горной страны и некоторых сопредельных регионов в аржано-майэмирское время¹

В настоящее время результаты осуществленных исследований позволяют выйти на уровень рассмотрения этнокультурной ситуации, сложившейся в аржано-майэмирское время на территории Алтае-Саянской горной страны. В этом процессе наиболее значимыми являются изученные и опубликованные «элитные» комплексы Аржан-1 и Аржан-2 в Тыве (Грязнов, 1980; Grjaznov, 1984; Ćugunov, Parzinger Nagler, 2010; и др.). Существенными следует признать материалы, полученные при раскопках многочисленных памятников «раннескифского» периода на Алтае и в его предгорьях, а также в других ближайших регионах (Грязнов, 1956; Грач, 1980; Степная полоса..., 1992; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005; Суразаков, Тишкин, 2007; и др.). Прежде чем выполнить намеченный обзор, надо определить характеристики используемых понятий обозначенного плана. Следует также указать, что подобный подход ранее уже отчасти предпринимался (Грач, 1975; Степная полоса..., 1992; Марсадолов, 2000; Таиров, 2007; и др.). В данном случае он предполагает другой уровень.

Аржано-майэмирское время рассматривается мною в таких хронологических рамках: конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э. Название этого периода дано по наиболее известным археологическим объектам, зафиксированным на востоке и на западе рассматриваемой культурно-исторической области. Начало его определено на основании современного радиоуглеродного и археологического датирования кургана Аржан-1 в Тыве (Евразия..., 2005). Оно синхронизируется с целым рядом датированных исторических событий: 826–781 гг. – правление Сюань-вана (Западное Чжоу), в ходе которого были организованы походы на северные племена с целью покорения их; около 800 г. до н.э. в степях Центральной Азии разразилась жесточайшая засуха, спровоцировавшая подвижку скотоводческого населения; 781–770 гг. до н.э. – период правления Ю-вана, закончившийся разгромом его войск кочевыми племенами, переносом столицы Чжоу на восток и образованием государства Восточное Чжоу (Тишкин, 2007а, с. 95–96). Завершение аржано-майэмирского времени связывается с появлением и распространением на Алтае памятников раннепа-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

зырыкского типа (Марсадалов, 2000). Данный процесс может соотноситься с военно-политическими событиями в Передней Азии и с началом образования державы Ахеменидов (Савинов, 2002), что отразилось массовым приходом очередных мигрантов, радикально изменивших облик кочевого мира всего южно-сибирского региона.

Алтае-Саянская горная страна, несмотря на некоторые проблемы при определении ее границ (Ревякин, 2001), кроме горных систем Алтая и Саян, включает Салаирский кряж, Кузнецкий Алатау и горы Тывы. В нынешнем административном отношении эта территория следующих субъектов Российской Федерации: Республики Алтай и Тыва, южных районов Алтайского и Красноярского краев, а также Кемеровской, Новосибирской и Иркутской областей. Кроме этого, следует учитывать, что в рассматриваемый регион входит восточная половина части Верхнего Прииртышья (Казахстан), а также некоторые северные районы Монголии.

Археологические исследования на указанной территории наполнены разным по объему, но конкретным содержанием в рамках указанного исторического пласта. Такая основа предоставляет возможности для продуктивного сравнительного анализа и позволяет проводить многоплановые реконструкции этнокультурного характера (Тишкин, 2007а). Запланированное рассмотрение логичнее всего начать с Алтая, где в настоящее время изучены памятники, имеющие существенное своеобразие и объединенные в бийкенскую археологическую культуру, в развитии которой намечены три этапа (Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, 2007а–б). На территории Тывы зафиксированы и изучены схожие, но все же специфические объекты, которые имеют серьезный научный потенциал. Они определили обоснование алды-бельской культуры (Грач, 1975, 1980; Савинов, 1994, 2002; Чугунов, 1999; и др.), памятники которой в настоящее время продолжают исследоваться около пос. Чкаловка под руководством К.В. Чугунова.

К востоку и юго-востоку от Тывы распространена культура плиточных могил и обнаружены херексуры. Эти данные обобщены в монографии А.Д. Цыбиктарова (1998), а также отражены в целом ряде других публикаций.

Наиболее хорошо изученной в Южной Сибири является тагарская культура (Вадецкая, 1986; Степная полоса..., 1992; и мн. др.), баиновский и подгорновский этапы которой определяются в рамках аржано-майэмирского времени (Поляков, Святко, 2009). На наш взгляд, дальнейшее специальное изучение памятников раннего пласта тагарской общности и сравнение этих материалов с другими данными позволят выйти на новый уровень интерпретации.

К северу от Алтая, в Верхнем Приобье (в основном от правобережья и до Салаирского кряжа), имеются многочисленные объекты большереченской культуры, выделенной М.П. Грязновым (1956). В настоящее время большинством исследователей большереченская культура рассматривается только в рамках

переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку (Могильников, 1997, с. 4).

На территории северных, северо-западных, западных и юго-западных предгорий Алтая в настоящее время зафиксирована и изучена серия памятников, которые существенным образом отличаются и от бийкенской, и от большереченской культур. Особенно это хорошо подтверждают результаты раскопок таких ярких комплексов, как Машенка, Гилево-10 и др. (Шульга, 1998, 2003 и др.). Эти и другие археологические объекты, а также серия случайных находок демонстрируют майэмирскую культуру (Шульга, 2000, 2008, с. 14–17; Тишкин, 2003; и др.). В этой связи, необходимо в очередной раз затронуть вопрос о соотношении бийкенской и майэмирской культур. Следует начать с того, что их памятники занимают разные территории. Объекты бийкенской культуры локализируются в основном в Центральном Алтае и в ближайших сопредельных к нему районах. Памятники майэмирской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 290) располагаются на территории Предалтайской равнины и уже указанных предгорьях Алтая. Основными и отличительными показателями майэмирской культуры являются следующие характеристики: расположение курганов микроцепочками, погребальная камера в виде могильной ямы (порой довольно глубокой) с подбоем и каменным заслоном или с каменным ящиком; наличие кольцевых выкладок по периметру насыпи или отсутствие каменной наброски; совместное захоронение человека с лошадью, овцой или с уздой (в севером или северо-восточном секторе); погребенные лежали вытянуто на спине, головой на север или северо-запад. Имеются и другие особенности исследованных объектов (Тишкин, 2003; Шульга, 2008). Взаимодействие между населением указанных культур, несмотря на довольно четкую границу по западным хребтам Алтая (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 93–94), проявилось в зафиксированных типах погребений и вещевых комплексах на территории распространения рассмотренных групп памятников, главным образом в контактных зонах. Установленные соотношения позволяют объяснить выявленные ранее особенности отдельных объектов, миграционные пути, этнокультурные процессы и многое другое. Анализ материалов по бийкенской и майэмирской культурам Алтая позволил выделить особенности сооружения погребальных конструкций, поминальных объектов, традиций ориентации и положения умершего человека, сопроводительного захоронения лошади и т.д., а также реконструировать тенденции этнокультурного развития всего региона в аржано-майэмирское время.

К западу и северо-западу от территории распространения памятников майэмирской культуры, на левобережье Иртыша, в достаточном количестве изучены ранние объекты тасмолинской культуры, а далее на юго-запад исследован знаменитый комплекс Шиликты, который, в свою очередь, имеет выделяющуюся специфику, позволяющую наметить обозначение еще одной существовавшей общности.

В Северной и Северо-Западной Монголии пока условно обозначена культура херексуров и «оленных» камней (Ковалев, 2001; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010; Цыбиктаров, 2011; и др.). Однако процесс накопления материалов еще продолжается. Проводимые исследования уточняют многие вопросы и существенно дополняют обозначенные ранее представления. Для существенного продвижения проблем этнокультурного характера необходимы серьезные усилия многих археологов.

Приведенный краткий обзор свидетельствует о том, что археологические памятники аржано-майэмирское времени, зафиксированные на территории Алтае-Саянской горной страны, наряду с общими чертами в погребально-поминальной обрядности, материальной культуре и хозяйстве, имеют много отличительных особенностей, позволяющих фиксировать наличие специфических культур. Представленная картина позволяет глубже изучать и реконструировать древнюю историю Азии.

Литература:

- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 180 с.
- Грач А.Д. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск, 1975. – С. 249–251.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ р. Большая речка. – М.-Л., 1956. 162 с. + прил.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л., 1980. – 62 с.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. и др. – СПб., 2005. – 290 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.
- Ковалев А.А. О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. – С. 160–166.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ, 2010. – С. 104–117.
- Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... докт. культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997. – 195 с.
- Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. – 1993. – № 3. – С. 21–31.
- Ревякин В.С. О границах Алтае-Саянской горной страны // Геоморфология Центральной Азии. – Барнаул, 2001. – С. 185–186.
- Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). – СПб., 1994. – С. 76–92.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб., 2002. – 204 с.: ил.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – 494 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. – Барнаул, 2007. – 232 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей VII–VI вв. до н.э. – Челябинск, 2007. – 274 с.

Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2003. – Кн. II. – С. 164–166.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул, 2007а. – 356 с.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2007б. – Вып. 3. – С. 146–158.

Тишкин, Горбунов, 2005 Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005. – 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 430 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ, 1998. – 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Происхождение культуры херексуров и оленных камней // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск, 2011. – Вып. 2. – С. 278–292.

Чугунов К.В. Периодизация алды-бельской культуры и ее финальный этап // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 234–237.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь в VII – начале VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С. 25–49.

Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 2000. – С. 148–150.

Шульга П.И. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 521–527.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул, 2008. – 275 с.

Grjaznov M.P. Der Großkurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien. – München, 1984. – 90 S. + 4 Taf. (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Band 23).

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. – Mainz, 2010. – 330 S. mit 289 Abb., 153 Taf. und 7 Beilagen (Archäologie in Eurasien. Band 26; Steppenvölker Eurasiens. Band 3).

Алехин Ю.П.

Восточный Казахстан и Рудный Алтай в раннескифское время

Скифская эпоха является одним из самых ярких периодов древней истории Евразии. Сакские древности Казахстана всемирно известны (царский курган Иссык и другие курганы знати). Однако влияние сакской культуры на её периферийные регионы, в частности, на Восточный Казахстан и Рудный Алтай в целом (включая его российскую часть) еще недостаточно исследовано. Вероятно, до создания исчерпывающей обобщающей истории Восточного Казахстана и Рудного Алтая в целом в скифское время ещё далеко, но введение в научный оборот новой информации всегда актуально.

Настоящая краткая публикация является изложением возможных обобщающих выводов, основанных на материалах и исследованиях (в т.ч. и автора), относящихся к памятникам раннескифского периода (втор. пол. VIII – перв. пол. VI вв. до н.э.) как в казахстанской, так и в российской части Рудного Алтая.

В древности современных государственных и административных границ не существовало, поэтому вряд ли обоснованно разделять однотипные памятники, исходя из современных границ. Регион Рудного Алтая (геолого-географическое понятие, включающее в себя как казахстанскую, так и российскую составные части) в древности и в средневековье постоянно являлся своеобразной контактной зоной племен и народов. Таковым он был и в раннескифское время: с юго-запада и запада и сюда проникали раненесакские племена; из Горного Алтая – носители майэмирской культуры; из лесостепного Алтая – большереченские племена. Это взаимовлияние обусловило неоднородность этнического состава населения региона, что отразилось на погребальных конструкциях и обряде.

В то же время, Рудный Алтай по-прежнему являлся крупной горно-металлургической областью, источником цветных металлов как для местного населения, так и для соседних регионов (Алехин, 1991). Население сочетало оседлый земледельческо-скотоводческий образ жизни с полукочеванием и кочеванием. Вторая половина VIII – первая половина VI вв. до н.э. на Рудном Алтае, как и в соседних регионах, соотносится с переходным периодом эпох бронзы и раннего железа. В отличие от лесостепного Алтая, Рудный Алтай уже с VII в. до н.э. являлся составной частью скифо-сибирского культурно-исторического единства.

Немногочисленные археологические памятники второй пол. VIII – первой пол. VI вв. до н.э. представлены, в основном, могильниками, несколькими поселениями, двумя кладами и случайными находками.

Самыми первыми были описаны два погребения человека и лошади в каменных ящиках на Мельничной горе у Змеиногорска (Алтайский край РФ), обнаруженные горным инженером А.Б. Остермейером в начале 1840-х гг. (Демин, 1989, с. 36; Бородаев, 1986). Находки из этих погребений (бронзовые нож, наконечники стрел, удила с псалиями и подпружная пряжка) датируются VII – нач. VI вв. до н.э. Из разрушенного в 1985 г. погребения человека с лошадей близ с. Березовка (Березовка I) в Змеиногорском районе происходят бронзовые удила с псалиями, две подпружные пряжки (идентичны находкам на Мельничной горе), 30 пронизок, украшавших сбрую, нож с кольчатым навершием, колчаный крюк и плоское сланцевое пряслице. Эти находки также датируются VII – нач. VI вв. до н.э. (Алехин, 1987; Тишкин, 1995).

Раскопанный автором в 1993 г. курган Кондратьевка XXI в Новошуйбинском районе бывшей Семипалатинской области (на границе с Локтевским районом Алтайского края РФ) позволил реконструировать погребальные конструкции и обряд, бытовавшие в конце VII – нач. VI вв. до н.э. у одного из этносов Рудного Алтая, вероятно, раннесакского. Перед погребением в глубокой, длинной яме подпрямоугольной формы сооружался бревенчатый сруб в несколько венцов, внутри которого устанавливалась деревянная долбленая колода. В колоду укладывался на спине в вытянутом положении умерший, снабженный оружием (мужчины) либо украшениями (женщины) и предметами быта. Могильная яма и погребенный (головой) ориентировались на север либо ССЗ. У западного края кургана в отдельной яме совершались ритуальные погребения 1-3 лошадей со сбруей и 1-3 баранов, ориентированных также, как и умерший, – на север либо на ССЗ. Сбруйные украшения идентичны найденным в погребениях близ Змеиногорска (на Мельничной горе и у с. Березовка). В глазницы одного из баранов были вставлены по одной бронзовой восьмигранной пронизке-ворворке конической формы. Затем сруб покрывался бревенчатым перекрытием, могилы засыпались, вокруг них сооружалась округлая ограда из камней, совершалась погребальная тризна и насыпался невысокий земляной курган. У северного края кургана устанавливалась каменная стела. Могли быть и некоторые вариации: отсутствие сруба, перекрытие могилы не бревнами, а каменными плитами, погребения умерших в подбоях, отделенных каменными плитами от сопроводительных погребений коней и баранов (могильник Машенка-I в Чарышском районе Алтайского края, раскопки П.И. Шульги). П.И. Шульгой была реконструирована конская сбруя, в т.ч. и по относительно хорошо сохранившимся её бронзовым и кожаным составляющим сопроводительного захоронения животных (лошадей и баранов) кургана Кондратьевка XXI (Шульга, 1998; Алехин, Шульга, 2003).

Другой тип погребальных сооружений и обряда установлен при раскопках нескольких могильников в Восточном Казахстане (Измайловка, Когалы I).

Это каменные ящики внутри округлых и реже – подпрямоугольных оград из каменных плит и крупных камней. Иногда вместо каменных ящиков сооружались бревенчатые срубы. Погребения одиночные, в скорченном положении, на правом боку, головой на запад (ЮЗ). Погребенные сопровождалась керамическими сосудами, предметами инвентаря, вооружения, конской сбруи и украшениями (Ахинжанов, Ермолаева, Максимова, Самашев, Таймагамбетов, Трифонов, 1987, с. 64-94; Самашев, Боковенко, 1985, с. 515). Этот тип погребений, вероятно, оставлен местным населением – потомками племен эпохи поздней бронзы, подвергшимися некоторому инокультурному влиянию.

Еще один тип погребений, схожий с майэмирской культурой Горного Алтая, выявлен в Третьяковском районе Алтайского края (Корболиха X, курган 10) и в Восточном Казахстане. Это каменно-земляные курганы с подпрямоугольными оградами из более крупных камней под насыпью. Внутри оград – большие подпрямоугольные могилы, ориентированные с запада на восток. Внутри могил могли устанавливаться срубы. Одиночные погребения людей сопровождалась инвентарем и взнузданными лошадьми (Могильников, 1991, с. 97-98, рис. 1, 2-2; Могильников, 1991/2/, с. 135; Черников, 1975, с. 133).

Грунтовые погребения раннескифского времени могильника Гилёво X (Локтевский район Алтайского края РФ, вблизи границы с Казахстаном) исследованы П.И. Шульгой. Эти погребения были совершены в могилах глубиной до 3 м, внутри которых были сооружены ящики из крупных каменных плит с поперечным перекрытием и дном. Погребенные внутри этих каменных конструкций были уложены на спине в вытянутом положении и ориентированы головой на север. Этот вариант захоронений в каменных ящиках, по мнению исследователя, близок к верхнеиртышскому. На этом же могильнике исследовано погребение в деревянной внутримогильной конструкции, где погребенный был ориентирован головой на восток. В целом же, П.И. Шульга пришел к выводу, что основная масса погребений VII – нач. VI вв. до н.э. северо-западных предгорий российского Алтая в культурном отношении имеет аналогии в Восточном Казахстане и близка к тасмолинским (Шульга, 2001, с. 307).

Уникальный клад бронзовых принадлежностей конской сбруи VII – нач. VI вв. до н.э. был найден в 1987 г. на берегу Гилевского водохранилища (Третьяковский район Алтайского края РФ, местонахождение Вакулиха I). Эти предметы однотипны подобным из раннесакских погребений близ Змеиногорска и в Восточном Казахстане (Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996, с. 195-199; Бородаев, 1993). Другой, не менее интересный, клад орудий бронзолитейного производства был найден там же при археологических раскопках. Этот клад состоял из: двусоставной формочки из акрозового песчаника для отливки крупного шила; двухстворчатой формочки из габбродиабазы для отливки втульчато-

го, двухлопастного наконечника дротика; двухстворчатой формы также из габбро-диабазы для отливки крупного зеркала с солярным орнаментом и петелькой для крепления на его тыльной стороне; шлифовального камня из серецитового кварцита со следами сработанности. Клад датируется исследователями, производившими раскопки, в пределах VIII-VII вв. до н.э. (Демин, Ситников, 2007, с. 105-107).

О контактах населения Рудного Алтая с племенами лесостепного Алтая свидетельствуют находки большереченской керамики на поселениях Гилево II (Локтевский район Алтайского края РФ) и Новофирсово I (Курьинский район Алтайского края РФ). На всех поселениях в изобилии найдены остатки горно-металлургического производства (Медникова, Могильников, Суразаков, 1975; Алехин, 1983, с. 4, рис. 5, 7, 8).

Религиозные и идеологические представления населения Рудного Алтая в раннескифское время были многообразны: культ мертвых, нашедший свое отражение в погребальном обряде; культ огня; культ определенных животных (в основном хищников), нашедший отражение в определенных образцах скифосибирского звериного стиля.

Литература:

Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Юго-Западного отряда Алтайской археологической экспедиции 1982 г. в Алтайском крае. – Барнаул, 1983. – 95 с. // Архив ИА РАН. – Р-1, № 9005.

Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Юго-Западного отряда Южносибирской археологической экспедиции летом 1986 г. – Кемерово, 1987. – 74 с. // Архив ИА РАН. – Р-1, № 11445.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай как горнометаллургическая область // Ползуновские чтения 1991 года: тез. докл. – Барнаул, 1991. – С. 42-44.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Кондратьевка XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – № 10. – С. 62-70.

Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифионов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – 279 с.

Бородаев В.Б. Находки из Змеиногорска и его окрестностей, опубликованные в археологическом атласе 1877 г. // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края: тез. докл. конф. – Барнаул, 1986. – С. 94-98.

Бородаев В.Б. Местонахождение Вакулиха I // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: тез. научн.-практич. конф. – Барнаул, 1993. – Ч. I. – С. 150-155.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул, 1989. – 120 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилёвской археологической экспедиции. – Барнаул: БГПУ, 2007. – Ч. I. – 207 с.

Медникова Э.М., Могильников В.А., Суразаков А.С. Работы на Верхнем Алее // АО-1975 г. – М., 1976. – С. 261-262.

Могильников В.А. Курганы раннего железного века Корболиха Х // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: тез. докл. и сообщ. конф. – Барнаул, 1991. – С. 95-102.

Могильников В.А. К культурной стратификации памятников эпохи железа на Верхнем Алее // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тез. докл. к Всесоюзн. научн. конф. (3-5 апреля 1991 г.). – Барнаул, 1991. – С. 135-137.

Самашев З.С., Боковенко Н.А. Исследования в Семипалатинской области // АО-1983 года. – М., 1985. – С. 515-516.

Тишкин А.А. Археологические памятники в Змеиногорском районе Алтайского края // АО-1994 года. – М., 1995. – С. 308.

Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Памятники археологии Третьяковского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул, 1996. – С. 194-210.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 132-137.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С. 25-49.

Шульга П.И. Северо-западные предгорья Алтая в скифское время // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: матер. XII ЗСАЭК. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 307-308.

Саки Приаралья: общее и особенное

Территорию Восточного Прикаспия и Приаралья рассматривали как единую экосистему скотоводов и земледельцев пустынной зоны Средней Азии и Казахстана, где с древности и вплоть до начала XX в. соседствовали сходные в своем разнообразии хозяйственно-культурные типы (Вайнберг, 1990, с. 15). Однако, по мнению М.П. Грязнова (1983, с. 3, 6), сходство степных культур эпохи раннего железа носило стадийный характер и не исключало формирования локальных традиций материальной и духовной культуры ранних скотоводов. Поэтому задачу археологов он видел в изучении роли каждой из областей и культур, составляющих скифо-сибирский мир, причем культуры эти самобытны и оригинальны (Грязнов, 1980, с.59-60).

После раскопок на территории древней дельты Сырдарии курганных могильников Уйгарак (Вишневская, 1973) и Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997) в историографии утвердилось мнение о том, что западная граница сакского мира проходила именно через дельту Сырдарии/Сырдарьи. Ни у кого не вызывает сомнений (как не вызывает и сегодня) принадлежность нижнее-сырдарьинского населения, оставившего эти могильники, к кругу племен сакского типа (в широком понимании этого термина). Что касается амударьинской (Присарыкамышской дельты), то ее население вплоть до 80-х гг. XX столетия выводили за рамки сообществ сакского типа (Вайнберг, 1979). Эта точка зрения оспаривалась (Итина, 1979), но достаточно умозрительно, без строгой археологической аргументации.

Ситуация изменилась после раскопок на возвышенности Сакар-Чага в Присарыкамышье серии могильников, в которых была, наконец, зафиксирована т.н. «скифская триада» – объединение в одном погребальном комплексе предметов вооружения, деталей конской упряжи и предметов, декорированных в скифо-сибирском зверином стиле (Яблонский, 1991а, 1996).

Тогда же встал вопрос о культурном и генетическом соотношении населения обоих регионов – Сырдарьинского и Присарыкамышского. Сходство в их погребальном обряде, а также в проявлениях материальной и духовной культуры казалось однозначно несомненным. Действительно, и здесь, и там фиксировался биритуализм в погребальном обряде – в одном могильнике синхронно сосуществовали захоронения с кремацией и с ингумацией, а также захоронения в могильных ямах и на древнем горизонте. Был получен и типологически сходный сопровождающий погребенных инвентарь. Это касалось и предметов вооружения, и деталей конской упряжи, и отдельных видов украшений, стилистики изобразительного искусства.

Но данные палеоантропологии свидетельствовали о довольно существенных различиях в физическом облике сырдаринского населения, с одной стороны, и присарыкамышского, с другой (Яблонский, 1991б). Так, было установлено, что на первых этапах развития культуры сакского типа, в Присарыкамышье сосуществовали две локальные популяции скотоводов, различающиеся между собой антропологически на уровне рас второго порядка. Одна из них характеризуется исключительной долихокранией и гипоморфией в сочетании с относительной высоколицестью и полным отсутствием монголоидной примеси. Истоки этого краниологического варианта легче всего найти в приуральской степи эпохи поздней бронзы (Шевченко, 1984; Юсупов, 1991). Другой представлен относительно грацильными формами, на этот раз, с умеренно выраженной монголоидной примесью. Его истоки следует искать где-то к востоку от Амударии/Амударьи. Таким образом, надо признать, что в раннем железном веке Присарыкамышье заселялось гетерогенными группами скотоводов, имеющих разные географические прародины. На Сырдарие, при общей антропологической неоднородности носителей сакской культуры, монголоидность населения выражена гораздо отчетливее, особенно у женщин (Итина, Яблонский, 1997).

Антропологическая специфика обоих регионов только подчеркивает специфику археологическую и этнокультурную. Так, захоронения в Уйгараке датируются, в основном, в пределах VII (быть может, конца VIII) – VI вв. до н.э., а захоронений V в. до н.э. там немного (Кузьмина, 1975; Вишневецкая, 1973, с. 124). В Южном Тагискене, который ведет свою историю с конца VIII в. до н.э., серия курганов V в. до н.э. более представительна (Итина, Яблонский, 1997, с. 70). Здесь были исследованы и развееванные поселения, по культуре тождественные с сакскими могильниками, которых особенно много в зоне т.н. «шлаковых курганов» (Левина, 1979). В V-IV вв. до н.э. на основе раннесакских традиций здесь складывается чиркрабатская культура, которая просуществовала в западной части древней дельты Сырдарии аж до II в. до н.э. (Вайнберг, 1999, с. 178).

Не то в Присарыкамышье. Там культура сакского типа не доживает и до второй половины VI в. до н.э. (Вайнберг, 1990; Яблонский, 1996) и более там не возрождается (вместе с ней надолго исчезает и монголоидная примесь у населения дельты – Яблонский, 1999).

Таким образом, мы видим, что исторические судьбы населения двух районов сакской культуры – Сырдаринского и Присарыкамышского – с самого начала складывались не одинаково и имели неодинаковое продолжение. На этом основании можно утверждать, что оба района представляют различные единицы в классификации культур эпохи раннего железного века Евразии на уровне таксона, который можно обозначить как «историко-этнографический район» (Яблонский, 1991, 2003; Итина, Яблонский, 2001).

Для того, чтобы понять причины различия этих судеб, рассмотрим два главных этнообразующих фактора.

Фактор 1. Экологический. К началу I тыс. до н.э. относится первый этап освоения скотоводами обводненной дельты Сырдарии. К нему относится уникальный в масштабах Евразийской степи некрополь Северного Тагискена, который состоял из монументальных кирпичных мавзолеев (IX-VIII вв. до н.э.). С населением, оставившим этот памятник, связывают дальнейшее развитие культуры скотоводов района (Итина, Яблонский, 2001). Таким образом, экологическая обстановка, сложившаяся здесь в эпоху поздней бронзы и раннего железа, способствовала непрерывному развитию культуры оседлых и полuosедлых скотоводов дельтовой области. Со второй половины I тыс до н.э. в юго-восточном Приаралье развиваются два мощных этнокультурных образования, археологически представленных чирик-рабатской и жетыасарской/джетыасарской культурами (Левина, 1996).

Присарыкамышская дельта Амударии в эпоху поздней бронзы была не пригодна для обживания и, практически, не имеет памятников эпохи бронзы. Обводнение ее началось не ранее конца VIII в. до н.э., когда здесь и появились кочевники-мигранты, которые не имели здесь собственных культурно-генетических корней, были культурно и генетически неоднородны и происходили из различных регионов европейской и азиатской степи.

Все это не могло не отразиться на особенностях формирования и развития культур саков Нижней Сырдарии, с одной стороны, и саков Амударии – с другой.

Фактор 2. Этнополитический. Раскопки могильников на Сакар-Чаге в Присарыкамышье показали, что скотоводы сакского круга соседствовали здесь с оседлыми земледельцами кюзелигырского круга и взаимодействовали с ними еще в доахеменидское время (Яблонский, 1996). Когда Хорезм вошел в державу Ахеменидов в качестве одной из сатрапий или незадолго до того, саки покинули территорию Присарыкамышской дельты, уступив свое место носителям куюсайской и кюзелигырской культур и никогда больше сюда не вернулись (Яблонский, 1999).

Подводя итоги сказанному, напомним, что структура культурных сообществ Евразийской степи эпохи раннего железа была иерархичной. На высоком таксономическом уровне население этой эпохи обоих рассматриваемых регионов входило в скифо-сакскую культурную область или, как ее не очень удачно называют, «скифо-сибирский мир». И безусловное культурное сходство, которое у них фиксируется, по мысли М.П. Грязнова, было стадийным (мы называем такую стадию «культурно-хронологический горизонт» – Яблонский, 2010). Но на низком таксономическом уровне (на уровне историко-этнографических районов) можно, как и утверждал М.П. Грязнов, проследить их своеобразие и самобытность, которая улавливается и в данных палеоэкологии, и в данных палеоантропологии, истории и археологии. Эта самобытность существенным образом повлияла на этногенетическое своеобразие населения обоих регионов и в дальнейшем.

Литература:

- Вайнберг Б.И. Роль экологических факторов в формировании этнической территории. (по археологическим материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1990. – Вып. II. История и археология.
- Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. – М., 1979. – Т. XI.
- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности (VII в. до н.э. – VIII в. н.э.). – М., 1999.
- Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983.
- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в УП-У вв до н.э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭЭ. – М., 1973. – Т. VIII.
- Итина М.А. От редактора // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. – М., 1979. – Т. XI.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М., 1997.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М., 2001.
- Кузьмина Е.Е. Рец.: О.А.Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII-V вв. до н.э. М., 1973 // СА. – 1975. – № 2.
- Левина Л.М. Поселения VII-V вв. до н.э. и "шлаковые" курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. – М.: Наука, 1979. – Т. XI.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М., 1996.
- Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984.
- Юсупов Р.М. Расогенетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1991. – Вып. IV. Антропология.
- Яблонский Л.Т. Формирование культуры саков Южного Приаралья // СА. – 1991а. – № 1.
- Яблонский Л.Т. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1991б. – Вып. IV. Антропология.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). – М., 1996.
- Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. – М., 1999.
- Яблонский Л.Т. Проблемы историко-этнографического районирования в археологии (в связи с разработками В.П.Алексеева) // Горизонты антропологии. – М., 2003.
- Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология (спички детям не игрушка) // XVIII УАС: культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа, 2010.

К проблеме локализации племени Сака: археологический взгляд

О легендарном народе Сака, который жил в 1 тыс. до н.э. в Азии, известно немного. Анализ письменных источников, как переднеазиатских (И.М. Дьяконов, А.И. Иванчик и др.), так и греческих (В.В. Григорьев, В.И. Абаев, Л.А. Ельницкий, И.В. Куклина и др.) позволяет отчасти получить представления о народах, обитавших в Центральной Азии, но локализация их часто спорна.

Письменные источники. Имя Сака, по одной из версий, обозначает «быстрый» или «кочевой» и, по мнению В.И. Абаева, может быть связано со словом «сака» («сага») – «олень», скорее всего, восходящее к родовому имени животного предка или покровителя. (Абаев, 1949, с. 37 и сл.), по другой версии – саки интерпретируются как «могучие мужи» (Bailey, 1958, p. 33). О них рассказывается в сочинениях античных авторов и в переднеазиатских клинописных надписях. Древние иранцы выбили даже изображения саков на рельефах дворца в Персеполе.

Народ Сака, обычно, помещают между реками Амударией/Аму-Дарьей и Мургабом. Дионисий, ссылаясь на Страбона, так описывает саков, живущих за Согдианой: «...по течению Яксарта обитают саки, стрелами бьющие, из всех стрелков в мире самые искусные, на удачу стрелы не пускающие» (Григорьев, 1871, с. 32). Плиний также отмечал неопределенность этнических названий: «за этой рекой (Яксартом) живут скифские народы, которых персы, по имени ближайшего к ним народа, называют вообще Саками... Народов этих без числа.» (VI, 19).

О саках, которые одно время входили в XV сатрапию Дария (6 в. до н.э.), Геродот пишет, что они имели на головах высокие и острые колпаки, носили штаны, вооружены были луками, кинжалами и особого рода топорами, которые назывались сагара (Геродот, VII, 64). Некоторые исследователи локализуют часть саков вплоть до Закавказья и связывают с Сакасенной (Струве, 1968, с. 18) и до Индии (Григорьев, 1871, с. 164).

Кочевые племена с названием «сака» упоминаются в Бехистунской надписи, которые там они делились три группы: Сака-парадарая, т.е. «заморские», живущие за Каспием; Саки-хаумаваргда, возможно дахо-массагетские племена, живущие между Каспием и Аралом; Саки-тиграхауда – «острошапочные» или носящие островерхие шапки, саки, живущие на восток от Средней Азии, т.е. саки Семиречья и Тянь-Шаня (Пьянков, 1968, с. 16 и сл.). Геродот часто называет кочевые народы Азии – саки-скифы (Геродот, VII, 64).

Персы называли саками даже кочевников Северного Причерноморья, которых Геродот обычно упоминает под именем скифов. И часто под киммерийцами, скифами или саками вавилонские писцы вообще понимали просто северных кочевников (Дьяконов, 1956, с. 244; Ельницкий, 1977, с. 26, 93; Дандамаев, 1977, с. 30; Иванчик, 2001, с. 19 и сл.; Дьяконов, 2008, с. 263). Плиний также отмечал неопределенность этнических названий: «за этой рекой (Яксартом) живут скифские народы, которых персы, по имени ближайшего к ним народа, называют вообще Саками... Народов этих без числа.» (VI, 19). Саки, массагеты, скифы («шкуда») и другие племена сако-скифского облика, согласно современным научным представлениям, были ираноязычными народами (Дьяконов, 2008, с. 256).

Археологические источники.

Таким образом, практически все письменные источники повествуют об азиатских северных кочевниках саках и других народах в пределах от Каспия до Алтая, пасущих многочисленные стада, храбрых и прекрасных всадниках, отлично владеющих луком и мечом (акинаком). Обобщая все сведения, становится ясным, что народ Сака жил в бассейне Амударии/Аму-Дарьи и, в основном, к востоку от нее.

К.А. Акишев, Г.А. Кушаев достаточно подробно рассмотрели известный к тому времени археологический материал, сопоставив его как с письменными источниками, так и изобразительными (Акишев, Кушаев, 1963). Это позволило им, например, сака-тиграхауда локализовать в районах Шаша, Киргизии и юга Казахстана, а сака-тарадарая — в районе юго-восточного Прикаспия. Позже, после раскопок кургана Иссык, К.А. Акишев считает, что саки-тиграхауда занимали обширную территорию южного Казахстана (Жетысу/Семиречье) и Алтая. Археологически им соответствуют такие памятники, как могильник Иссык, Бесшатыр и, видимо, Пазырык (Акишев, 1978, с. 63).

Но на самом деле, этномаркирующих признаков, к сожалению, мало. Лук, кинжал, меч, которые упоминаются у саков в качестве вооружения, — достаточно типичны для многих степных археологических культур Евразии этого периода. Но упоминание о своеобразных топорах, которые назывались «сагара», видимо, заслуживает внимание. Если переводить буквально (ос.): sag (олень)+ag (добывать) — оружие для убийства оленя.

В культурах Центральной Азии (Казахстан, Алтай, Тыва, Минусинская котловина) были распространены несколько видов ударно-колошечного оружия (Акишев, 1973; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 63-63; Грач, 1980, рис. 32 и др.; Семенов, 2003, табл. 95, 107; Никоноров, 1992): 1 — вислобушные топоры, происходящие от андроновских топоров эпохи бронзы; 2 — боевые топоры, 3 — чеканы и 4 — чеканы с топовидным обушком. Причем, наибольшее разнообразие боевых топоров и чеканов обнаружено случайно и в комплексах тагарской культуры на Среднем Енисее (Членова, 1967, табл. 7-8, 10). Самое интересное, что обушок некоторых чеканов выполнен скульптурно, в виде козлов и даже

олений, которые в скифском мире являлись жертвенными животными, тотемами и т.д. Что символично, если тотемом народа сака считать оленя. Наиболее же близкий тип чекана, который изображен у «сака» на рельефе в Персеполе (Schmidt, 1957, pl. 79, 1) – втульчатый чекан, с длинным ромбическим в сечении бойком и круглым в сечении обушком, конец которого оформлен наподобие "пятки" древка стрелы. Под бойком было стилизованное изображение головки ушастого грифона, что также встречается на чеканах в Минусинской котловине и на Алтае. По-видимому, именно этот тип ударного оружия можно назвать «сагара», типичный для саков.

Одним из важных и устойчивых этнических признаков выступает одежда, а конкретнее головной убор и войлочные (кожаные) штаны, так как кафтан широко распространен в скифскую эпоху на большой территории. Выше упомянутый остроконечный колпак кочевников как в письменных, так в изобразительных источниках является специфическим для головного убора саков. Об этом писали многие и не раз (см., например, Акишев, Акишев, 1980, с. 14-31). Археологические раскопки лишь только подтверждают присутствие этого высокого головного убора с его организацией сложными семантическими деталями (типа головного из Иссыка), определенный крой штанов, различных специфических деталей костюма с золотыми нашивками в виде козлов, оленей, птиц и т.п., на более широкой территории, чем это считалось ранее – на Алтае, в Тыве и Саянах (Воконенко, 1994, fig. 4-5; Полосьмак, 2001, рис. 91, табл. 19-20; Семенов, 2003, табл. 25, 112 и др.; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2004).

Еще одна деталь погребальной обрядности, встреченная в тагарской культуре, фиксирует аналогичные сюжеты с сакской культурой. Так, в одном из погребальных комплексов на Среднем Енисее (могильник Медведка 2, курган 1, могила 1) (Боковенко, Красниенко, 1988, рис. 9, 12) обнаружен пучок прутьев, аккуратно обернутый берестой. Функциональное назначение этого комплекса прекрасно проиллюстрировано как на многих золотых пластинах Аму-Дарьинского клада, которые относятся ко времени не позже 5-4 в. до н.э. (Артаманов, 1973, с. 14-15), так и в письменных источниках. Пучок прутьев, так называемый «барсом», или «брасман», часто, по словам Геродота, использовался скифами при гадании или разжигании священного огня (Геродот, IV, 67).

Наиболее яркое явление скифской эпохи – звериный стиль, восходящий к основным образам эпохи поздней бронзы Центральной Азии, также демонстрирует схожесть образов и сюжетов от Казахстана до Северо-Западной Монголии. Именно в наскальном искусстве и «оленных» камнях этого региона весьма разнообразны и многочисленны такие сакские образы оленя, козла, коня, кошачьих хищников и хищных птиц (Самашев, 2006; Самашев, Чжан Со Хо, Боковенко, Мургабаев, 2011, с. 92 и сл.).

Таким образом, даже первичное обращение к археологическим источникам демонстрирует распространение сакской культуры на обширную территорию, вплоть до Енисея и Северо-Западной Монголии.

Литература:

- Абаев В.И. Скифский язык // Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949. – С. 231-234.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984. – 176 с.
- Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские: (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С. 43-58.
- Акишев К.А. Курган Иссык. – М., 1978. – 151 с.
- Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 38-64.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – 320 с.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. – М., 1973. – 279 с.
- Боковенко Н.А., Красниенко С.В. Могильник Медведка II на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1987. – С. 23-45.
- Геродот. История в девяти книгах // Пер. и прим. Г.А. Страгановского. – Л., 1972. – 600 с.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 256 с.
- Григорьев В.В. О скифском народе Саках. – СПб., 1871. – 202 с.
- Дандамаев М.А. Данные вавилонских документах VI-V вв. до н.э. о саках // ВДИ. – 1977. – № 1. – С. 30-40.
- Дьяконов И.М. История Мидии. – М.-Л., 1956. – 485 с.
- Дьяконов И.М. История Мидии. – СПб., 2008. – 572 с.
- Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. – Новосибирск, 1977. – 256 с.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. – М., 2001. – 324 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская культура Горного Алтая. – Барнаул: Алт-ГУ, 1997. – Ч. 1. – 232 с.
- Никоноров В.П. Среднеазиатские чеканы и клевцы. Северная Азия от древности до средневековья. – СПб., 1992. – С. 170-173.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, 2001. – 336 с.
- Пьянков И.В. Саки: содержание понятия // Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР. – Душанбе, 1968. – № 3 (53). – С. 12-19.
- Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб., 2003. – 240 с.
- Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы, 2006. – 200 с.
- Самашев З., Чжан Со Хо, Боковенко Н., Мургабаев С. Наскальное искусство Казахстана. – Сеул, 2011. – 454 с.
- Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л., 1968. – 356 с.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей. – СПб., 2004. – 17 с.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967. – 300 с.
- Bailey H. W. 1958. Languages of the Saka // Handbuch der Orientalistik, I. Absch., Leiden-Köln, 1958. – Abt., 4, bd., I. – P. 131-154.
- Bokovenko N.A. Tomb of Saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. – Sankt-Petersburg, 1994. – P.48-53.
- Schmidt E. 1957. Persepolis // V, 1-2. – Chicago. – 297 s.

К проблеме формирования восточноскифских народов

В большой статье, посвященной указанной проблеме (Пьянков, 2006, с. 215-238; далее: И.П., с.), я пытался наметить основные этапы формирования восточноскифских народов в хронологических рамках конца II – первой половины I тыс. до н.э. В основу этой статьи были положены сведения китайских источников и данные древнегреческого и древнеиранского эпосов. Привлекались и археологические материалы, но в моем распоряжении тогда не было обобщенной сводки результатов новейших археологических исследований по данной проблеме. Теперь, благодаря любезности А.З. Бейсенова, такой сводкой я обладаю. Это превосходная работа А.Д. Таирова (Таиров, 2003, с. 157-179), написанная профессиональным археологом на чисто археологическом материале. Последнее обстоятельство очень важно, так как позволяет сравнить выводы, сделанные в моей работе, с выводами другой работы, построенной на независимом материале. Если такое сравнение показывает совпадение выводов, то это верная гарантия их исторической достоверности.

В кратком докладе, разумеется, не могу охватить всю проблему формирования восточноскифских народов даже в том объеме, в каком я это сделал в указанной статье. Поэтому далее, следуя ее содержанию, буду останавливаться лишь на тех моментах, в которых могу дополнить ее неиспользованными материалами или поставить вопрос по поводу тех или иных гипотез.

В указанной работе я сделал вывод, что восточноскифские (слово “скифы” здесь употреблено в самом широком смысле: древние кочевые и полукочевые народы Евразийских степей; “восточные скифы” в таком смысле = “саки” в археологической терминологии), народы, известные к середине I тыс. до н.э., сформировались в результате трех последовательных волн расселения кочевников в Евразийской полосе степей с востока на запад (И.П., с. 222, 226-227). О тех же волнах миграций кочевых племен, осуществлявшихся в том же направлении, говорит и А.Д. Таиров (Таиров, 2003, с. 166-167), за исключением первой, которая выходит за хронологические рамки его темы; таким образом, его первая и вторая волны соответствуют моим второй и третьей¹.

Анализ всей совокупности источников показывает, что эпицентр этих волн неизменно находился в Ордосе и соседних областях – в степях, непосредственно примыкающих к коренному Китаю того времени с севера. Такое заключение

¹ Здесь и далее я не повторяю ссылки на литературу, содержащиеся в моей статье; далее я ссылаюсь отдельно лишь на те работы, которые не были учтены в этой статье. Ссылки на указанную статью А.Д. Таирова также включают цитированные в ней работы.

соответствует выводу А.З. Бейсенова, подсказанному интуицией археолога, что все “раннесакские” культуры возникли в результате “раскола и дальнейшего растекания когда-то единого субстрата на осколки” (из его письма автору данного доклада).

Остановимся на отдельных моментах истории **второй волны**.

В своей статье я писал, что в конце IX – начале VIII вв. до н.э. в среде кочевников Казахстана “происходят какие-то существенные сдвиги – может быть, вследствие нового наплыва с юго-востока, от китайского пограничья, жунов ... в результате создается новый мощный союз племен” (И.П., с. 226).

Теперь можно сказать, что этот союз был создан предками хуннов: среди жунов, наступавших в это время на Китай (И.П., с. 222-223, 227), активную роль начинают играть, как заметил А. Алемани, хьяньюны (Xianyun – одно из ранних названий хуннов) (Alemamy, 1999, p. 45-55). Это существенно меняет этническую ситуацию. Если жуны – это прототибетцы (И.П., с. 229-235), то хунны – пратюрки, родоначальники гунно-булгарской ветви тюркских народов (И.П., с. 232-233). Еще в эпоху “ордосских бронз” (XIII – XI вв. до н.э.) предки хуннов, именовавшиеся тогда племенем гуйфан, обитали в Ордосе вместе с жунами, а после ухода жунов заняли их место, расселяясь также в Шаньси, а может быть и далее, вплоть до Южной Маньчжурии.

Видимо, в IX – VIII вв. до н.э. хьяньюны вместе с жунами – турами иранского эпоса – расселялись и на запад. Во всяком случае, позже, в конце VII в. до н.э., как убедительно показал А.А. Амбарцумян, враги авестийского кави Виштаспы (Гоштаспа) именовались подлинным, не интерполированным, именем хьяона (Нуаона – название, несомненно тождественное античному этнониму “хиониты”), а также прозвищем “острошапочные”, как массагеты греков в тех же местах (Амбарцумян, 2002, с. 35-72; он же, 1997, с. 3-9). Следует заметить, что в Средней Азии и туры, и хиониты, судя по их именам, в массе своей говорили по-ирански, но, например, предводитель туров Франграсьян (Афрасиаб) говорил на непонятном для арьев языке. Очевидно, элита кочевников дольше сохраняла свой родной язык (И.П., с. 232-233).

И еще один момент. В указанной статье я писал и о событиях той же второй волны в передаче греческой традиции. Во второй половине VII в. до н.э. Аристей Проконнесский совершил далекое путешествие в степи исседонов (Исеть, Тобол) (И.П., с. 217; Пьянков, 2005, с. 15-35). В своей поэме он рассказал о большом передвижении народов в степной полосе как о недавнем событии. Только “гипербореи” (китайцы в данном случае), жившие на краю земли, у “другого моря”, были мирным оседлым народом. Но их соседи аримаспы (жуны во главе с хьяньюнами), “самые могучие из всех мужей” (И.П., с. 223-224, 226-227) явились инициаторами передвижения народов. Они потеснили исседонов,

исседоны изгнали скифов, а те – киммерийцев из Северного Причерноморья. Так Аристей объяснял события, связанные с нашествием кочевников на страны Передней Азии в конце VIII – VII вв. до н.э.

Если аримаспов – хьяньюнов и жунов, ушедших на запад, считать создателями дандыбаевской культуры (И.П., с. 226), то как отразились в археологии события, описанные Аристеем? Может быть, в том, что дандыбаевская культура частично поглотила на западе саргаринскую (Таиров, 2003, с. 164-165), которая еще дальше на западе продолжала существовать самостоятельно, сменив здесь андроновскую позднеалакульскую? Видимо, угорских исседонов, которые в VI – IV вв. до н.э. прочно связываются с лесостепной гороховско-саргатской культурой (Пьянков, 2005, с. 29-33), в данном случае надо считать носителями степной (?) саргаринской культуры, которая ближе к угорским “андроноидным” культурам зауральской лесостепи, чем к предшествующим степным андроновским культурам. Так будет легко объяснить и появление северного, “таежного”, монголоидного типа в степных культурах Южного Урала и Западного Казахстана переходной эпохи (Яблонский, 2005, с. 781-786). В таком случае древнейшими скифами, которых вытеснили исседоны из степей Южного Урала, будут носители местного варианта андроновской алакульской культуры.

Перейдем к событиям истории **третьей волны**.

В середине VII в. до н.э. военная активность в северном китайском пограничье переходит к племенам ди. Большинство исследователей считает племена ди протоенисейцами, близкими родственниками прототибетцев жунов (И.П., с. 229). Движение этих племен на север и запад, в степи Монголии и Казахстана, началось, видимо, еще раньше, в конце VIII в. до н.э. На новых местах они стали известны под именем динлинов. Там с ними произошло то же, что до них с жунами: большинство их растворилось этнически среди местного населения. В Монголии таким населением были местные пратюрки, и сложившийся новый народ теле (< динлин) стал предком тюркских народов огузской и старойгузской ветвей (И.П., с. 231-232). Китайские источники помещают динлинов в двух местах: 1) в Центральной и Восточной Монголии (Пьянков, 2002, с. 199-203), 2) в Центральном Казахстане (Пьянков, 2006а, с. 13-18). Археологически первым динлинам будет соответствовать культура плиточных могил, вторым – тасмолинская культура. Правда, последний тезис может встретить некоторые хронологические затруднения, но если считать недавно открытые коргантасские памятники прямым продолжением тасмолинских в условиях хуннского господства, то эти затруднения исчезнут.

Археологическая сторона этой реконструкции в отношении тасмолинской культуры полностью соответствует выводам А.Д. Таирова и хронологически, и географически: волна кочевников направлялась в конце VIII – начале VII вв. до

н.э. из Северного Китая (Ордоса?) и Монголии через Жонгарию/Джунгарию в Восточный и Центральный Казахстан, и результатом этого движения явилось формирование не только тасмолинской культуры в Центральном Казахстане, но и близкой ей культурной общности в Жонгарии и Восточном Казахстане (Таиров, 2003, с. 161-168). Заметим кстати, что эта последняя общность могла бы служить соединительным звеном между двумя указанными анклавами динлинов.

Но как быть с культурой плиточных могил? Хронология этой культуры спорна, но все же она, видимо, несколько старше тасмолинской. В таком случае естественно было бы предположить, что динлины Монголии, переселившись на запад, дали начало динлинам Центрального Казахстана. Но археологический материал как-будто противоречит такому выводу.

И еще такой момент. В китайской традиции племена ди связаны с “амазонскими” мотивами, и я предположил, что под “скифскими” амазонками греков скрываются те же племена ди. Если так, то экспансия этих племен коснулась не только Монголии и Казахстана, где они прочно обосновались, но и Волго-Донских степей, где они образовали отдельный анклав под названием савроматов, а в своих набегах они достигали Дуная и земель за ним (И.П., с. 227-228).

Археология подтверждает и эти положения, а статья А.Д. Таирова существенно дополняет в этом отношении археологические данные. Палеоантропологические материалы савроматских памятников содержат монголоидный компонент, который имеет близкое сходство с соответствующими компонентами антропологического типа людей тасмолинской культуры, “саков” Приаралья, “скифов” Алтая и Тывы, – монголоидную составляющую, которая проникла сюда с востока Центральной Азии через Жонгарию (Таиров, 2003, с. 169-170, ср. Яблонский, 2005, с.787). Словом, это как раз тот монголоидный тип, который и мог быть принесен сюда племенами ди из Ордоса. И специфическая “матриархальность” этих племен с их “амазонками” блестяще подтверждается археологией. Я имею в виду одно из погребений Алтая тасмолинского типа, где похоронена молодая всадница. Антропологический тип ее близок восточноазиатскому монголоидному Северного Китая (Таиров, 2003, с. 161), то есть тому типу, который, надо думать, был свойствен людям ди в Ордосе.

Итак, во всех рассмотренных случаях, имеющих отношение к этническим процессам, мы видим, что исходный импульс возникает в Ордосе, а движение направлено на запад или северо-запад. Таким образом, мы вернулись к тому, с чего начали данный доклад, подтвердив высказанные там положения новыми примерами. На причинах этого явления я здесь останавливаться не буду, так как это потребует отдельного исследования. Разумеется, сделанные здесь выводы нельзя рассматривать как окончательные, они будут меняться по мере появления новых источников, по мере накопления археологического материала.

Литература:

Амбарцумян А.А. К проблеме датировки первой битвы иранцев с хяона (конец VII в. до н.э.) // XIX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки: тез. докл. – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 3-9.

Амбарцумян А.А. Этноним “хяона” в Авесте // ЗВОРАО. – 2006. – Т. II (XXVII). – С. 35-72.

Пьянков И.В. Еще раз к вопросу о динлинах // Лев Николаевич Гумилев: теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. – СПб, 2002. – Т. I. – С.199-203.

Пьянков И.В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург, 2005. – Т. III. – С. 15-35.

Пьянков И.В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки // ЗВОРАО. – 2006. – Т. II (XXVII). – С. 215-236.

Пьянков И.В. Западные динлины – первый тюркоязычный народ на территории Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. – Актобе, 2006а. – Ч. II. – С. 13-18.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени в восточной части степной Евразии // Степная цивилизация восточной Евразии. – Астана, 2003. – Т. I. – С. 157-179.

Яблонский Л.Т. Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культур сакского типа // Центральная Азия: источники, история, культура. – М., 2005. – С. 776-791.

Alemanya A. Els “Cants arimaspeus” d’Aristeas de Proconnès i la caiguda dels Zhou occidentals // Faventia. – 1999. – 21/2. – P. 45-55.

Наглер А.

О сакской курганной архитектуре

Первые раскопки курганов, предпринятые не для извлечения из них древних сокровищ, а для получения научной информации, были осуществлены Д.Г. Мессершмидтом в Минусинской котловине, во время его сибирской экспедиции 1720-1727 гг.

В 19 – начале 20 вв. в степях Евразии, в основном в их европейской части, было раскопано огромное количество курганов раннего железного века. Они дали науке всемирно известные находки, являющиеся гордостью крупнейших музеев мира, но, к сожалению, только находки. Весь комплекс информации о конструкции могил и самих курганов в целом из-за полного отсутствия научной документации практически утрачен, или из-за ее крайней скудности и несовершенности абсолютно не отвечает требованиям современной науки. С развитием методики раскопок курганов уровень полевой документации значительно улучшился и к середине 20 в. так называемые «курганые насыпи» фиксируются более тщательно. В результате накопления данных произошел качественный скачок в понимании курганных памятников. М.П. Грязновым была сформулирована идея о том, что курганная насыпь является утратившем свой первоначальный облик архитектурным сооружением (Грязнов, 1961, с. 22-25). Это очень перспективное направление в скифологии было продолжено некоторыми исследователями, пришедшими к пониманию целостности всего памятника – не только содержащегося в могиле (могилах) инвентаря и конструкции самих могил, но и в конструкции всего курганного сооружения (Чернопичкий, 1984, с. 70-75). Но, к сожалению, оно так и не получило серьезного развития. Большинство курганов в степях Евразии раскапывалось до конца прошлого века без уделения должного внимания «насыпи» кургана, периферия курганов не изучалась, а исследователи концентрировали свое основное внимание только на находках. Это обстоятельство, в первую очередь, объясняется тем, что в подавляющем большинстве производились спасательные раскопки, как это было, например, в случае с курганами Украины и Предкавказья, а на востоке – с курганом Иссык, в связи с чем очень много информации, особенно относящейся к конструкции погребального сооружения и «насыпи», не фиксировалось должным образом. Наши знания об архитектуре большинства раскопанных курганов, а также о ее региональных особенностях, остаются весьма и весьма ограниченными.

На сегодняшний день ситуация существенным образом изменилась, прежде всего, в центральноазиатском регионе, где в последние годы раскопано несколько больших курганов раннего и классического сакского времени. Представляет

значительный интерес сравнить архитектуру раннесакского кургана Аржан-2 (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010) и шиликтинских курганов (Черников, 1964; Черников, 1965; Самашев, Толеубаев, Жумабекова 2004). Прежде всего, бросается в глаза принципиальная разница в их конструкциях. Аржан-2 является погребально-культовым комплексом, состоящим из круглой каменной платформы и насыщенной ритуальной периферии, не имеющей четко очерченных рвом или чем-либо другим границ. Шиликтинские же курганы созданы в рамках совершенно иной концепции. Сами курганы представляют собой сложенные из дерна высокие круглые сооружения с плоской вершиной, с тремя крутыми и одним более пологим склонами. Курганы окружены глубокими рвами, то есть сакральное пространство имеет четкие границы. В отличие от аржанской, связанной своим происхождением, скорее всего, с территориями нынешней Монголии и северо-западного Китая, концепция раннесакской курганной традиции, в которой построены шиликтинские курганы, не только не исчезает, но становится основной для всей степи в классическое скифо-сакское время. Складывается впечатление, что эти две традиции курганной архитектуры имеют не только различные истоки, но и возникли и получили свое развитие в различных культурных традициях.

Литература:

Грязнов М. П. Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. – М., 1961. – С. 22-25.

Самашев З., Толеубаев А., Джумабекова Г. Сокровища степных вождей. – Алматы, 2004.

Черников С.С. Золотой курган Чиликтинской долины // КСИА. – 1964. – № 98.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М., 1965.

Чернопицкий М.П. Курган в системе древней обрядности // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): тез. докл. – Кемерово, 1984. – С. 70-75.

K. V. Čugunov, H. Parzinger, A. Nagler, Der skythenzeitliche Fürstengraban Aržan 2 in Tuva. – Mainz, 2010.

Болтрик Ю.В.

Курганы правителей Европейской Скифии (от времени Геродота до «золотой осени»)

Этнический сквозняк, разгонявшийся на востоке из глубин Евразийской степи, упирался на западе в Карпатские горы и глубокий каньон Днестра. Впрочем, отдельные волны скифов не останавливали и эти преграды. Однако основная масса ранних кочевников предпочитала степи Причерноморья. Тучные пастбища гарантировали их стадам здесь практически круглогодичную кормовую базу, а соседство с периферийными центрами античной цивилизации и городищами Украинской Лесостепи обеспечивало высокий уровень комфорта жизни кочевников.

Свидетельством пребывания скифов в степном междуречье Днестра и Дона служат скопления погребальных насыпей. Отличаясь, друг от друга устройством погребальных сооружений, эти курганные поля указывают на их принадлежность различным группам кочевников. Пестроту погребальному обряду скифов добавлял, помимо этнического, и хронологический компонент.

Обозначить все сохранившиеся усыпальницы лидеров Европейской Скифии невозможно, но очертить круг курганов, которые следует связывать с захоронениями региональных и центральных лидеров, вполне реально. Если ориентироваться на размеры насыпей и учитывать не раскопанные большие курганы, которые по ряду внешних признаков могут быть отнесены к скифскому времени, можно получить реперные точки пространственной структуры Скифии. Такой подход, на наш взгляд, позволяет наметить центральные места регионов, да и обусловить само наличие региональных образований. Здесь уместно напомнить информацию Геродота (Геродот, IV, 127) о том, что могилы своих предков скифы прячут. Возможно, это замечание справедливо по отношению к могилам VI в. до н.э. Однако, спустя столетие ситуация меняется и могилы знатных скифов возводят на ключевых сухопутных магистралях, проложенных по водоразделам.

Наибольшее скопление погребальных памятников тяготеет к главным бродам-переправам **нижнего течения Днепра**. Это притяжение понятно, поскольку у главной водной артерии региона находились и центральные поселенческие структуры Степной Скифии Капуловское и Каменское городища. Значение этой местности подчеркивают и находящиеся здесь курганы Солоха, Чертомлык, Огуз и Александрополь, в которых правомерно усматривают могилы верховных царей. Высотные показатели их гигантских насыпей близки к 20 м или превышают этот предел. Курганы Большая Цимбалка и Козел при высоте 14 м

и объеме насыпи около 35 тыс. м³, судя по всему, являются могилами представителей второго уровня социальной пирамиды (здесь могли лежать ближайшие родственники царя, сыновья или братья). Их насыпи в два с половиной – три раза меньше царских. Промежуточное положение между усыпальницами царей и их родственников занимает Нечаева (или Гегельна) Могила – крупнейший из нераскопанных курганов Украины. Следующий социальный горизонт погребальных памятников Нижнего Днестра второй половины IV в. до н.э. представляют насыпи, высотные параметры которых колеблются в пределах 8-10 м (объем 11-13 тыс. м³). Это Гайманова, Чмырева, Лемешова, Толстая, Бабина Могилы, курганы Краснокутский, Желтокаменка, Верхний Рогачик – они отстоят от гигантских усыпальниц царей на добрый десяток объемов. То есть на сооружение курганов этого уровня социум использовал в 8-10 раз меньше трудозатрат, чем на возведение царских усыпальниц.

Следует отметить, что исследованные в степи курганы отмечают возведение наиболее ранних из них временем, близким к периоду пребывания Геродота в Северном Причерноморье – серединой V в. до н.э. В период до Геродота все богатые погребения скифов степи являются впускными в курганы эпохи бронзы. Тем не менее, мы не исключаем возможность открытия больших курганов архаического периода в степи, хотя следует признать, что вероятность подобного события весьма незначительна. В этой ситуации определенные романтические ожидания оставляет десяток нераскопанных насыпей высотой 8-11 м, расположенных близ **степной речки Висунь**, впадающей в Ингулец. Поскольку курганы находятся близ вероятного торгового пути из Ольвии к городищам Лесостепи, пролежавшего по водоразделу Ингула – Ингульца (Висуни), то они могут оказаться синхронными периоду торговой активности этого полиса, время экономического подъема которого определяется VI – V вв. до н.э. Неисследованность курганов Висуни сохраняет возможность для различных предположений. В них можно усматривать и родовой могильник вождей каллипидов (до Ольвии около 100 км), и могилы архаического Герроса, и элитные погребальные сооружения финальной фазы истории Скифии – поскольку ряд насыпей не имеет вокруг других меньших курганов. Последнее обстоятельство может свидетельствовать о том, что в этом месте хоронили только правителей (чем не Геррос?), либо о том, что курган – «лидер» был сооружен, а «дружинный» могильник не успел возникнуть, поскольку население ушло.

Висуньскому скоплению подобен курганный могильник **Беш-Оба** на плато первой гряды Крымских гор под Белогорском. Один из больших курганов здесь был недавно частично раскопан. Сложная каменная облицовка входной ямы и погребальной камеры, выполненная греческими мастерами, перекрытая сверху многоярусным накатом из бревен, датируется IV в. до н.э. Вероятно, в курганах у Белогорска следует усматривать могильник правителей региональной группировки скифов. Еще один могильник региональной элиты (но с насыпями вдвое меньших размеров) существовал на р. Салгир у Симферополя (курганы Дорт-

Оба и Талалаевский). Близкие по объему Белогорским были курганы восточной оконечности Керченского полуострова – Куль-Оба и Трехбратние.

Два региональных центра скифского кочевого государства, обозначенные одиночными поселенческими структурами и курганами, существовали в Северном Приазовье. На р. Молочной – Западный центр. Он маркирован пяти–шестиметровыми курганами: Шульговка, Ташенак, Мелитополь, Кара-Тюбе. Восточный центр находился в дельте Дона, рядом с Елизаветовским городищем. Там исследовано около двух сотен курганов, среди которых и 8-ой курган из группы «Пять братьев». Примечательно, что в группе «Пять братьев» сосредоточены наиболее грандиозные курганы высотой от 7 до 12 м. Между этими центрами в Приазовье, на западных отрогах Донецкого кряжа, находятся неисследованные насыпи (высотой до 9 м), в которых можно усматривать могилы лидеров скифов царских. Вероятность, к этому кругу следует отнести и Бердянский курган, который вынесли на сухопутный тракт, идущий вдоль азовского побережья.

Но вернемся к Западному и Восточному приазовским центрам. Размеры могильных насыпей в них как будто разводят эти структуры на различные уровни (что вполне вероятно), но их объединяет наличие статусных артефактов – горитов с золотыми накладками Чертомлыцкого типа (они присутствуют в Мелитопольском и 8-ом Пятибратнем курганах). Присутствие золотой накладки в Чертомлыке, имеющем статус царской усыпальницы, косвенно подчеркивает значение упомянутых курганов, к которым следует добавить и Ильинецкий курган на р. Соб (бассейн Южного Буга). Погребенные в остальных трех курганах с горитами номархи, судя по размерам их погребальных сооружений, в иерархии Скифии занимали третий (а погребенный в Мелитополе даже четвертый) социальный уровень. При этом примечательно, что в дельте Дона, в курганной группе «Пять Братьев», есть неисследованный курган высотой 12 м, а на реке Соб, не далеко от восьмиметрового Ильинецкого кургана, стоят остатки наибольшего кургана Украины – Сорока. Уцелевшая после раскопок 1795 года пятая часть насыпи этого гиганта и сегодня имеет высоту 16 м. Не зная времени сооружения этих гигантских насыпей, соседствующих с меньшими курганами, но содержащих парадные гориты – символы приобщения к центральной власти, можно предположить, что в больших насыпях были погребены местные цари, которых позднее сменили региональные наместники.

Собственно находки парадных горитов этой серии обозначают четыре территориальных центра Скифии периода ее «Золотой осени». Вполне вероятно, что подобных центров было намного больше, на это указывают и находки золотых пластинчатых конских налобников. Их значение как статусных индикаторов подчеркивает находка в кургане Толстая Могила серебряной копии знаменитого налобника с изображением Змееногой Богини из Большой Цимбалки. То есть владелец пекторали ездил на коне с серебряным налобником, тогда как в Солохе и Большой Цимбалке было по два коня с золотыми налобниками. Но это курганы центрального некрополя Скифии, а в периферийных курганах встрече-

но уже по одному золотому конскому налобнику. Это Бердянский (Приазовье), Ильинецкий (Восточное Подолье) курганы, Таранова Могила (Верхнее Побужье), Волковцы курган 1/1897 (Посулье). Таким образом, вырисовываются еще ряд региональных центров, к которым следует добавить еще и курганы Черной Долины на Нижнем Днепре (Первый и Второй Мордвиновские и тяготеющий к ним Братолюбровский курган).

В сложившейся в скифологии ситуации, когда поиск статусных артефактов затруднен почти тотальным ограблением погребальных комплексов скифской аристократии, объемы погребальных насыпей выступают ключевым и наиболее объективным критерием социальной дифференциации. Анализ размещения в пространстве социально значимых могил, с учетом их хронологических позиций, корректирует традиционное деление земель Европейской Скифии на локальные варианты, базирующиеся на особенностях материальной культуры, и позволяет очертить центральные места регионов. Хронологическая, социологическая и географическая систематизация погребального массива Скифии, позволяет с иной стороны подойти к поиску исторических персонажей. Определенные шаги в этом направлении уже предприняты.

Дараган М.Н., Подобед В.А.

Горизонт Жаботина Северного Причерноморья и хронология наконечников стрел жаботинского типа

В свете археологических культур позднейшего предскифского и раннескифского периодов, выделяемых на территории Евразии, особое место занимает «горизонт Жаботина» (Северное Причерноморье, украинская Лесостепь), которому давно следовало бы обрести статус археологической культуры. Феномен Жаботина состоит в уникальном синтезе автохтонного чернолесского, ранне- и среднегальштатского европейского компонентов, а также предскифского (т.н. новочеркасского), а далее и раннескифского комплексов. Жаботин является тем субстратом, на основе которого возникает феномен Лесостепной Скифии последующих веков. Начало формирования материального комплекса Жаботина в конце 9 в. до н.э. совпало по времени с образованием среднегальштатского горизонта Центральной и Юго-Восточной Европы и напрямую зависело от него. Эта «западная ориентация» Жаботина привела к появлению своеобразных категорий материальной культуры (различных типов богато орнаментированной парадной посуды, жертвенников, предметов культа и т.д.), имеющих прямые соответствия в культурах среднегальштатского времени Центральной и Юго-Восточной Европы. Тем самым «западный» компонент жаботина является не только равноправным, но в известной мере и автономным партнером в процессе формирования раннескифского комплекса, поскольку у него есть своя логика развития, своя внутренняя периодизация и независимые от собственно предскифского и раннескифского комплексов системы хронологических привязок.

Центральное место в системе Жаботина занимает эпонимное Жаботинское поселение. На основе стратиграфии этого поселения создана детальная региональная хронологическая колонка памятников от позднего чернолесья до эпохи «Больших городищ», которая включает также все этапы становления предскифского (новочеркасского) и раннескифского комплексов (Дараган 2011)¹. По этой стратиграфической колонке построена относительная хронология погребальных памятников Среднего Поднепровья. В результате сопоставления керамических форм из лесостепных погребальных комплексов с керамическими се-

¹ По материалам раскопок 1950, 1951, 1953, 1957, 1958 и 1972 гг. было выделено 3 основных горизонта поселения с начала 8 по середину 7 вв. до н.э. (Покровская 1973; Дараган 2004). Впоследствии были внесены коррективы в горизонт Жаботин I, который был разделен на две субфазы (Дараган, Кашуба 2008), а по данным раскопок 2008-2010 гг. был выделен и горизонт Жаботин IV, имеющий две подфазы (середины 7 и конца 7/начала 6 вв. до н.э.), а также внесены уточнения в содержание и длительность горизонтов Жаботин II и Жаботин III. В последнем также выделено две субфазы (Дараган, Подобед 2009; 2011).

риями горизонтов Жаботина выделено 7 последовательных групп погребений. Акцентируем внимание только на комплексах с представительной серией жаботинской керамики, позволяющей проследить их хронологическую последовательность. В рамках горизонта Жаботин Ib датируется погребение в кургане у с. Квитки (первая половина 8 в. до н.э.). К началу горизонта Жаботин II относятся погребения в кургане у с. Ольшана, курганах 375 и 376 у с. Константиновки, кургане 2 у с. Рыжановки (около середины 8 в. до н.э.). Финал горизонта Жаботин II/начало Жаботин III – это время сооружения кургана 524 у с. Жаботин. В абсолютных датах это последняя четверть 8 в. до н.э. На шаг выше, в рамках горизонта Жаботин III, выделяется две последовательных группы погребений: первую группу (начало – первая половина 7 в. до н.э.) «открывает» погребение 6 кургана 1 у с. Яснозорье (а также группа 2, курган 2 и группа 3, курган 2 у с. Медвин, курган 406 у с. Макеевка, курган 471 у с. Оситняжка, курган 183 Тенетинка; курган 15 у с. Константиновка; курган 5 у с. Рыжановка), вторую – курган 346 у с. Орловец (а также курганы 453 и 454 у с. Макеевка, курган 343 у с. Пищальники, курган 3 у с. Ташлык, курган 8 у с. Деренговец, группа 2, курган 1, группа 1, курган 3 у с. Медвин, курган 42 у с. Берестняги). Замыкает вторую группу на шкале относительной хронологии погребение в кургане 15 у с. Стеблев 2-й четверти 7 в. до н.э.² Еще выше – погребения середины – третьей четверти 7 в. до н.э. в курганах у с. Глеваха, курган 100 у с. Синявка, курган 35 у с. Бобрица, курганах у с. Флярковка и Малая Офирна и синхронные им (Дараган, 2011, с. 85-109). Замыкают этот ряд 7 в. до н.э. погребения из Репяховатых могил (Дараган, 2010, с. 175-196).

Жаботинская керамика – едва ли не единственный инструмент для создания периодизации памятников предскифского и раннескифского времени Северного Причерноморья и важнейшая категория при хронологических сопоставлениях с культурами западного круга. Для синхронизации с сопредельными культурами не меньшее значение имеет еще одна яркая категория вещей жаботинского круга – наконечники стрел жаботинского типа³. Особо важно, что именно в рамках

² Существуют совершенно различные представления как о хронологии этих памятников и сопряженных с ними, так и об их периодизации и этнической атрибуции. Достаточно отметить, что, например, в схеме С.А. Скорого такой предскифский «новочеркасский» комплекс, как погребение в кургане у с. Квитки, датируется 714-700 гг., погребения в кургане у с. Ольшана, курганы 375, 377 у с. Константиновки, курган 2 у с. Рыжановка и курган 8 у с. Яснозорье – 700-681 гг. до н.э. (Скорый, 1999, 61-63). Комплексы раннескифского времени, такие как погребения из курган 524 у с. Жаботин, а также курган 2 у с. Жаботин, курган 183 Тенетинка, курган 375 Емчиха, группа 2, курган 2 Медвин, курган 346 Орловец, курган 15 Константиновка – в пределах начала/1-й четверти 7 в. до н.э. (Скорый, 2003, с. 39), а погребение в к. 15 у с. Стеблев, которое является чистейшим памятником келермесского времени, притом даже не самым ранним, а керамика из него имеет аналогии не ранее чем в комплексах горизонта Жаботин III, датировано концом 8 в. до н.э. (Скорый, 2003, с. 41). Т.е., синхронизированы комплексы, которые не только не могут быть синхронными, но и разведены во времени на несколько шагов.

³ В.А. Ильинская разделяла бронзовые втульчатые асимметрично-ромбические наконечники на жаботинские и раннежаботинские, рассматривая их в рамках одной типологической линии. Первые представлены наконечниками из колчанного набора кургана 524 у с. Жаботин, вторые – наконечниками из кургана 2, погребение 1 Ендже. *Жаботинские наконечники* – ромбические с длинной выступа

жаботинского этапа «работают» такие выразительные комплексы с эталонными и весьма представительными колчанными наборами, включающие, в том числе и жаботинские асимметрично-ромбические и ромбические наконечники стрел, как Квитки, Ольшана⁴, кургана 524 у с. Жаботин⁵, а также из погребения 1,

ющей втулкой, у раннежаботинских наконечников асимметрично-ромбическое перо охватывает всю втулку и они более массивные (Ильинская, 1973, с. 17). Такое разделение в значительной мере условно, поскольку и в колчанном наборе кургана 524 Жаботина и колчанном наборе кургана 2, погребение 1 Ендже есть похожие наконечники. Поэтому С.В. Полин говорит в целом о типе Енджа-Жаботин отмечая, что к середине VII в. до н.э. такие наконечники выходят из употребления (Полин, 1987, с. 21). Тип наконечника определяется назначением стрелы, а вариации в пределах типа, наблюдаемые исследователем визуально, определяются литейной формой, в которой он был отлит и последующими операциями по заточке (каждая стрела затачивалась индивидуально). При этом малейшие нюансы заточки сказывались на визуальном сходстве или различии наконечников, даже отлитых в одной форме (Черненко, 1981, с. 99). В одном колчанном наборе, как правило, представлены наконечники, отлитые в разных формах. При изготовлении наконечников стрел из колчанного набора погребения у с. Лихачевки (горизонт Жаботин III) использовалось не менее 30 (!) различных литейных форм. Это уже столько же типов, но вследствие последующих операций по заточкам наблюдаемый визуальный ряд в пределах выделяемого типа намного больше. В работе мы используем термин вариация типа (не вариант), чтобы максимально акцентировать внимание именно на сходстве визуального ряда наконечников, найденных в различных комплексах и на различных территориях. Соответственно применительно к асимметрично-ромбическим наконечникам мы говорим о вариациях внутри типа Енджа и типа Жаботин. Но когда корректное разделение на тип Енджа и Жаботин невозможно, мы вслед за С.В. Полиным говорим о типе Енджа-Жаботин.

⁴ Колчанный набор из кургана у с. Квитки состоял из 36 бронзовых и 6 железных наконечников стрел. Все наконечники двухлопастные. Из них 35 экз. – наконечники классического новочеркасского типа длиной от 3,4 до 5,6 см. Один наконечник имеет удлиненно-ромбическую головку, охватывающую почти всю длинную втулку, длиной 5 см. Остальные – это железные стрелы, повторяющие форму бронзовых с малой трапецевидной головкой, длиной втулкой и удлиненно-ромбической головкой, охватывающей 2/3 втулки, длиной 5,6-6 см (Ковпаненко, Гупало, 1984, с. 46). Совершенно «не новочеркаский» колчаный набор и в кургане у с. Ольшана. С.А. Скорый отметил, что из 89 наконечников (доступных для изучения, всего сохранилось 92) лишь 26 экз. относятся к собственно предскифским типам, остальные 63 экз. к типам характерным уже для раннескифской эпохи (Скорый, 1999, с. 63). Асимметрично-ромбические наконечники из Ольшаны представлены несколькими разновидностями. Это наконечники с удлиненной ромбической или асимметрично-ромбической головкой и короткой (на 1/3 общей длины) выступающей втулкой. Длина наконечников 3,2-5 см. Обычная длина – около 4 см. Максимальными размерами (4,9-5 см) отличаются лишь 4 наконечника. Эти наконечники составляют наибольшее число среди типов, присутствующих в колчанном наборе погребения в Ольшане – 33 экз. из 92. Наконечники с удлиненной асимметрично-ромбической головкой, охватывающей практически всю втулку. У основания одного из наконечников – выпуклый ободок. Длина 3,5-4,2 см (3 экз.) с овальной или лавролистной головкой и короткой втулкой. Длина 3,7-3,9 см (2 экз.). Остальные наконечники – двухлопастные новочеркаские, двухлопастные килевидные, а также вариации трехлопастных стрел с треугольной и лавролистной головкой и длинной втулкой. Лопаста таких наконечников по отношению к втулке срезаны под прямым углом (Ковпаненко, Скорый, 2005, с. 280-282).

Наиболее близкие, в том числе и прямые соответствия некоторым типам наконечников из Ольшаны есть в погребении из Гумарово, которое по данным радиоуглеродного анализа могло быть сооружено и в первой половине VIII в. до н.э. (Евразия..., 2005, с. 121). Совпадения наблюдаются по линии уникальных типов трехлопастных наконечников, аналогий которым больше пока нигде нет. Примечательно и наличие на наконечниках обоих памятников характерных меток, в том числе и виде птичьей лапки. На наконечниках именно «новочеркаского типа» такие лапки есть на экземпляре из одного из поселений Жаботинского этапа района с. Жаботин. На фоне таких совпадений, есть только одно «но»... нет черешковых наконечников, которые в колчанном наборе из Гумарово составляют значительный процент. Более того, черешковых наконечников вообще нет нигде ни в Северном Причерноморье, ни на Кавказе.

⁵ Колчанный набор кургана 524 у с. Жаботин включал 1 пулевидный костяной наконечник и 30 бронзовых двухлопастных трех разновидностей. 1) асимметрично-ромбические наконечники длиной до 5,3 см, с длинной выступающей втулкой до 1,5 см с шипом и без него. Шип расположен у осно

кургана 2 Ендже⁶, интерпретируемые как киммерийские или скифские. Представления о длительности бытования асимметрично-ромбических (т.н. жаботинских) наконечников стрел имеют особое значение в проблеме археологической идентификации и хронологии киммерийской и скифской культуры. Их ареал обширен, а количество археологических памятников, содержащих их, в том числе и случайных находок, исчисляется многими десятками. Ниже мы рассмотрим некоторые эпизоды, иллюстрирующие археологически документированные случаи штурмов поселенческих памятников, при которых агрессоры использовали колчаны, содержащие асимметрично-ромбические и ромбические наконечники стрел (вариации типов Енджа-Жаботин и Жаботин). В различных интерпретациях – нападающая сторона это киммерийцы либо скифы. Как следствие, абсолютные даты засвидетельствованных разрушений устанавливаются только в рамках известных дат по письменным ассирийским источникам (киммерийцы как участники ближневосточных конфликтов упоминаются с 714 г. до н.э., а скифы – с 675 г. до н.э.).

Украинская Лесостепь. На Жаботинском поселении выделяется горизонт сожженных жилищ (финал горизонта Жаботин II), маркируемый находками стрел типов Жаботин и Енджа-Жаботин (Дараган, Подобед, 2009, с. 22, рис. 1, 1-7). Мы склонны связывать его с военной активностью кочевников в этом регионе. Отсюда следует, что такой погребальный комплекс с кочевнической атрибутикой, расположенный напротив Жаботинского поселения, как курган 524 у с. Жаботин (Дараган, Подобед, 2011), и характерные изделия, связанные с воинской субкультурой кочевников, к тому же происходящие из вполне удовлетворительных археологических контекстов (в том числе и в составе закрытых комплексов), относятся уже к следующему (на шкале относительной хронологии) горизонту – Жаботин III. В соответствии с существующими хронологическими штурдиями эти находки должны занимать более высокую хронологическую позицию, т.е. быть заведомо моложе предметов, связываемых с воинской субкультурой предшествующего горизонта новочеркасских древностей, представленных в горизонте Жаботин II. Этому требованию вполне соответствует костяное изделие, обычно атрибутируемое как орнаментированный псалий (см. ниже),

вания лопастей; 2) асимметрично-ромбические наконечники со смягченным листовидным абрисом, размерами 4,5-4,8 см и длинной выступающей втулкой длиной до 1,2 см у наконечников с шипом и длиной втулки до 1,4 см, у наконечников без шипа; 3) наконечник с утяжеленной головкой и плавноромбическим очертанием лопастей. Длина наконечника 4,3 см, длина втулки 0,6 см. Шип расположен у основания лопастей. Все наконечники стрел на обеих втулках с обеих сторон имеют литейные швы в виде рельефных валиков.

⁶ *Колчаный набор из погребения 1 кургана 2 Ендже* состоял из 52 наконечников. Это асимметрично-ромбические наконечники разных вариантов с шипом и без шипа длиной от 4,8 см до 3,3 см. У наконечников одного варианта скрытая втулка, второго – разной длины укороченная втулка. Такие наконечники имеют шип у основания лопастей. Листовая часть наконечников из Ендже больше чем у наконечников из кургана 524 у с. Жаботин. В колчаный набор входило также два трехлопастных наконечника с треугольной головкой длиной 3 и 3,2 см и бронзовые пулевидные наконечники с ромбической сточенной головкой, длиной 4 см и максимальной шириной 1,15 см (Попов, 1932, Обр. 89;90).

найденное возле очага 1 раскопа 9, начала горизонта Жаботин III. Заметим, что асимметрично-ромбические наконечники представлены и в колчаных наборах таких погребальных комплексов как Ольшана и Квитки. А эти погребения датируются не позднее середины 8 в. до н.э., а скорее ранее – уже в рамках центрально-европейского горизонта На С1а. Керамика из этих погребений имеет соответствия как в горизонте Жаботин I, так и в горизонте Жаботин II. Тогда как керамика из кургана 524 у с. Жаботин имеет прямые аналогии в горизонтах Жаботин II-III. Соответственно предполагается, что эти комплексы предшествуют слою разрушения Жаботинского поселения, датируемого приблизительно третьей четвертью 8 в. до н.э. (Дараган, Подобед, 2009, с. 30).

Слои «погромов», когда агрессоры использовали наконечники стрел жаботинских типов, зафиксированы и на других поселениях украинской Лесостепи (Западное Бельское и Рудковецкое городища) (Дараган, Подобед, 2009, с. 22-24). На шкале относительной хронологии они также соответствуют финалу горизонта Жаботин II и могут быть датированы не позже третьей четверти 8 в. до н.э.

На ряде поселений Закавказья и Передней Азии зафиксированы несколько археологически подобных ситуаций, которые, возможно, отражают исторически сходную картину.

Наиболее близкая картина разрушений зафиксирована в Закавказье на двух памятниках Ширакской степи – городищах Нонаме-Гора и Цискарант-Гора, где стрелы обнаружены *in situ* в пределах замкнутых археологических комплексов, в различных, но весьма выразительных археологических и, соответственно, хронологических контекстах.

На поселении Цискарант-гора археологически достоверно засвидетельствованы последствия военного столкновения – разрушенные и погибшие в огне строения (дом 1 и дом 2), у наружных стен которых и у входа в помещение 2 обнаружено 6 наконечников стрел вариаций типа Енджа-Жаботин. По радиоуглеродным датам этот слой датируется второй половиной 8 – началом 7 вв. до н.э. (Furtwangler, Knauß, Morzenbacher, 1998, с. 354; Motzenbaker, 2000, с. 217). В контексте слоя разрушения большая серия асимметрично-ромбических наконечников стрел вариаций типов Енджа-Жаботин зафиксирована и на городище Нонаме-гора⁷ (Furtwangler, Knauß, Morzenbacher, 1999, Abb. 27).

На обоих памятниках выявлены «комплексы», вполне определенно указывающие на проведение уцелевшими жителями поселков очистительных ритуалов и культовых действий, направленных на предотвращение подобных набегов и «очищение после резни». К последним следует отнести две культовые ямы из Нонаме-гора, в одну из которых помещены, помимо черепа крупного копытного животного, многочисленные керамические сосуды, бронзовый брас-

⁷ Размеры наконечников 4-5,2 см., один наконечник с овально-ромбической формой лопастей длиной 3,4 см. Некоторые из наконечников поселения Нонаме-гора совершенно идентичны жаботинским.

лет с внешней ребристой поверхностью и великолепный образец парадного оружия – бронзовая секира-скипетр, более всего напоминающая луристанские бронзы, не имеющая явных следов повреждения. В яме 2 погребена, наиболее вероятно, жертва погрома, а с ней и орудие убийства – асимметрично-ромбический наконечник стрелы.

Наибольший интерес представляет исследованная с внутренней стороны вала поселения Нонаме-гора «керамическая вымостка» (кв. И/16), в пределах которой найдены и наконечники стрел, в том числе и экземпляр с ромбической формой лопастей с меткой в виде отпечатка «птичьей лапы» и рельефным валиком у основания втулки⁸, двуручные керамические чаши, поврежденный бронзовый амулет с явной солярной символикой и 5 бронзовых панцирных пластин, одна из которых принадлежала урартскому ламеллярному доспеху. Этот «неслучайный» набор предметов, как и сама «вымостка», появился уже после столкновения с номадами и связан с проведением уцелевшими жителями поселка обрядовых действий, направленных на предотвращение подобных набегов; «ритуальная» площадка могла быть связана с ремонтом оборонительных сооружений и восстановлением вала. Обнаруженный на участке объект представляет собой единый археологически замкнутый комплекс и предметы, его составляющие, единовременны. Уникальной является пластина от ламеллярного урартского доспеха (Furtwangler, Knauß, Morzenbacker, 1999, с. 256), совершенно аналогичная пластине доспеха царя Аргишти I (785/80-756 гг. до н.э.), обнаруженного в помещении 36 Кармир-Блура (Тейшебаини) (Пиотровский, 1955, с. 17, рис. 21). В этом же помещении найдены и два орнаментированных роговых стержня. В декоре одного из них помимо циркульного орнамента присутствуют изображения парных выемчатых треугольников с вогнутыми сторонами и при этом каждая пара треугольников заключена в рамку, внутри которой они разделены диагональной линией. Идентичный орнамент покрывает лицевую (парадную) поверхность вышеупомянутого костяного изделия, вероятно, нащечника, принадлежавшего конскому оголовью, обнаруженного возле очага 1 раскопа 9 Жаботинского поселения (начало горизонта Жаботин III). И.Н. Медведская предполагает, что стержни были «спрятаны» вместе со священным царским оружием (они найдены в корзине, прикрытые щитом Аргишти I и колчанами Сардури II), перенесенным в кладовые Тейшебаини после реформы административного управления из Эребуни. А сами изделия «могли попасть в Эребуни в 8 в. до н.э. во время первоначального проникновения киммерийцев на Древний Восток» (Медведская, 1992, с. 105, прим. 20; ср. 1994, с. 123, прим. 1). Можно предположить, что кармирблурские парные стержни являлись частями сложносоставных предметов и, вполне вероятно, ис-

⁸ Эти признаки сближают его с одной стороны с комплексом из погребения 5 Гумарово (по метке), а также с наконечниками из Амасьи, Богазкея, Зольника № 5 Западного Бельского городища, погребения 309 могильника Клин-Яр III, с другой (по валику) – с наконечниками из Малой Цимбалки и Высокой могилы и кургана 194 Самтавро.

пользовались в кочевнической среде в качестве жезлов, неких инсигний власти. Во всяком случае, декорированы они в «киммерийском/скифском» духе. Нельзя с полной уверенностью утверждать были ли эти стержни трофеями урартов, поднесенными в храм бога Халди, или же это приношения самих номадов, находившихся на службе у урартских династов и принимавших участие в их походах по Закавказью, или в силу определенных обстоятельств, ставших союзниками урартов в эпоху обретения Закавказья. Если одно из наших предположений верно и жезлы оказались в храме по воле самих кочевников (киммерийцев или скифов), мы вправе сопоставить их с церемониальными (парными?) жезлами урартов, известных нам по изображениям на предмете торовитики времени Аргишти I (Kellner, 1987, p. 22) и на более поздних ассирийских, относящихся ко времени Синнахериба и Ашшурбанипала (Glenn Markoe, 1982, p.5-8).

Несмотря на то, что нам достоверно не известен конкретный исторический эпизод, благодаря которому на археологическом памятнике Нонаме-гора в закрытом археологическом комплексе оказались асимметрично-ромбические наконечники стрел и панцирные пластины, в том числе и от урартского ламеллярного доспеха, случайность этого сочетания следует исключить. Данная находка – первое, но яркое археологическое доказательство того факта, что закавказские «вождества» столкнулись с номадами, использовавшими колчаный набор со стрелами круга погребения 1 кургана 2 Ендже и кургана 524 Жаботина, задолго до 714 г. до н.э., явно во время до Русы I.

Следующий хронологический эпизод связан с находками двухлопастных лавролистных и ромбических наконечников стрел в малоазийских комплексах конца 8 – первой половины 7 в. до н.э. (Богазкей, Каман-Калеуюк, Тарс и др.) (Иванчик, 2001, с. 58-71; Yalcikli, 2006, Tafel. 4;5). Наконечников вариаций типа Енджа-Жаботин в Малой Азии нет. Известные малоазийские наконечники в целом отражают соблюдение некоего метрического и технологического стандарта, встречаются наконечники с утяжеленной головкой (Имирлер, Амасьи), типа представленного в колчанном наборе кургана 524 у с. Жаботин. Тем не менее, по ряду сопоставлений с другими типами вооружений, мы полагаем, что наконечники из малоазийских комплексов более поздние, чем типы стрел из колчанного набора кургана 524 у с. Жаботин. Иными словами, в то время когда в Малой Азии кочевники используют двухлопастные стрелы определенной модификации, в украинской Лесостепи пользуются уже иными типами стрел. На рубеже 8/7 вв. до н.э. произошла смена колчанного набора – переход от массивных двухлопастных асимметрично-ромбических наконечников к менее массивным двухлопастным, трехлопастным и трехлопастным с треугольно-сводчатой головкой. Этот набор известен в комплексах времени курган 6 погребение 1 Яснозорья и кургана 2 Рыжановка, которые на шкале относительной хронологии моложе кургана 524 у с. Жаботин.

Последний хронологический эпизод, когда при штурме использовались листовидные и ромбические наконечники стрел, зафиксирован в рамках урартской

хронологии в Аянисе, где археологически достоверно зафиксирован штурм города. Снаружи оборонительной стены крепости найдено более 120 двухлопастных втульчатых наконечников стрел скифских типов (Derin, Muscarella, 2001, p. 189-217, Fig. 6, 71-86; 7, 91-107; Cilingiroglu, 2005, 63-66; Muscarella, 2006, Fig. 1). За исключением одного наконечника с треугольно-сводчатой головкой, все наконечники двухлопастные с листовидной (лавролистной) и ромбической формой пера двух разновидностей: 1) с листовидной и ромбической формой пера, выступающей втулкой и шипом (размерами 4,6-4,7 см, некоторые 5-5,2 см); 2) с листовидными лопастями, покрывающими втулку без шипа (наиболее близкие аналогии стрелы из кургана 15 у с. Стеблев) (Derin, Muscarella, 2001, p. 189-217, Fig. 6, 71-86; 7, 91-107). Сходные типы найдены в Бастаме и Чавуш-тепе (Erzen, 1978, Res. 38; 41; Lev. XLVII; XLV,a). Урартская крепость Аянис была построена в 673-672 г. до н.э., а разрушена вскоре после 655 г. до н.э. (Kuniholm, Newton, 2001, p. 2; Cilingiroglu, Salvini, 2001, p. 17-18; Erdem, Batmaz, 2008, p. 72, 78).

Когда гарнизон Аяниса и его оборонительные сооружения обстреливали двухлопастными наконечниками, в том числе и с ромбической формой пера, в Лесостепи и Степи Северного Причерноморья и на Северном Кавказе уже произошла смена колчанного набора и использовались другие типы стрел. Совершенно иную картину мы наблюдаем и в Кармир-Блуре (Тейшебаини). Крепость, так же как и Аянис, построена во время Русы II (685-645 гг. до н.э.), и предполагается, что, как и все крепости Русы II, также погибла в его правление (Медведская 1992, с. 100-103; Иванчик, 2006, с. 155; ср. однако Дьяконов, 1994, с. 114; Медведская, 2010, с. 152). Парадоксально, что набор наконечников из Кармир-Блура принципиально другой. Это двухлопастные, трехлопастные и трехлопастные с башневидной и треугольно-сводчатой головкой келермесского типа. Но наконечников с асимметрично-ромбической и ромбической формой пера в Кармир-Блуре нет (Рябкова, 2009, с. 328-332, рис. 1; 2; 3). Присутствуют также предметы паноплии – чешуйчатые скифские доспехи; оружие ближнего боя – меч и акинаки скифского типа; комплекты уздечных принадлежностей скифского облика. Весь этот набор типологически и хронологически соответствует келермесскому периоду Северного Причерноморья и Кавказа. Видимая разница в колчанном наборе Аяниса и Кармир-Блура может свидетельствовать о консервации колчанного набора в рамках одной из группировок, которые действовали в Передней Азии (киммерийцы и скифы, разные группы киммерийцев или скифов и т.д.).

В раннескифскую эпоху в пределах всего огромного скифского мира именно наконечники стрел выступают основным инструментом хронологических штудий, построений этнического характера и т.д. В период раннескифской архаики динамика смены колчанного набора и вариативный ряд наконечников стрел поражает изобилием. Мы до конца не понимаем сути тех механизмов, которые приводят в итоге к смене составляющих колчанного набора, и как следствие,

не всегда можем определить те причины, которые приводят к зарождению новых типов⁹. Непонятно и почему некоторые колчаные наборы (например, типа Ольшаны) не получили дальнейшего развития. Не знаем мы и кто «обслуживал» лучников; кто был «хранителем» литейных форм, что принципиально, при исходной посылке, что и киммерийцы и скифы знали кокильное литье (Шрамко, 1999, с. 321). Но рассмотренные эпизоды штурмов поселений наглядно демонстрируют, что определенной группой нападавших в каждом конкретном случае использовались именно наконечники стрел сначала асимметрично-ромбических, а далее ромбических типов. Нельзя определенно сказать была ли в некоторых случаях это одна и та же группировка¹⁰. Но при столь устойчивом сочетании типов допустима и этническая их интерпретация.

Литература:

- Дараган М.Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховой Могилы // Античный мир и археология. – Саратов, 2010. – Вып. 14.
- Дараган М.Н. Памятники раннескифского времени Среднего Поднепровья и Гальштатт: поиск хронологических реперов // *Revista Arheologica*. SN. – Chisineu, 2010. – Vol. VI, nr. 2.
- Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. – Киев, 2011. – В печати.
- Дараган М., Кашуба М. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // *Revista Arheologica*. SN. – Chisineu, 2008. – Vol. IV, nr. 2.
- Дараган М.Н. Подобед В.А. Финал горизонта Жаботин II. Хронология горизонта Жаботин III // Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. – Киев, 2011. – В печати.
- Дараган М.Н., Подобед В.А. О датировке слоя разрушения (горизонт Жаботин II) на Жаботинском поселении начала раннего железного века // ССПК. Вип. XV. Запоріжжя 2009. Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. – 1994. – № 1.
- Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб., 2005.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. – М., 2001.
- Иванчик А.И. Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М., 2006. – Кн. 1.
- Іллінська В.А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. – 1973. – № 12.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). – Киев, 1975.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. – Киев, 1984.
- Ковпаненко Г.Т. Скорый С.А. Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи // *Stratum plus* 3. – Кишинев, 2005.
- Медведская И.Н. Заключение к дискуссии // РА. – 1994. – № 1.

⁹ Даже положение о «новочеркасских» наконечниках, как киммерийских, и асимметрично-ромбических и лавролистных двухлопастных и различных вариаций трехлопастных и трехгранных как раннескифских, «рассыпается», когда мы обращаемся к колчанному набору из погребения у с. Ольшаны.

¹⁰ Определенно об этом можно было бы судить после сравнения типологически близких наконечников из различных памятников на предмет выявления отлитых в одной литейной форме.

- Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. – 1992. – № 3.
- Медведская И.Н. Древний Иран накануне империй (IX-VI вв. до н.э.) История Мидийского царства. – СПб., 2010.
- Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур III (Результаты раскопок 1951-1953). – Ереван, 1955.
- Покровская Е.Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. – 1973. – № 4.
- Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. – 1987. – № 59.
- Попов Р. Могилните гробове при с. Енжде // Язв. на Болгар. археол. ин-т. – Т. 6. 1930-1931. – София, 1932.
- Рябкова Т.В. Наконечники стрел скифского типа из Тайшебаини // Пятая Кубанская археологическая конференция: матер. конф. – Краснодар, 2009.
- Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. – Киев-Полтава, 1999.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. – Киев, 2003.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. – Киев, 1981.
- Шрамко Б.А. К вопросу о бронзолитейном производстве в Скифии // Евразийские Древности. – М., 1999.
- Cilingiroglu A. Bronze Arrowheads of Ayanis (Rusahinili Eiduru-kai): Indicate Ethnic Identity? // Metal III. Der Anschnitt Zeitschrift für Kunst und Kultur im Bergbau. – Bochum, 2005. – Beiheft 18.
- Daragan M. Die Periodisierung und Chronologie der Siedlung Thabotin // EA. – 2004. – № 10.
- Derin Z., Muscarella O.W. Iron and Bronze Arrows // Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989-1998 (Ed. A. Çilingiroğlu ve M. Salvini). – Roma, 2001.
- Erdem A., Batmaz A. Contributions of the Ayanis to Iron Age Chronology // Iron Ages Chronology in Anatolia and Neighbouring Regions, Ancient Near Eastern Studies. – 2008. – Vol. 45.
- Erzen Afif. Çavuştepe I, MÖ 7.-6. Yüzyıl Urartu Mimarlık Anıtları ve Ortaçağ Nekropolü, Türk Tarih Kurumu Yayınları. – Ankara, 1978.
- Furtwangler A., Knauß F., Morzenbacker I. Archaologische Expedition in Kachetien. Ausgrabung in Siraki. 4. Vorbericht // EA. – 1998. – Band 4.
- Furtwangler, A., Knauß, F., Motzenbacker, I. Archaologische Expedition in Kachetien. Ausgrabung in Siraki. 5. Vorbericht // EA. – 1999. – Band 5.
- Glenn Markoe. Barsom or Staff? An Inscribed Urartian Plaque // Metropolitan Museum Journal. – 1982. – Vol. 17.
- Kellner H.-J. Datierungsfragen zu Urartu // Skythika. – München, 1987.
- Motzenbacker I. Neue Funde reiternomadischer Provenienz in Iberien // Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan. – 2000. – Band 32.
- Muskarella O.W. Bronze socketed arrowheads and ethnic attribution // In The Golden Deer of Eurasia: Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World (Ed. Joan Aruz, Ann Farkas, and Elisabetta Valtz Fino). – 2006.
- Yalcikli D. Pfeilspitzen aus Anatolien // Hellmuth, A.; Yalçikli, D. Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolence-Molpír. Eisenzeitliche Pfeilspitzen aus Anatolien. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. 128. – Bonn, Habelt, 2006.

Шульга П.И.

О захоронениях коргантасского типа

Курганы «коргантасского» типа были выделены А.З. Бейсеновым по материалам раскопок в Центральном Казахстане (Бейсенов, 1995). Наиболее характерными чертами этого типа памятников является наличие в головах умершего специального отсека (иногда ямки за пределами могилы) с черепами лошадей (часто взнузданных) и МРС. Умершие погребались в ямах (в том числе и в каменных ящиках) глубиной 0,4-2 м, на спине, вытянуто, головой на СВ-ВСВ. Датировались памятники предварительно IV-I вв. до н.э. (Бейсенов, 1995). Близость этих погребений некоторым курганам из Горного Алтая (Сибирка-1, Кер-Кечу, Елангаш) отмечалась уже в одной из первых публикаций (Бейсенов, 1995, с. 225). До этого вопрос о культурной принадлежности подобного погребения в Горном Алтае (Сибирка-1) затрагивался Н.В. Полосьмак. Первоначально она определила это погребение как результат перемещения населения из Центрального Казахстана в Северный Китай (Полосьмак, 1990), но вскоре справедливо связала обычай помещения в погребения черепов животных в Сибирке-1 «с инфильтрацией населения Северного Китая» (Полосьмак, 1994, с. 143).

После некоторого забвения вопрос о памятниках коргантасского типа был одновременно рассмотрен в двух работах (Таиров, 2006; Пересветов, 2006), авторы которых указали ещё на два подобных памятника в Горном Алтае (Ак-Алаха-1 и Кызыл-Таш). На основе опубликованных ранее датировок, погребения из Горного Алтая были отнесены ко второй половине V-IV вв. до н.э. (Сибирка-1, Кер-Кечу), IV-III вв. до н.э. (Кызыл-Таш) и III-II вв. до н.э. (Ак-Алаха-1, Елангаш). С учётом этих дат и описаний инвентаря, время коргантасских памятников в Центральном Казахстане было определено авторами примерно III, возможно, IV вв. до н.э. При этом оба исследователя допускали корректировку даты в сторону удревнения, что предполагалось и А.З. Бейсеновым.

В действительности же, большинство указанных погребений из Горного Алтая относятся к более раннему времени (см. Кубарев, Шульга, 2007, с. 17-18). Все содержавшие представительный материал захоронения «коргантасского» типа (Сибирка-1, Кер-Кечу и Кызыл-Таш) могут быть датированы не позже второй половины V в. до н.э. Наиболее ранним является погребение в Сибирке-1 (Полосьмак, 1990) с раннескифскими чертами в погребальном обряде и инвентаре (едва ли позже середины VI в. до н.э.). Примерно второй половиной VI – первой половиной V вв. до н.э. датируется по уздечным распределителям курган из Кер-Кечу. Звено бронзовых удил, пластинчатая подпружная пряжка

и крупные бронзовые ножи со слабо выгнутом обушком из Кызыл-Таша также относятся к раннепазырыкскому периоду. Подобный обряд зафиксирован в Тыве на могильниках Туран-1 (Полторацкая, 1966, с. 83) и Темир-Суг-1, где особо информативный вещевой комплекс датируется серединой-второй половиной VI в. до н.э. (Кушакова, Чугунов, 2010).

Таким образом, погребения коргантасского типа достоверно появляются на Алтае и в Тыве примерно с середины VI в. до н.э. Исследованные в Казахстане коргантасские памятники сооружены значительно позже. С любезного разрешения А.З. Бейсенова автор ознакомился с рисунками вещей из исследованных им погребений коргантасского типа. Насколько можно судить по изготовленным из железа удилам, трёхлопастным черешковым наконечникам стрел, ножам и колчанным крючкам, эти погребения, действительно, не старше IV в. до н.э. Явно архаичные по времени захоронения бронзовые сбруйные распределители с щитками большого диаметра (Бирлик, к. 19) также найдены в комплексе с железными удилами, железными чеканом (?) и колчанным крючком. Там же обнаружена бронзовая ложечковидная «деталь уздечки».

По вопросу появления погребений коргантасского типа существует несколько точек зрения. А.Д. Таиров рассматривает их как результат миграций из Северного и Северо-Западного Китая во второй половине V-IV вв. до н.э. и в III в. до н.э. (Таиров, 2006, с. 188, 193-194). Г.Ю. Пересветов связывает их с миграциями из Забайкалья и Монголии примерно в IV в. до н.э. (Пересветов, 2006, с. 205-206). По К.В. Чугунову это скорее не миграции, «а распространение идеи ритуала» (Кушакова, Чугунов, 2010, с. 151).

На наш взгляд, погребения коргантасского типа в Тыве и на Алтае (по Казахстану не хватает материалов для сравнения) оставлены потомками малочисленных групп ассимилированных мигрантов, сохранивших некоторые особенности в погребальном обряде и инвентаре. Видимо, поэтому все рассмотренные курганы отличаются от местных культур, но имеют с ними много общего. На Алтае и в Тыве наиболее ранние погребения коргантасского типа совершались примерно в одно время – в середине второй половине VI в. до н.э., т.е., в период сложения культур скифского времени пазырыкской и уюкско-саглынской. По всем данным, мигранты были выходцами из восточной тупиковой части степного пояса (Забайкалье, восточная часть Монголии, Северный Китай), где в I тыс. до н.э. существовала так называемая «восточная» историко-культурная общность (Шульга, 2010а). Данный вывод подтверждается особенностями некоторых категорий вещей из Тывы, и, прежде всего, погребального обряда. Обычай погребать в могиле только одного человека, в положении на спине, вытянуто, головой в северный или восточный секторы, с сосудом на уступе и черепами (шкурами) животных в головах являлся основным на севере и северо-востоке Китая уже в эпоху бронзы. Одиночные захоронения с восточной (иногда север-

ной) ориентацией и черепами животных были характерны и для соседствовавшей с севера культуры плиточных могил (КПМ), в происхождении которой приняли участие и выходцы из Северо-Восточного Китая. Наиболее тесные связи между южной и северной частями общности фиксируются в конце VII-первой половине VI вв. до н.э. На это указывает особая близость погребального обряда и инвентаря в захоронениях под Пекином (могильник Юйхуанмяо) и в Забайкалье (дворцовый тип памятников). Примерно в конце этого периода из «восточной» общности и происходят миграции на запад, в результате которых в Тыве и Горном Алтае появились погребения коргантасского типа. Тогда же в степной и подтаёжной зонах от Верхней Оби до Северо-Восточного Китая распространяются характерные бабочковидные поясные бляшки. Масштабы этих миграций на запад, как будто, были незначительны. Причины их не ясны, но следует отметить, что к началу середины V в. до н.э. захоронения КПМ в Забайкалье и Монголии перестают сооружать (Цыбиктаров, 1998, с. 110-113). Предположительно, редкую встречаемость каких-либо захоронений V-III вв. до н.э. в ареале КПМ в Забайкалье и Монголии можно объяснить резким сокращением населения. Между тем, не исключено, что в тот период умершие погребались на поверхности почвы без устройства каменных сооружений, как это, вероятно, было в культуре херексуров, и достоверно зафиксировано на территории Монголии в этнографическое время. Большое количество заглубленных в грунт погребений появляется там только с возвышением хунну. В это время погребальный обряд и многие категории инвентаря вновь становятся очень близкими на всей территории от Северного Китая до Забайкалья. При этом обрядность хунну продолжает сохранять основные черты, характерные для Северного Китая ещё в XII-VII вв. до н.э.

В Синьцзяне такая форма погребального обряда (одиночные захоронения с черепами животных в головах) пока не зафиксирована и, по всей видимости, вообще не была распространена. Для сравнительно хорошо изученных там культур чауху и субэйси более характерны парные и коллективные (часто ярусные) погребения людей, а в Дунхэйгоу ярусным захоронениям людей добавлены и подхоронения лошадей (Шульга, 2010б). Таким образом, по имеющимся данным ранние погребения коргантасского типа на Алтае являются результатом миграций из «восточной» общности в первой половине VI в. до н.э. Осуществлялись они через Монголию и Тыву. Умершие в коргантасских погребениях IV в. до н.э. Центрального Казахстана могли быть потомками выходцев с Востока. Не исключено, что они также были мигрантами, но в этом случае исходным пунктом для них мог быть Северный Китай, поскольку в Забайкалье и Монголии в это время подобные погребения не зафиксированы. Теоретически путь их мог пролегать через Синьцзян (по Тянь-Шаню), однако никаких следов таких перемещений там пока не известно.

Литература:

Бейсенов А.З. Новый тип раннекочевнических погребений с черепами животных в Центральном Казахстане (к проблеме изучения памятников позднеасмолинского времени в Восточной Сарыарке) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. V, ч. 1. – С. 221-226.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 282 с.

Кушакова Н.А., Чугунов К.В. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 148-156.

Пересветов Г.Ю. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантасского типа» // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – С. 200-207.

Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Изд-во Наука СО, 1990. – С. 101-107.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. – С. 137-144.

Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С.А. Теплоухова // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 78-102.

Таиров А.Д. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – С. 182-199.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. – 288 с., ил.

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII-VI вв. до н. э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010а. – С. 135-140.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII-III вв. до н. э. (Погребальный инвентарь. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010б. – 204 с.

Курманкулов Ж., Торежанова Н.Ж.

Роль и место ювелирных украшений в исследовании чирикрабадской культуры

Дельтовая область Сырдарии начала заселяться еще в глубокой древности, как и дельта Амударии, с многочисленными мелкими и крупными руслами, протоками и старицами. Дельта была наиболее благоприятна для расселения человека. Вся история племен и народов, населявших Восточное Приаралье, тесным образом связана с историей функционирования сырдарийских дельтовых протоков.

Глобальный этап исследований наступил в 1946 г. и связан он с деятельностью комплексной Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С.П. Толстова.

Уже в результате первых разведочных работ в бассейне одного из крупнейших древних русел Сырдарии – Жанадарьи был выделен особый интересный комплекс археологических памятников, самым крупным из которых является городище Чирик-рабад, расположенный в 300 км к юго-западу от г. Кызылорды в пустыне Кызылкум, который вновь обследован в 1948 и 1949 гг.

С 1957-1958 гг. велись раскопки под руководством Ю.А. Рапопорта и С.А. Трудновской. В 2004-2006 гг. экспедицией Чирик-Рабад (рук. Ж.К. Курманкулов) были произведены раскопки и исследован объект № 1 комплекса Чирик-Рабад.

Материалы новых раскопок городища в нашей статье представлены ожерельем IV-II вв. до н.э., которое вместе с другими предметами было передано в фонды Центрального Государственного музея РК в 2008 г.

Набор бус чирикрабадской культуры отличается обилием и разнообразием: из сердолика, из перламутра раковины, бусы с металлической прокладкой, гагата, из горного хрусталя, коралла, бисера и т.д.

Наблюдения над технологией изготовления бус чирикрабадской культуры позволяют считать их продукцией организационно различных мастерских. Большинство бус, по наблюдениям авторов, были изготовлены из золы растений пустынной зоны, в традициях ближневосточной школы стеклоделия. Они изготовлены из тянутых трубочек и палочек, из расплавленного стекла – одноцветные и бусы с металлической прокладкой. Техника изготовления бус с эллиптического времени до средневековья фактически не менялась.

Сердолик – один из наиболее популярных камней в древности, чему способствовало его широкое распространение в природе. Он встречается в Индии,

Крыму, Бурятии, Хабаровском крае, Средней Азии. Горный хрусталь, добывался во многих местах: в Азии, на Кипре, в Альпийских горах. В античном мире агат был известен в Индии, Египте, на островах Эгейского моря. Колонии кораллов разных цветов встречаются в Средиземном, Красном и других морях. Место производства коралловых бус в древности точно неизвестно. Вероятно, большинство каменных бус (сердолик, агат, халцедон, горный хрусталь) из жетысарских памятников индийского происхождения.

Большинство чирикрабадских бус имеет аналогии также в памятниках эллинистического и римского времени Поволжья, Южного Приуралья, Зауралья, Северного Причерноморья.

Любые разнообразные украшения являлись обязательным дополнением одежды жетысарских женщин.

В то же время бусы – массовый материал, который с высокой степенью достоверности отражает направления культурных связей и торговые отношения. Однако коллекция чирикрабадских бус уникальна, поскольку объединяет бусы самого разного происхождения: балтийский янтарь и индийские камни, средиземноморские кораллы и кавказский гагат и др. Стекланные бусы происходят из мастерских всех известных школ стеклоделия. Такое разнообразие, видимо, нужно объяснять не только широким торговыми связями. Занимаясь постоянными торговыми контактами, носители жетысарской культуры могли играть и роль посредников, а также участвовать с другими племенами в далеких военных походах. Все это позволяло «жетысарцам» получать нужные им предметы материальной культуры «со всех сторон света». Исследование коллекции бус свидетельствует, с одной стороны, о неизменности моды на этот вид украшений, а с другой – о стабильности поступления бус на эту территорию из одних и тех же ремесленных центров на протяжении всего периода существования культуры.

Полидович Ю.Б.

Изображения таутеке на навершиях из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля»

В 1978 г. К.А. Акишевым и А.К. Акишевым были опубликованы бронзовые навершия со скульптурным изображением головы и шеи таутеке (горного козла) (рис. 1, 1), происходящие из случайно найденного комплекса («клада») на левом берегу р. Биже, вероятно, рядом с курганный группой у с. Алгабас в Восточном Жетысу/Семиречье (ныне Коксуский район Алматинской области РК) (Акишев, Акишев, 1978, с. 40, 41, рис. 3).

Фигурка тау теке (рис. 1, 1) цельнолитая и уплощенная. Голова животного опущена вниз. Морда достаточно массивная и остроконечная, губы и ноздря обозначены каплевидными ложбинками, показана небольшая бородка. Глаз выступает над мордой, округлый, с ямочкой в центре. От глаза отходит саблевидно изогнутый рог, образующий верхнее кольцо в общей композиции навершия. Несмотря на то, что изображение скульптурное, рог изображен всего один, что соответствует принципу профильности изображения, характерного для скифосакского «звериного стиля». Начиная от основания рога, показано 23 поперечных «годовых» валика (что соответствует 12 годам жизни животного при зафиксированных предельных 16), окончание рога гладкое. Вдоль нижнего края рога тянется узкая ложбинка, которая, S-видно изгибаясь, переходит в линию шеи. Ухо выгнуто вперед и соединяется с рогом. Шея изогнута, внутренний край подчеркнут двумя глубокими ложбинками. Шея животного соединяется с кольцом, выполнявшим, судя по сработанности, важное функциональное назначение. Кольцо, в свою очередь, соединяется с полый втулкой в виде высокого усеченного конуса.

К.А. Акишевым и А.К. Акишевым была дана достаточно исчерпывающая картина бытования подобных наверший на широкой территории Передней и Малой Азии, Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Казахстана, Саяно-Алтайского региона, Южной Сибири, Монголии и Ордоса (Акишев, Акишев, 1978, с. 54-55, рис. 7). Комплекс в целом, благодаря детальному анализу комплектов узды двух типов, был датирован в пределах второй половины VIII – начала VII вв. до н.э. (Акишев, Акишев, 1978, с. 54, 59). Столь низкая датировка комплекса, содержащего достаточно яркие изделия в «зверином стиле», позволяет рассматривать его в контексте если не происхождения данного искусства, то истории начальных этапов его существования, вне всякого сомнения. Однако, по сути дела, данная работа не имела широкого отклика в специальной литературе. Между тем, новые находки раннесакских комплексов, содержащих

изделия в «зверином стиле» на территории Казахстана и за его пределами, позволяют снова вернуться к намершиям из Биже.

Изображения таутеке на данных намершиях имеют одну яркую стилистическую деталь – обозначение губ и ноздри каплевидными ложбинками, которые в сочетании образуют своеобразный сердцевидный (копытовидный) знак. Подобная черта характерна для целой серии изображений, происходящих с территории Казахстана, Закавказья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья. На наш взгляд, она является важным культурно-хронологическим маркером определенной пласта изображений «звериного стиля» (Полидович, 2010).

Стилистически наиболее близкими являются изображения голов коней на бронзовых бляшках из кургана № 55 могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997, рис. 47, 13, 15) (рис. 1, 4). Кони воспроизведены парами в зеркально симметричной композиции с опущенной головой, изогнутой шеей и аналогичным образом обозначенными мордой, глазом, ухом и выделенным подбородком.

Большая серия различных животных, ноздря и пасть которых обозначены подобными каплевидными знаками, происходит из кургана № 1 (Байгетобе) могильника Шиликты 2 (Толеубаев, 2004; Самашев, Толеубаев, Жумабекова, 2004, с. 138-156; Toleubaev, 2006) (рис. 1, 5-8). Прежде всего, так воспроизведены таутеке в сложной симметричной композиции (рис. 1, 5) и в одиночном полнофигурном изображении (рис. 1, 7). У оленей ноздря может приобретать более округлый вид, а пасть, напротив, более удлинненно-овальный, хотя в целом их изображение также близко к описанному стилистическому приему (рис. 1, б). Единичным каплевидным знаком обозначены также глаз и ухо тау теке и оленей, копыта и «бабки» тау теке. Во всех случаях знак дополнен бирюзовой вставкой. Сочетание каплевидной ноздри и пасти присутствует и на изображениях хищников (рис. 1, 8), но в данном случае они не были дополнены вставкой. Кроме того, с изображениями из Биже байгетобинские изображения тау теке в симметричной композиции сближает воспроизведение на шее двух ложбинок.

С определенными оговорками к этой же группе изображений можно добавить и изображения голов хищников на бронзовых бляшках из кургана № 23 могильника Сакар-чага 6 (Яблонский, 1996, рис. 20, 4-8). Здесь в большой каплевидной пасти зверей обозначены зубы и язык, а ноздря приобретает удлинненно-изогнутый вид (рис. 1, 12).

В западных регионах скифского мира данный знак, составленный из каплевидных ноздри и пасти, воспроизведен на изображениях хищников и грифобаранов из разных комплексов в Лесостепном Поднепровье (Ильинская, 1968, табл. IV, 3-5, 7, 8; XIII, 17; XIV, 19; XX, 7, 15, 17, 19; XXXIV, 2, 4; XXV, 21; др.) (рис. 1, 14), Прикубанье (Галанина, 1997, табл. 21, 166, 167, 169, 170, 183, 184, 191; 22, 232; 24, 378) (рис. 1, 15), Северном Кавказе (Батчаев, 1985, табл. 51, 20; 53, 4-5; Петренко, Маслов, 1999, рис. 1, 2) и Закавказье (Есяян, Погребова, 1985, табл. XVIII, 2; Иванчик, 2001, рис. 27, 2-4).

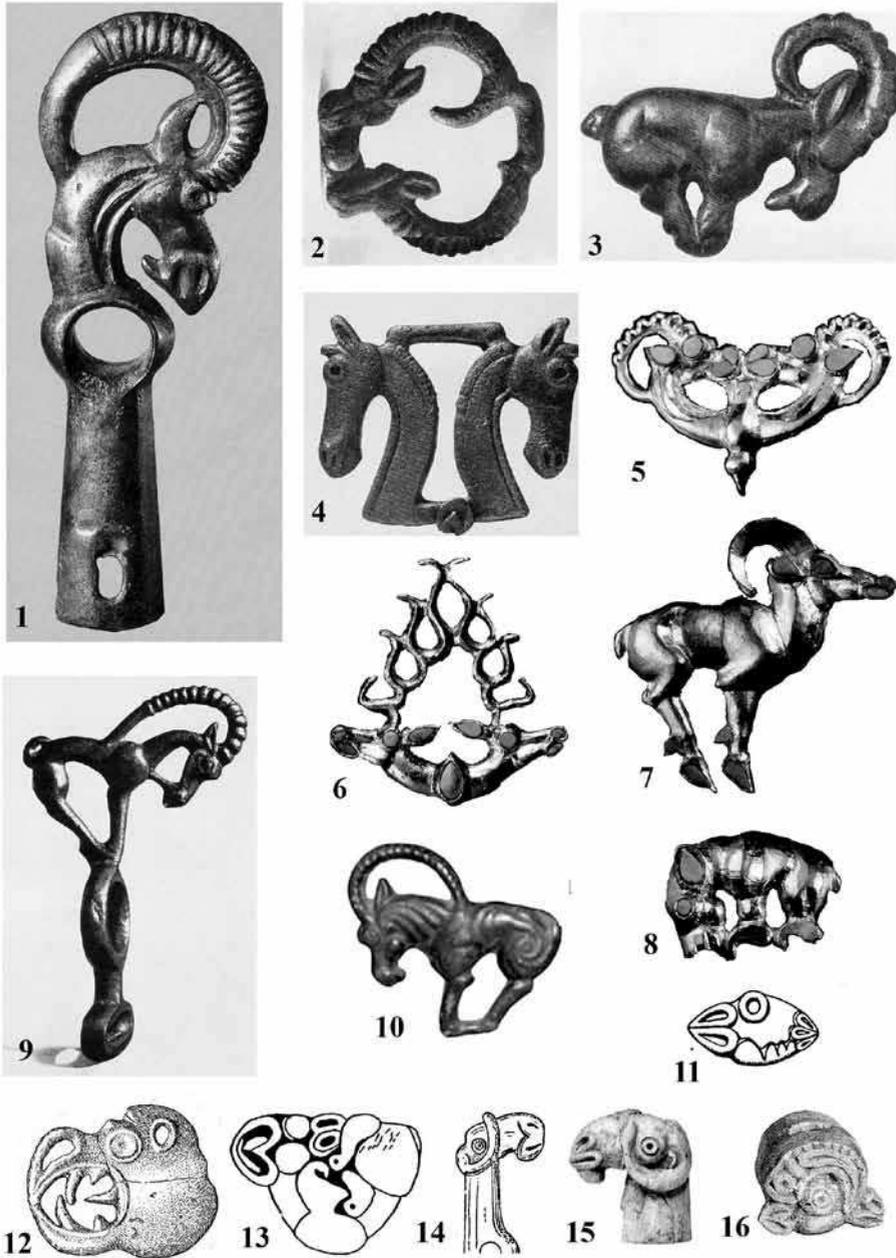

Рис. 1. 1 – Биже, Жетысу (по: Археология Казахстана, 2006); 2 – Уйгарак, курган № 66, Приаралье (по: Артамонов, 1973); 3 – Тамды (Памирская I), курган № 10, Памир (по: Артамонов, 1973); 4 – Южный Тагискен, курган № 55, Приаралье (по: Артамонов, 1973); 5-8 – Шиликты 2, курган № 1 (Байгетобе), Восточный Казахстан (по: Самашев, Толеубаев, Жумабекова, 2004); 9 – Тасмола V, курган № 2, Восточный Казахстан (по: Артамонов, 1973); 10 – Ерзовское I поселение, Среднее Прикамье (по: Васильев, 2002); 11 – Бобрица, курган № 40, Днепровская Лесостепь (по: Ковпаненко, 1981); 12 – Нартан, курган № 21, Северный Кавказ (по: Батчаев, 1985); 13 – сел.Рук, находка 1914 г., Кавказ (по: Техов, 1980); 14 – Аксютинцы, курган № 467, Днепровская Лесостепь (по: Ильинская, 1968); 15-16 – Келермесские курганы, Прикубанье (по: Галанина, 1968).

Кроме того, на западных изображениях подобным образом могло изображаться ухо. Ухо сердцевидной (копытовидной) формы имело различные модификации (от округлого к удлинённо-подтреугольному с обязательной небольшой выемкой в основании и разделением внутреннего поля на две выраженные доли) и было характерно для изображений хищников и фантастических существ из Прикубанья (Галанина, 1997, табл. табл. 16, 173; 21, 166, 167, 191, 183, 184; 22, 232, 239), Кавказа (Смирнов, 1964, рис. 81, 9; Техов, 1980, рис. 23, 2, 4, 5; Мошинский, 2006, рис. 8, 2), Волго-Камья (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 129, 1а) и Западной Сибири (Косарев, 1984, рис. 13, 8).

В ряде изображений из Днепровской Лесостепи и Кавказа этот знак использован одновременно в качестве обозначения и морды, и уха, что создало своеобразную симметричную композицию (Техов, 1980, с. 73, рис. 23, 1; Ковпаненко, 1981, рис. 11, 1; Батчаев, 1985, с. 42, табл. 51, 20; Галанина, 1997, табл. 21, 175-177, 183-184) (рис. 1, 11, 13, 16).

Все это позволяет, на наш взгляд, синхронизировать комплексы с обозначенными изображениями, происходящими из восточных и западных регионов евразийской степи и прилегающих регионов.

Казахстанские комплексы данного круга содержат достаточно выразительные предметы конской узды, наконечники стрел, орудия труда, украшения, которые позволяют хронологически сопоставить их с другими центрально-азиатскими комплексами, в которых также были найдены изображения «звериного стиля», выполненные в иной стилистической традиции и не имеющие обозначенного признака. Так к выделяемому культурно-хронологическому пласту, на наш взгляд, можно добавить изображения птиц из курганов №№ 27, 33, 39 и 83 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. IX, 5, 9; XIII, 2; XIX, 5, 6), кургана № 5 могильника Шиликты-1 (Черников, 1965, табл. XIV), изображения хищников из курганов №№ 27, 28, 33 и 34 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. IX, 6-8, 15, 16; X, 10-12; XI, 16, 17), кургана № 23 могильника Сакар-чага 6 (Яблонский, 1996, рис. 20, 1-3), кургана № 5 могильника Шиликты 1 (Черников, 1965, табл. XV; XVI, 1), кабанов и оленей из кургана № 5 могильника Шиликты-1 (Черников, 1965, табл. XI-XII; XVII-XVIII) и, возможно, кургана № 41 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XIV, 7).

По всей видимости, наиболее ранними среди обозначенной группы изображений можно считать изображения из кургана № 55 могильника Южный Тагискен (и, вероятно, одновременные им изображения из Биже). В составе данного комплекса присутствуют сбруйные предметы, украшенные композицией из круга с точкой в центре, вписанного в ромб с вогнутыми сторонами (Итина, Яблонский, 1997, рис. 47, 10, 14). Распространение подобных знаков в целом характерно для предскифского и раннескифского периодов (Вязьмитина, 1963, с. 166-167; Ильинская, 1964, с. 209-211; Тереножкин, 1976, с. 174-176; Эрлих, 1994, с. 80-82 и др.). Согласно детальной классификации подобных знаков, проведенных Т.В. Рябковой, знаки из кургана № 55 входят в одну из групп изобра-

жений ромбовидного знака (схема 3) (Рябкова, 2008; 2010), которая, по мнению автора, является исходной и находится «в начале эволюционного развития» схемы ромбовидных знаков, а предметы, декорированные подобными знаками, должны быть отнесены к VIII в. до н.э. (Рябкова, 2011, с.105-108).

На наш взгляд, более архаичными, чем изображения из Биже являются изображения тау теке из кургана № 10 могильника Тамды (Памирская I) (Бернштам, 1952, рис. 128, 5) (рис. 1, 3), где также встречен сбруйный распределитель с ромбовидным знаком упомянутой схемы (Рябкова, 2011, с. 105, 107), и из кургана № 66 могильника Уйгарак (Вишневецкая, 1973, табл. XVII, 19) (рис. 1, 2). Данные изображения близки между собой по деталям изображения головы – у них аналогичным образом воспроизведены глаз, ухо, близок абрис морды, кольцевидно загнутые рога с рельефными валиками и гладким окончанием.

Напротив, переход к более поздней изобразительной традиции представляют изображения из шиликтинского кургана Байгетобе. В частности, это маркируется тем, что в составе данного комплекса кроме многочисленных золотых бляшек с изображением различных животных, о стилистических особенностях которых выше уже шла речь, были найдены фрагменты дощечек с нанесенными краской изображениями, среди которых – изображение оленя, на плече и крупе которого воспроизведены клювовидные знаки (Археология Казахстана, 2006, фото на с. 154). Клювовидные знаки использованы и для обозначения кистей лап хищников из кургана Байгетобе (Самашев, Толеубаев, Жумабекова, 2004, фото на с. 152, 153), которые, в данном контексте, воспринимаются как редуцированные головки хищной птицы (Полидович, 2010). Широкое распространение подобных знаков (см., например: Членова, 1981, с. 13) относится уже к следующему этапу, наполнение которого тесно связано с изобразительными традициями и вещевым комплексом в целом тувинского кургана Аржан 2 (Сугунов, Parzinger, Nagler, 2006; Чугунов, 2011, с. 180).

В частности, к этому этапу, на наш взгляд, относятся изображения таутеке на уздечных бронзовых изделиях из кургана № 2 могильника Тасмола V (Кадырбаев, рис. 18) (рис. 1, 9). Это полнофигурное изображение животного со сведенными в копытах ногами и опущенной головой. Тело воспроизведено довольно грацильным, что отличает его от более массивных фигур таутеке из Тамды (Памирской I), Биже и Байгетобе. Изгиб рога приобретает удлиненную форму, его основание находится не над глазом, а на затылке; в иной манере воспроизведен округлый глаз, а на морде глубокой овальной выемкой обозначена только пасть. По деталям конской сбруи комплекс кургана № 2 (Кадырбаев, 1966, рис. 16) синхронен комплексу кургана № 19 могильника Тасмола I (Кадырбаев, 1966, рис. 5, 6-8), содержащего также сбруйные принадлежности, украшенные клювовидным знаком (Кадырбаев, 1966, рис. 5, 2-5; 9, 10, 16), конский наносник в виде головы лося (Кадырбаев, 1966, с. 314, рис. 7, 1) и зеркало с бортиком и петелькой на обороте (Кадырбаев, 1966, рис. 5, 10), характерные для выделяемого этапа, синхронного кургану Аржан 2.

Близким к тасмолинскому по стилистике воспроизведения является изображение таутеке на бронзовой бляшке, найденной в слое раннеананьинской шнуровой керамики на Ерзовском I поселении в Среднем Прикамье (Денисов, 1961, рис. 5, 13, 16) (рис. 1, 10). Данное изделие исследователи, как правило, относят к кругу алтайского «звериного стиля» (Членова, 1981, с. 15; Коренюк, 2000, с. 34), с чем трудно согласиться. Его хронологическая позиция, на наш взгляд, определяется наличием в декоре шеи и бедра специфических трехчастных элементов, в совокупности образующих клювовидную фигуру. Подобные знаки известны в декоре сбруйных предметов из кургана № 36 могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997, рис. 17, 1-5) и кургана № 45 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XIV, 9-11), каркасных планок колчана из могильника Янхай-I в Синцзяне (Шульга, 2010, рис. 38, 5; 80, 43), а также в декоре различных предметов из кургана Аржан 2: железных наконечников стрел, чекана, «женского» кинжала, котловидного предмета и др. (Чугунов, 2008, с. 100-101; Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2006, Taf. 22, 3-7; 23; 24, 5-12; 27; 61; 63; 91, 9), а также в изображении копытных животных на рукояти «мужского» кинжала из могилы 5 (Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2006, Taf. 9, 1a).

Таким образом, прослеживаются определенные хронологические этапы видоизменения образа таутеке в раннесакский период: Тамды (Памирская I)/10, Уйгарак/66 – Биже – Байгетобе – Тасмола V/2, Ерзовка. Датировка данных комплексов разными авторами определяется в пределах второй половины VIII – первой половины VI вв. до н.э.

На наш взгляд, с учетом развития традиций изобразительности, изложенной выше, возможно произвести корректировку хронологической позиции как отдельных комплексов, так и их групп. Согласно последним исследованиям, комплекс кургана № 10 могильника Тамды (Памирская I) датируется концом VIII – началом VII вв. до н.э. (Рябкова, 2010), а курган Аржан 2 – в пределах середины – второй половины VII в. до н.э. и даже более узко – середины VII в. до н.э. (Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 84-88, 89-90, 134-137; Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2006, s. 160-182). С учетом данных датировок прослеживаемая тенденция развития образа таутеке укладывается в период как минимум 50 лет, хотя, на наш взгляд, его динамика была достаточно высока и хронологическая разница между рассматриваемыми комплексами не столь значительна. Это подтверждается наличием в комплексах всего раннесакского периода сходных форм узды и сбруйной амуниции. Показательным также является комплекс сбруйных предметов из Камышинки (Восточный Казахстан), в котором наряду с предметами, украшенными архаичным ромбовидным знаком (Рябкова, 2011, с. 105, 107), были найдены предметы, имеющие клювовидную форму (Арсланова, 1974, рис. 11, 12, 16, 17).

Литература:

- Акишев К.А., Акишев А.К. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 38-63.
- Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII-VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 77-83.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. – М., 1973. – 280 с.
- Археология Казахстана. – Алматы, 2006. – 256 с.
- Багчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. – Нальчик, 1985. – Т. 2. – С. 7-134.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – М.-Л., 1952. – № 26. – 346 с.
- Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истoki и формирование): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2002. – 530 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. – М., 1973. – 160 с.
- Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. – 1963. – № 2. – С. 158-170.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы. “Царские” погребения раннескифской эпохи. – М., 1997. – 270 с., 44 табл.
- Галанина Л.К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. – СПб., 2006. – 80 с.
- Денисов В.П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1961. – Вып.1. – С. 66-75.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / под ред.: Зайцева Г.И., Боковенко Н.А., Алексеев А.Ю., Чугунов К.В., Скотт Е.М. – СПб., 2005. – 290 с.
- Есян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. – М., 1985. – 152 с.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологи восточноевропейских стезей и Кавказа пред- и раннескифского времени. – М., 2001. – 324 с.
- Ильинская В.А. Культурные железы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии. – МИА. – № 130. – М., 1965. – С. 206-211.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. – Киев, 1968. – 267 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М., 1997. – 187 с.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – С. 303-433.
- Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Роси. – Киев, 1981. – 160 с.
- Коренюк С.Н. О находках изделий сакского типа в Пермском Прикамье // Пермское Прикамье в истории Урала и России: матер. Всерос. научн.-практич. конф. – Березники, 2000. – С. 33-35.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М., 1984. – 245 с.
- Мошинский А.П. Древности Горной Дигории. VII – IV вв. до н.э. (Труды ГИМ. Вып.154). – М., 2006. – 208 с.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). – М., 1982. – 278 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е. Роговые блюда могильника Новозаведенное-II // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. – М., 1999. – С. 250-259.

Полидович Ю.Б. Предметы торевтики из кургана Байгетобе (Восточный Казахстан): на стыке восточных и западных традиций // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул, 2010. – С. 148-151.

Рябкова Т.В. К вопросу о ромбовидных знаках на предметах предскифского и раннескифского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: тез. докл. юбилейной конф. XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Владикавказ, 2008. – С. 324-327.

Рябкова Т.В. Классификация изображений с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: тез. докл. конф. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Магас, 2010. – с. 309-311.

Рябкова Т.В. Памирская I, курган 10 (к вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) // Древние культуры Евразии: матер. междунар. научн. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб., 2010. – С. 237-240.

Рябкова Т.В. Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников // Маргулановские чтения – 2011: матер. междунар. археол. конф. – Астана, 2011. – С. 105-110.

Самашев З., Толеубаев А., Жумабекова Г. Сокровища степных вождей. – Алматы, 2004. – 176 с.: ил.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. – 380 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976. – 224 с.

Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. – М., 1980. – 94 с.

Толеубаев А.Т. Характеристика золотых изделий из 2-Чиликтинского могильника // Историческая роль Александра Гумбольдта и его экспедиций в развитии мировой, региональной и национальной науки: матер. 2-ой междунар. конф. Humboldt-Kolleg, организованной Клубом Александра Гумбольдта в Казахстане (14-16 октября 2004, Алматы). – Алматы, 2004. – С. 161-164.

Черников С.С. Загадка Золотого кургана. – М., 1965. – 189 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – С. 4-42.

Чугунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. II. – С. 98-101.

Чугунов К.В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения – 2011: матер. междунар. археол. конф. – Астана, 2011. – С. 178-183.

Шульга П.И. Синьзян в VII-III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул, 2010. – 238 с.

Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. – М., 1994. – 179 с.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). – М., 1996. – 180 с.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Aržan. Ein Fürstgrab der Skythenzeit in der südsibirischen Steppe. – München: Schirmer/Mosel. 2006. – 144 S., 78 Farbtafeln.

Toleubaev A. Snow leopards, eagle-felines and golden deer treasures from the “Hill of horse races” // Of gold and grass: nomads of Kazakhstan. – Washington, 2006. – P. 51-55.

Лукпанова Я.А.

Образ свернувшегося хищника на бронзовых бляхах из курганного комплекса Кырык – Оба II

*М*отив свернувшегося хищника характерен для изобразительной традиции скифо-сибирского звериного стиля. Он появился в начале I тыс. до н.э. в восточных регионах евразийского степного пояса и был популярен во всем его пространстве (Раевский, 1985, с. 116) до IV в. до н.э.

Бронзовые бляхи из комплекса Кырык – Оба представлены двумя видами. Первый вид выявлен в кургане № 8 на подпругных ремнях конской седельной сбруи с изображением свернувшегося в кольцо волка (Курманкулов, Ишангали, Раймкулов, 2002, с. 88). Тело хищника выполнено пластично, спина выгнута полукольцом, передняя и задняя лапы соприкасаются на месте сгибов, занимая центр всего изображения, очень четко просматриваются когти хищника, слегка изогнутые и чуть удлиненные. Морда хищника с небольшой горбинкой хорошо проработана, треугольное ухо с валиком по краям, глаз миндалевидный, выделенный рельефом. Шея животного мощная, голова крупная. Хвост хищника передан в виде одной линии с завитком на конце. В пространстве между задними лапами хищника и брюхом вставлено изображение головы грифона с загнутым к низу клювом, что подчеркивает агрессивность образа грифона. В целом образ хищника передан естественно, можно подчеркнуть художественные и технические достоинства, отработанные стилистические приемы, четкость изображения, завершенность. Второй вид представляет собой бронзовую уздечную бляху из кургана № 18 в виде свернувшегося в кольцо хищника с волчьей мордой. На морде хищника четко обозначен круглый выпуклый глаз и удлиненный рельеф вокруг глаза, ухо хищника длинное, больше похожее на ромб. Пасть хищника выделена характерным валиком губ вокруг, раскрыта, в ней просматриваются верхние и нижние клыки. Лопатка и бедро зверя обозначены рельефом, конечности загнуты и лапы соприкасаются на местах сгибов, занимая также центральную часть изображения. Хвост хищника заканчивается головой птицы и завитком на конце. На уровне лопаток хищника с внешней стороны есть еще одно дополнительное изображение – головы грифона. Очень слабо просматривается клюв и глаз. Если сравнить два изображения на уздечных бляхах, то можно отнести их к одному художественному стилю. Мотив свернувшегося в кольцо хищника достаточно широко распространен в искусстве звериного стиля

скифской эпохи на всей территории ее бытования. Изображение подчинено условной композиционной схеме, задача которой – вписать тело животного в круг (Королькова, 2006, с. 73).

Относительно времени происхождения мотива свернувшегося в кольцо хищника скифской эпохи существуют несколько точек зрения. Одни ученые считают, что появление и развитие мотива в разных местах шло одновременно (Полидович, 1994, с. 63-78), а причину изменения структуры объясняют общими процессами изменения символики культуры; другие отмечают, что первоначально для раннескифского искусства был характерен образ хищника кошачьей породы, который в VI – V вв. до н.э. на основе зооморфного превращения и переработки образа был заменен образом животного местной фауны (Смирнов, 1964, с. 224., Ильинская, 1971, с. 83). Упомянутые авторы полагают, что истоки его коренятся в самом скифском искусстве. Так, на изображениях бляшек Кырк-Обы вместо кошачьего хищника с округлыми формами, кольчатыми лапами и хвостом, в эту схему вписано волкоподобное существо, имеющее ярко выраженную длинную голову и пасть, характерные для волков, и в то же время длинный «кошачий» хвост. Е.В. Переводчикова отмечает, что животные показаны в менее обобщенной манере, нежели ранние, такое сочетание признаков придает им сходство с изображениями синкретических существ, соединяющих в себе черты разных зверей. Но если в последних нет реального прототипа в природе, то рассматриваемым изображениям соответствует понятие «хищника вообще», которое в иной форме воплощалось в ранних произведениях звериного стиля (Переводчикова, 1986, с. 11).

Скифский мотив свернувшегося хищника способствует маркировке зооморфного кода «периферической зоны космоса, семантически тождественной нижнему миру» (Раевский, 1985, с. 118). Хищник при этом похож на «мирового змея», образ которого в системе звериного стиля был соотнесен с нижним хтоническим миром, семантически тождественным нижнему миру.

Таким образом, на территории Южного Приуралья под воздействием древней изобразительной традиции местных племен в VI – V вв. до н.э. происходил процесс переоформления раннескифского образа кошачьего хищника, в результате которого он преобразовался в синкретическое существо, вобравшее в себя образ волка и кошачьего хищника.

Литература:

Засецкая И.П. Два мотива в савроматском зверином стиле – свернувшийся по кругу хищник кошачьей породы и вписанная в круг фигура козла (I – начало II в. н. э.) // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2006. – С. 74–110.

Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. – 1971. – № 2. – С. 64–85.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 27с.

Курманкуло Ж.К., Ишангали С., Раймулов Б.Т. Исследования курганного отряда №2 УКАЭ в 2001г. на могильнике Кырык-оба 2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1. – С. 87-93.

Переводчикова Е.В. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле // Краткие сообщения. Ранний железный век. – М., 1986. – С. 8 – 14.

Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском зверином стиле. // РА. – 1994. – № 4. – С. 25 – 34.

Полидович Ю.Б. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника. // РА. – 2001. – № 3. – С. 25 – 34.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. – М.: Наука, 1985. – 249 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Отчет о раскопках могильника Кырык-Оба II. – Уральск, 2002.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). – М. Наука, 1964. – 377 с.

История изучения сакской культуры Казахстана

В настоящее время в сакской археологии сложилась парадоксальная ситуация: несмотря на значительные достижения по изучению раннекочевнического общества историками, лингвистами, представителями естественных наук, основные проблемы истории этого периода остаются либо нерешенными, либо остродискуссионными. Это касается происхождения саксов и их культуры, этнической принадлежности населения евразийских степей VIII-III вв. до н.э., вопросов размещения племен относительно современной географической карты, характера сакского общества и уровня его развития, символического значения искусства звериного стиля, причин смены культуры.

Доступной информации об историко-культурной ценности памятников скифо-сакской эпохи очень мало: археологические данные даже историками приводятся крайне редко. Исследователи-археологи изучают проблемы, публикуют материалы открытий, однако это находится в замкнутом пространстве исключительно научного интереса – для непрофессионала публикации, имеющие свою специфику, малопонятны. Это приводит, с одной стороны, к «конструированию героико-эпической панорамы» (Масанов и др., 2007, с. 42), далекой от реальности, с другой – к разрушению археологических памятников в результате антропогенного вмешательства. Губительное воздействие промышленного детерминизма, несанкционированные раскопки, грабительские вторжения приводят к невосполнимым потерям в историческом и общекультурном смыслах. В этом отношении своевременность программы «Культурное наследие» позволяет выявить и спасти от забвения памятники скифо-сакской эпохи Казахстана, включив их в научно-исследовательский процесс с последующей музеефикацией.

История изучения скифо-сакской эпохи Казахстана рассмотрена в качестве самостоятельного объекта исследования в академическом издании «История Казахстана с древнейших времен до наших дней», где была помещена статья К.М. Байпакова и Б.Е. Кумекова по историографии древнего и средневекового Казахстана (Байпаков, Кумеков, 1996) и в учебном пособии «Археология Казахстана» (Байпаков, Таймагамбетов, 2006).

В отличие от российских ученых (В.Ф. Генинг, А.А. Формозов, А.Д. Пряхин, Г.С. Лебедев, В.И. Матющенко, Л.С. Марсадалов, О.М. Мельникова, О.С. Свешникова и др.), которые углубили историографическое направление исследований, отечественные археологи не предпринимали комплексного научного осмысления и историографического обобщения накопленных знаний как, в целом, по древнему периоду истории, так и по скифо-сакской эпохе Казахстана.

Последовательное изменение места сакской археологии в системе самой науки и в культуре в целом позволяет выделить три этапа формирования научных представлений о скифо-сакской эпохе во второй половине XX – начале XXI вв., отражающих динамику изысканий: 50-е – середина 70-х гг. XX века; середина 70-х – начало 90-х гг. XX века; с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время.

В ходе первого этапа, когда сформировались национальные кадры профессиональных историков и археологов, сложилась организационная основа для изучения памятников скифо-сакской эпохи Казахстана. Задача регионального учета памятников древних кочевников была достигнута в результате деятельности новостроечных экспедиций, ставших средством получения полноценных археологических источников. Это привело к созданию не только солидной источниковой базы по археологии раннего железного века Казахстана, но и к появлению значимых публикаций. Наиболее ярким открытием этого периода стали находки в кургане Иссык, которые вызвали волну интереса к скифо-сакской культуре. Сакские курганы стали одной из важнейших категорий памятников казахстанской археологии.

Количественное накопление крупных комплексов археологического материала и его осмысление в работах исследователей позволяет констатировать переход к аналитике. Происходит движение от описательной истории и механического сбора источников к созданию аналитических моделей и проверке их объясняющей силы на доказательном уровне. Исследования по раннекочевнической тематике, по образному выражению В.М. Массона, из «археологии статей» превратились в «археологию книг» (Акишев, Кушаев, 1963; Вишневская, 1973; Литвинский, 1972 и др.).

Этот период характеризовался доминированием идеологического монизма, что нашло отражение в ряде важных дискуссий (вопросы периодизации, хронологии, особенности номадизма, генезис кочевничества, зарождение скифо-сакского звериного стиля и др.), содержание которых определялось марксистской концепцией исторического процесса и стремлением на ее основе интерпретировать эпоху. Однако, несмотря на узость методологических позиций, была выявлена суть проблем и их содержание, по которым обозначились различные точки зрения. На Всесоюзном совещании «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана», проведенном в 1975 г. в Ленинградском отделении ИА АН СССР, было отмечено, что в казахстанской археологии направление, изучающее раннекочевнические комплексы, сформировалось в специализированную отрасль исторических знаний (КСИА, 1978, с. 7). Так была заложена основа нового раздела археологического знания – сакская археология.

В ходе второго этапа особое внимание уделялось проблемно-целевым изысканиям. В частности, происходит становление палеоэкономического моделирования как направления исторических исследований в археологии, суть которого заключается в экстраполяции моделей, выявленных на этнографическом материале, на данные, полученные в результате археологических раскопок.

Накопленный позитивный опыт археологического изучения памятников скифо-сакской эпохи Казахстана позволил перейти к обобщениям на уровне выявления закономерностей исторического развития в регионах, что нашло отражение в 1 томе «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», где был выдвинут ряд культурно-хронологических концепций существования сакской культурно-исторической общности на территории Казахстана (М.К. Кадырбаев, К.А. Акишев, М.А. Итина, К.М. Байпаков) (История Казахской ССР..., 1977).

Качественно новому уровню осмысления археологического материала по скифо-сакской эпохе Казахстана способствовало создание лаборатории археологических технологий ИИАЭ АН КазССР, организатором и руководителем которой был М.К. Кадырбаев. Лаборатория стала центром теоретических историко-культурных реконструкций с применением естественно-научных методов, для чего были открыты отделы спектрального анализа, гончарных технологий, палеозоологических исследований. Этот научный подход нашел отражение в трудах Т.М. Тепловодской, Э.Ф. Кузнецовой (Кузнецова, Тепловодская, 1974; Кузнецова, 1993, с. 172-178).

Для научных исследований этого периода характерна попытка одновременного обращения к письменным, этнографическим и антропологическим источникам, что позволяло перепроверить и дополнить вещественные материалы. Несмотря на определенные достижения, стремление ученых к интерпретации артефактов и историческим отождествлениям в ряде случаев опередило стадию археологического обобщения с детальной проработкой, классификацией и публикацией реального фактического материала.

Неопределенность политической ситуации переходного периода, связанная с поиском национальных приоритетов, ориентиров во внутренней и внешней политике, отразилась и в археологии, в частности, в наименовании ряда локальных культур раннего железного века (например, соотношение терминов «берельская» и «пазырыкская» культуры). Со временем это стало сказываться на утере динамики исследований и стремлении уйти от острых вопросов и содержательных дискуссий по ключевым научным проблемам скифо-сакской эпохи.

В ходе третьего этапа в условиях суверенитета Республики Казахстан приоритетный характер исследований национальной проблематики в отечественной исторической науке привел к активизации интереса к истокам этногенеза казахов и особую научно-познавательную ценность обрели скифо-сакские древности.

В 1991 г. был создан Институт археологии им. А.Х. Маргулана, в котором активно работает отдел по изучению памятников раннего железного века и древнего искусства (З.С. Самашев, А. Онгар) и группа по изучению истории ранних кочевников (А.З. Бейсенов). Структура Института создает положительные возможности для дальнейшего развития этого направления. Создание единого,

централизованного государственного учреждения, несомненно, было прогрессивным шагом в развитии отечественной археологии. Контроль над раскопками, унификация документации, выделение государственных средств на археологические исследования в значительной мере способствовали координации и объединению сил казахстанской археологии, что позволило расширить источниковую базу для исследования основных проблем этого периода. В результате археологических раскопок получены сенсационные материалы по скифо-сакской эпохе Казахстана из курганов Казахского Алтая, Северного, Центрального и Западного Казахстана.

Интенсивный поиск новых методов исследования и интерпретационных схем исторического процесса привел к смене методологии научных подходов. Деятельность ИА позволила расширить исторический, предметный и пространственно-географический диапазон изучения общества ранних кочевников.

Многоплановые дискуссии по ключевым научным проблемам находят отражение в проведении научных конференций международного и республиканского уровней. Проявляется тенденция возрастания роли междисциплинарных исследований и интеграции научного познания.

В истории изучения скифо-сакской эпохи Казахстана во второй половине XX – начале XXI вв. историческому контексту в интерпретации археологического материала по основным аспектам социально-экономических отношений и вопросам этнокультурного характера уделяется мало внимания, что диктует необходимость совершенствования теоретико-методологических приемов научных исследований. Предстоит создание целостной истории саков, основанной на реальном археологическом материале, этнографии, сравнительно-исторических данных и других компонентах гуманитарного комплекса знаний и междисциплинарном подходе. Для реконструкции любого исторического процесса, в частности, скифо-сакской эпохи Казахстана, необходимо выявлять, изучать и использовать все виды исторических источников как свидетельства древности. Научные поиски специалистов во второй половине XX – начале XXI вв. позволяют соотнести многие существенные, но, к сожалению, и поныне разрозненные факты лексико-этимологического, археологического, эпиграфического и историко-культурного свойства.

Отмечая рост уровня изученности раннекочевнического периода в трудах исследователей, необходимо обозначить отсутствие комплексных обобщающих трудов по истории изучения скифо-сакской эпохи Казахстана во второй половине XX – начале XXI вв.

Определенное историографическое значение имеют публикации в СМИ, касающиеся вопросов открытия, сохранения и музеефикации объектов скифо-сакского периода, а так же содержащие информацию об антропогенном разрушении памятников. Для них характерна оперативность в отражении исторической действительности, позволяющая отследить динамику процесса открытия

и изучения памятников скифо-сакской культуры. Но не всегда такие статьи, отражающие погоню за сенсацией, знакомят читателей с объективными и научными фактами. Некоторые авторы, не обладая специальными знаниями, публикуют материалы без консультации со специалистами, что приводит к тенденциозному изложению фактов и досадным ошибкам. Этого нельзя допускать, поскольку посредством таких статей происходит негативное влияние на формирование исторического сознания общества и содействие распространению исторических мифов, что, в свою очередь, определенным образом воздействует на формирование государственной политики в отношении исторической науки, свидетельствуя о существовании взаимной связи: наука – СМИ – общество (государство) – наука.

В период становления независимости Казахстана популярным стало обращение к мифологизированному прошлому, в котором пытаются найти ответы на вопросы настоящего. Обращение к архаике, по мнению философов и психологов, способствует размыванию или сужению сферы рационального, усиливает воздействие иррациональности и чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности. «История в своей мифологической интерпретации перестает выполнять позитивную функцию по трансляции такого мыслительного материала, без которого трудно понимание настоящего и невозможно прогнозирование будущего» (Масанов и др., 2007, с. 41). Интерес к древностям как часть исторического сознания должен обрести научную форму.

Литература:

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – 321 с.
- Байпаков К.М., Кумеков Б.Е. Историография древнего и средневекового Казахстана // История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Алматы, 1996. – Т. 1. – С. 16-30.
- Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана: учебное пособие для студентов вузов. – Алматы, 2006. – 356 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. – М., 1973. – 159 с.
- История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Алма-Ата, 1977. – Т. 1. – 478 с.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. – Алматы, 1994. – 207 с.
- Кузнецова Э.Ф. Спектроаналитическое изучение металлического инвентаря из тасмолинских памятников Центрального Казахстана // Проблемы реконструкции хозяйства и технологии по данным антропологии. – Петропавловск, 1993 – С. 172-178.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972. – 270 с.
- Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы, 2007. – 392 с.
- Ранние кочевники // КСИА. – М., 1978. – Вып. 154. – 112 с.

Бедельбаева М.В.

Проблемы терминологии сакской археологии

Одной из острых проблем исторической науки является проблема терминологии и унификации научного языка. В археологии раннего железного века часто происходит простое терминологическое удвоение, что вряд ли можно считать оправданным. Например, вместо термина «ранний железный век» часто применяется словосочетание «эпоха раннего железа»; или «степная цивилизация» и «кочевая цивилизация». В этой связи стоит остановиться на правомерности применения понятия «эпоха ранних кочевников», широко применяемом в исторической литературе. Стремление М.П. Грязнова «... проследить последовательные изменения в хозяйственной и социальной жизни племен» и определить стадии развития кочевых обществ привело к формированию концепции «эпохи ранних кочевников» (Грязнов, 1939, с. 400). Опираясь на археологические данные по Казахстану, Западной Сибири и сопредельным территориям, ученый ввел в научный терминологический аппарат данное понятие. Эпоха ранних кочевников хронологически включена в ранний железный век, охватывая восемь столетий с момента становления кочевого хозяйства до раннего средневековья (VIII-III вв. до н.э.). Теоретическая аргументация концепции была представлена в докладе на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК (Грязнов, 1947, с. 9-17). Впоследствии М.П. Грязнов обосновал нижнюю хронологическую границу эпохи ранних кочевников IX-VII вв. до н.э., что значительно расширило этот период (Грязнов, 1983, с. 9). Таким образом, четко очерченных хронологических и территориальных границ данная дефиниция не имела. Введение нового понятия встретило как поддержку, так и критику со стороны коллег.

Элементы догматизма и влияние теории стадиальности усматривал в этом С.И. Руденко – историк, антрополог и этнограф, автор первой в советской литературе классификации форм кочевого и полукочевого хозяйства – и выразил категорическое несогласие с концепцией «ранних кочевников» и критериями для выделения трех этапов их развития (Руденко, 1960, с. 162-164). Характеризуя скифскую культуру племен Горного Алтая, он использует термин «древние кочевники» (Руденко, 1953, с. 257).

Применение обозначения «ранние кочевники» С.С. Черников считал вполне целесообразным и выражающим суть кардинальных процессов, которые происходили на территории евразийских степей в I тыс. до н.э. Однако, он считал неоправданным всеобщее использование этого понятия, как в территориальном (для оседлого населения ряда этнокультурных зон), так и в хронологически ши-

роком смысле. Для следующего этапа был предложен термин «эпоха поздних кочевников» (Черников, 1960, с. 17-21).

Видоизменением терминологии М.П. Грязнова стал термин «древние кочевники», прочно вошедший в лексикон исследователей и получивший широкое распространение как в этнографической, так и в археологической литературе с обоснованным уточнением: различать в этой эпохе два исторических периода – скифо-сакское и гунно-сарматское время с хронологической границей рубежа III-II вв. до н.э. (Марков, 1967).

За использование термина «эпоха древних кочевников» для хронологического отрезка, включающего I тыс. до н.э., высказывался А.М. Хазанов. За основу он предложил взять общую периодизацию всемирной истории и обосновал выделение эпох кочевников древних, средневековых и нового времени в соответствии с хронологией (Хазанов, 1975, с. 272). В качестве системообразующего критерия А.М. Хазанов принимает всегда существующую тесную и детерминированную связь между кочевыми и оседло-земледельческими обществами. Он полагает, что природа источников в археологии приводит к пониманию кочевого скотоводства в целом как всеобъемлющей, но недостаточно точно определенной категории, что не способствует лучшему пониманию доисторических форм (Хазанов, 2000, с. 13). При этом А.М. Хазанов считает, что нет существенных различий ни в хозяйстве, ни в общественной структуре поздних и ранних кочевников, опираясь на свои выводы о скифах.

Свое отношение к термину обосновал А.Д. Грач. Он в своих исследованиях использует как понятие «ранние кочевники», подразумевая под ним «население, оставившее памятники скифского времени, найденные в Южной Сибири и Казахстане», так и понятие «древние кочевники», оговаривая, что оба эти словосочетания условны и не отражают хронологической и этнокультурной специфики. В рассматриваемый период на территории ряда этнокультурных зон образ жизни был оседлым и поэтому, полагает исследователь, применительно к большей части Казахстана, эпоха ранних кочевников именуется сакским временем (Грач, 1980, с. 5).

При рассмотрении этнокультурной истории древних и средневековых народов Западной и Южной Сибири Д.Г. Савинов определил возможности использования вышеперечисленных понятий. Он считал, что эти определения базируются на разных основаниях, но в целом не противоречат друг другу, освещая разные стороны развития обществ и культуры определенного исторического периода (Савинов, 1975, с. 49-52).

Поскольку эпоха сложения скифо-сакской этнокультурной традиции была периодом начального формирования номадизма в социокультурном, хозяйственно-экономическом, идеологическом и этноэкологическом параметрах, применение понятия «ранние кочевники» Н. Алимбай считает обоснованным (Алимбай, 1998, с. 29). В научной литературе этот термин используется не толь-

ко для обозначения населения раннего железного века определенного региона, но и переходного к зрелому номадизму состоянию скифо-сакского социума (Алимбай, 1998, с. 30). Рассматривая эволюцию общества «ранних кочевников» в следующую стадию, Н. Алимбай отмечает довольно длительную «циклическую» фазу структурно-функционального состояния, которая несправедливо характеризовалась как стагнационная. По сути, полагает Н. Алимбай, «движение по кругу» характеризовало социокультурно, экологически, хозяйственно-экономически и даже внешнеполитически обусловленную стратегию адаптации «ранних кочевников» к меняющимся условиям своей жизнедеятельности. Растянувшийся на тысячелетия процесс сложения зрелой стадии номадизма оказался необратимым.

Согласно точке зрения М.Ф. Косарева, ранние кочевники заслуживают положительной оценки в рамках всемирной истории вследствие освоения ими и введения в хозяйственный оборот ранее незаселенных степных междуречий, здоровых отношений с земледельческим миром, мощных культурных импульсов, влияющих на окружающие племена. Поздние кочевники стали играть отрицательную роль в следующий исторический период, как дикие и жестокие разрушители достижений городских цивилизаций (Косарев, 1986, с. 3-17). Соответственно, в его подходе усматривается поддержка разделения кочевников на ранних и поздних.

В.С. Ольховский применяет термин «раннекочевнический культурный комплекс» в качестве обозначения совокупности категорий предметов, характерных для кочевников скифской эпохи, предлагаемый им взамен «скифской триады», подтверждая правомочность использования искомого термина (Ольховский, 1997, с. 88).

Критикуя «пятичленную» схему формаций, согласно которой и было произведено деление номадизма на древние дофеодальные и средневековые феодальные общества, Н.Н. Крадин считает градацию на «ранних» и «поздних» кочевников, возникшую из-за завышения уровня развития «базиса» номадизма, ошибочной (Крадин, 2007, с. 17). Кроме того, ученый отрицает преемственность между древними и более поздними номадами Центральной и Внутренней Азии, хотя полагает вероятной возможность культурной диффузии (Крадин, 2007, с. 80-81).

Трудно отрицать, что и древние, и средневековые, и более поздние кочевники имели схожий состав стада, жестко детерминированный экологическими условиями обитания, портативную утварь, идентичную технологию ведения хозяйства, т.е. экономический базис, который оставался практически неизменным на протяжении многих столетий. В консервативной кочевой среде, будь то «ранние» или «поздние» кочевники, не происходит никаких коренных изменений.

Вокруг внутренней сути понятия «ранние кочевники» продолжается полемика. Академик НАН РК К.М. Байпаков не отождествляет термины «эпоха

ранних кочевников» и «ранний железный век», утверждая на основании многолетних работ по изучению поселений саков и усуней в Южном Казахстане, что массового перехода к кочевничеству в период поздней бронзы и раннего железа не было (Байпаков, 2007, с. 62-66). С этим утверждением можно поспорить, поскольку изначально исследователями утверждалось, что в рамках эпохи ранних кочевников существует как минимум три типа хозяйства, в основании которых лежало кочевое, полукочевое и полуседлое скотоводство, предусматривающее распространение земледелия в рамках специализированного домашнего хозяйства в пригодных для этого природно-экологических зонах. Кроме того, основной критерий выделения раннего железного века – использование металла (освоение железа) и преимущества его производства – остается в наличии и признается всеми исследователями. Поэтому отказ от устоявшегося соотношения «ранний железный век» и «ранние кочевники» вряд ли целесообразен.

В научных статьях и исследованиях современных казахстанских археологов (З.С. Самашев, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, А. Онгар и др.) в настоящее время используется иной термин – «древние скотоводы», отражающий попытку компромисса в использовании новых методологических позиций и «устоявшейся» терминологии (Самашев, Мыльников, 2004, с. 5; Самашев, Жумабекова и др., 1999, с. 159-164; Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001; Онгар, 2010 и др.).

Таким образом, в историографии отмечается отсутствие однозначного подхода к понятию «ранние кочевники», в который исследователи вкладывают скорее этнографическое, нежели историческое содержание. На наш взгляд, производные от него термины «древние кочевники», «древние скотоводы» вряд ли обладают большими стилистическими преимуществами и понятийной содержательностью. По всей видимости, несмотря на критические упреки в наследовании догматов формационного подхода, термин М.П. Грязнова имеет право на существование и, несмотря на смену исторической парадигмы, продолжает использоваться современными исследователями. Хотя условность его применения часто отражается даже в грамматическом написании его в кавычках. Методологический плюрализм, характеризующий инновационные подходы в исторической науке, не исключает возврата к концепции исследователя, содержащей рациональные зерна, и осуществление ее наполнения новым содержанием.

Несомненно, научная терминология представляет собой аналитический инструмент эмпирических и теоретических исследований и в определенной мере отражает избранные методологические принципы. Ценность дефиниций, принятых одними учеными и критикуемых другими, определяется не столько их точностью, сколько адекватным соответствием специфическим целям исследования и требует весьма жесткой проверки на реальное отражение действительности. С учетом вышеуказанных эмпирических данных, подтвержденных современными археологическими исследованиями, и теоретических обобщений, предпринятых учеными, мы полагаем термины «кочевая цивилизация» и «ран-

ние кочевники» правомерными для применения в современной историографической традиции.

Литература:

Алимбай Н. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // В кн.: Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки истории и теории. – Алматы, 1998. – С. 10-62.

Байпаков К.М. Оседлость, земледелие и городская жизнь у саков и усуней Жетысу (VII-IV вв. до н.э.) // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: матер. междунар. научн. конф. – Алматы, 2007. – С. 62-66.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 256 с.

Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. – М. – Л., 1939. – Т. 2 – С. 399-411.

Грязнов М.П. Памятники майемирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – М.-Л., 1947. – Вып. 18. – С. 9-17.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – С. 3-18.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы, 2007. – 416 с.

Косарев М.Ф. Экологические аспекты археологического исследования (по западно-сибирским материалам) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 3-17.

Марков Г.Е. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпоху возникновения, расцвета и заката кочевничества): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1967. – 45 с.

Онгар А. Погребальный обряд населения Казахского Алтая и Жетысу в раннем железном веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2010. – 25 с.

Ольховский В.С. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы: МИАР. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 85-96.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. – 402 с.

Савинов Д.Г. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Л., 1975. – С. 49-52.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы, 2004. – 312 с.

Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: матер. междунар. научн. конф. – Барнаул, 1999. – С. 159-164.

Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы, 2001. – 108 с.

Хазанов А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. – М., 1975. – 342 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2000. – 604 с.

Черников С.С. О термине «ранние кочевники» // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 17-21.

К изучению раннего железного века Восточного Казахстана

Ранний железный век Восточного Казахстана исследован достаточно хорошо, но следует отметить, он представлен в основном по памятникам северо-западного Алтая и по некоторым районам вышеназванного историко-культурного региона. Благодаря исследованиям археологов, здесь открыто и исследовано около 20 памятников (Зевакино, Курту-2, Герасимовка, Тарасу, Кондратьевка и др.), давших основной материал для реконструкции исторического прошлого в ранний период железного века. Вышеперечисленные археологические объекты отнесены к майемерской культуре и датируются концом IX века – началом VI века до н.э. В ходе многолетних археологических изысканий выявлены археологическая топография, основная характеристика и культурная принадлежность памятников, которые ставят задачи перед исследователями всесторонней разработки исторической панорамы, а также поиска интерпретации отдельных комплексов, объединенных в территориально-культурные общности микрорегионов (Омаров, 2010).

Следует отметить, что майемерская культура отличается от культуры бийкенской Горного Алтая и от шиликтинских памятников Восточного Казахстана особенностями погребального обряда. Обычно представители майемерской культуры хоронили своих сородичей в узких маленьких ямах, в некоторых случаях в подбоях, и чаще в уступчатых ямах или в каменных ящиках. Погребенные укладывались вытянуто на спине, головой на север. Кости лошадей и овец положены вместе с погребенным, либо, в северном направлении только голова, а туловище по направлению – восток-запад. Обычно лошади без узды, и конские принадлежности положены рядом с черепом. Ученые различают две группы захоронений: на боку и в вытянутом положении. По таким и другим критериям выделяя археологические культуры, специалисты имеют определенное представление об особенностях этнокультурных групп.

В археологии появление той или иной культуры всегда связано с глубокими историческими процессами древности. Например, некоторые исследователи, сопоставляя исторические источники и изучая труды специалистов, связывают появление памятников сако-скифского типа Курту на Алтае с исчезновением государства Западного Чжоу под натиском кочевников Центральной Азии и упадком культуры керексур в Монголии (Савинов, 1991). Связывают также конец

маймерской культуры и начало пазырыкской культуры с уничтожением мидийцев Ассирии примерно в 585 г. до н.э. и с усилением персидской Ахеменидской державы (Марсадолов, 1985). Вероятно, в этих походах и в исторических процессах принимали участие и племена Прииртышья, которые были тесно связаны в социально-культурном, политическом и экономическом отношениях с южными регионами Центральной Азии.

В пределах современного Восточного Казахстана своеобразным районом является хребет Тарбагатай, который граничит с горной системой Алтая и Чингизтау. На земле Тарбагатай испокон веков обитали люди, которые создали своеобразные «культуры» в древности, известны уникальные комплексы эпохи бронзы, раннего железного века и периода средневековья, которые показывают неразрывную историческую связь времен и народов. Многие стороны древней культуры Тарбагатай остаются малоизученными.

Также особо выделяется долина Шиликты. Памятники археологии Шиликты удивляют нас конструктивными особенностями, техникой возведения архитектуры и высоким мастерством выполнения предметов искусства. Широкие могильные поля царских погребений – показатель расцвета культуры саков. На основе открытий последних лет все больше утверждается мнение об истоках государственности в период сакского владычества (Толеубаев, 2004).

Шиликтинские раннесакские археологические памятники выделяются сложной архитектурой курганов, изящностью ювелирных украшений и в воссоздании историко-культурной картины прошлого занимают важное место.

На территории между Тарбагатайским хребтом и до Нарынского озера Алтая систематично расположенные погребальные сооружения, сопроводительные предметы, керамическая посуда и т.п. указывают на отдельную археологическую культуру в период VIII – IV вв. до н.э.

Аналог Шиликтинского кургана – исследованный в могильнике Солдатово курган № 2 (Черников, 1971). Памятник состоящий из 54 насыпей V-IV вв. до н.э. в могильнике Усть-Буконь (захоронения без лошадей, но с деревянными конструкциями) также схож с Шиликтинскими сооружениями (Черников, 1951).

Высказывались мнения о том, что усть-букенцы были подданными шиликтинцев и хоронили своих царей там (Черников, 1951, с. 8).

Могильники сакского времени возводились элите общества: «царям», полководцам, жреческой касте – мог. Шиликты, а также металлургам и ювелирам – могильник Шаганоба (Омаров, 2009.), иным представителям элиты – Усть-Букен, Солдатово и т.д. Подвластным шиликтинцам им рядовым населением являлись маймерцы и, позднее, кулажоргинцы. Племенные вожди сакской элиты изначально были погребались в западной части Тарбагатай в Шиликты, в долинах Акусата, позднее на юге Илейской долины и в Центральном Казахстане. В сак-

ских курганах захоронений лошадей не было, керамика малочисленна, одежды покрыты золотом, в сопроводительном инвентаре золотых вещей встречается много и курганы им возводились высокие.

Центром данного древнего объединения саков Восточного Казахстана в VIII-VII вв. до н.э. являлась Шиликтинская долина, позже, в VI-V вв. до н.э. он был перенесен в Жетысу.

Нашу мысль подтверждают многочисленные материалы сакского времени, схожесть расположенных в двух регионах погребально-обрядовых памятников, ювелирных изделий скифо-сакского звериного стиля.

Литература:

Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII – IV вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.

Омаров Ф.К. Шілікті және Шағаноба қорғандарының зерттелуінен (С.С.Черниковтың жарияланбаған 1959 жылғы архив материалдары негізінде) // «Қазақстандағы этностардың дәстүрлі мәдениетіне қатысты музей жинақтары: зерттеу мәселелері мен сақтау перспективалары» атты республикалық ғылыми-практикалық семинардың материалдары (28-29 қараша 2008 жыл). – Алматы: Қазақ университеті, 2009. – Б. 82-84.

Омаров Ф.К. Алтай-Тарбағатай аралығындағы ерте темір дәуірінің археологиялық ескерткіштері (кезеңделуі, мерзімделуі және мәдени атрибуциясы): автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2010. – 30 б.

Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1991. – С. 93-96.

Төлеубаев Ә.Т. Шілікті жазығы – сактардың алғашқы мемлекетінің орталығы // Қазақ тарихы. – 2004. – б. 326-334.

Черников С.С. Работы Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИ-ИМК. – 1951. – Вып. 37. – С. 4-21.

Черников С.С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1971 г. // Рукописный архив ИА КН МОН РК.

Онгар А.

К изучению этапов сооружения больших курганов раннесакской эпохи Казахстана

В последние десятилетия в результате работ разных археологических экспедиций, наметился рост в накоплении принципиально новых материалов по раннему железному веку Казахстана. В связи с исследованием ранее неизвестных памятников возникает необходимость в пересмотре сложившихся взглядов относительно взаимодействия культур и архитектуры погребальных комплексов «элиты» древнего населения Казахстана. В этом плане наиболее информативным источникам являются большие курганы.

С позднего этапа бронзового века (9 в. до н.э.) на территории Казахстана появляются большие курганы, расположенные в начале цепочки или в центре могильника. Возникновение цепочек курганов и курганов-доминантов, вероятно, связывается со все более проявляющейся имущественной дифференциацией общества.

В настоящей работе мы попытаемся проанализировать организацию пространства, последовательность этапов возведения наземного сооружения и проведения ритуальных действий возле курганов «элиты» саков Жетысу, Казахского Алтая и Сарыарки в 8-6 вв. до н.э.

С раннесакского периода выбору места захоронения персон правящих династий отводилась особая роль. Место погребения каждого человека в системе могильника определялось его социальным положением, семейно-родственным отношением и т.д.

В вышеназванный отрезок времени курганы были расположены небольшими цепочками. Известны два способа организации сакрального пространства: прямолинейная (цепочка с севера на юг) и круговая (курганы расположены вокруг кургана-доминанта). При прямолинейной планировке курганы, возможно, начинали сооружаться с севера.

Все крупные могильники сакского времени, включающие в свой состав несколько десятков курганов существовали до раннего средневековья и видимо, располагались возле поселений и зимовок того периода.

В контексте выявления закономерностей в расположении курганов и образования курганных цепочек, а также культурно-семантического освоения пространства и его сакрализации, интересны наблюдения над планировкой жилищ у скотоводческих народов. Вероятно, принцип организации пространства, характерный для жилых построек на поселениях, стойбищах, в том числе и мобильных, переносился на некрополи.

При возведении наземных сооружений использовали местный строительный материал – камень, глину, куски дерна, бревна.

Наземные сооружения элитных комплексов возводились в несколько этапов. Это прослеживается по стратиграфии насыпи курганов. На каждом строительном этапе погребального сооружения древние совершали какие-то ритуальные обряды, связанные с культом Огня и Солнца, а также с поклонением духам предков.

Погребали человека на уровне древней поверхности или в каменных ящиках, сложенных в ямах небольшой глубины.

Центральное сооружение, возводимое на месте погребения человека, строили из камня (Желдиозек), бревен (Бесшатыр) и бревен с подпорными каменными стенами (Шиликты, Майемер). Внутреннее пространство этого сооружения оставалось открытым. Через коридор-дромос, видимо, входили жрецы для совершения ритуалов или при совершении обрядовых действий, приносили «пищу» для покойника и т.п.

Центральное сооружение ранних саков было пирамидальной (Шиликты, Майемер, Бесшатыр) или круглой (куполовидной или юртообразной) формы (Нуркен-2). Края наземной конструкции обычно опоясаны кольцом-оградой. Вероятно, таким образом, маркировалась граница, отделяющая мир мертвых от мира живых.

Актуальной темой на сегодняшний день в контексте детального изучения погребальных конструкций является исследование подземных ходов в погребальную камеру. На всех изученных курганах 8-6 вв. до н.э. с восточной стороны зафиксированы коридор-дромос надземного (Бесшатыр) и подземного типа (Шиликты, Талды-2, Нуркен-2). Дромосы подземного типа небольшой глубины, сверху были перекрыты продольными бревнами или плитами. Длина коридора составляет от 5 до 14 м, а ширина 1-2,4 м. После совершения каждого этапа ритуальных действий, по нашему мнению, коридор-дромос замуровывался. Такие временно закрытые входы коридорного типа были зафиксированы нами при раскопках святилищ древних кочевников 6-5 вв. до н.э. на Устюрте.

Элитарные комплексы древнего населения раннего железного века Казахстана все еще остаются недостаточно изученными. В этом отношении «белое пятно» в науке представляют некоторые регионы нашей страны, например, Южный и Северо-Западный Казахстан. Существует необходимость составления подробной карты месторасположения «царских» некрополей и пересмотра научных выводов об уже изученных больших курганах скифо-сакской элиты Казахстана в контексте проблем археологии раннего железного века Центральной Азии и в целом евразийских степей.

Сеитов А.М.

Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы

Торгайские степи скифо-сакской эпохи в отечественной археологической науке представляет собой неизученную лакуну. В настоящее время назрела необходимость ввода в научный оборот данных, датированных I тыс. до н.э., полученных за всю историю изучения региона. Большая часть имеющихся материалов скифо-сакского времени несмотря на то, что происходит из случайных находок, безусловно, ценна и востребована в научном мире.

Полученная к настоящему времени коллекция насчитывает 86 предметов: из них 85 – случайные находки и 1 артефакт – наконечник стрелы был найден при сборе с поверхности памятника до начала раскопок¹. Материалы по скифо-сакскому времени сосредоточены в фондах Аркалыкского областного музея степного края (80 экз.), Костанайского областного историко-краеведческого музея (3 экз.) и лаборатории археологических исследований (КГУ) (3 экз.).²

Рассмотрим имеющуюся коллекцию.

Артефакты, хранящиеся в **Аркалыкском областном музее степного края.**

Клад Каинды был найден в пос. *Каинды* (Аркалыкский р-н), на берегу оз. Айдарбулак местными жителями при рытье фундамента под мастерские. На момент передачиклада в музей В.Н. Логвиным, насчитывалось 78 металлических изделий, представляющих собой элементы конского снаряжения. В настоящее время из всей коллекции сохранилось 74 предмета (КП 1144). Благодаря сохранившимся прорисовкам находок изклада, выполненным В.Н. Логвиным, стал возможен анализ материала в первоначальном составе коллекции.

Характеристикаклада:

1. *Удила* (3 экз.) двухсоставные: 2 экз. удила с прямоугольным стремечком и упором, 1 экз. – удила со стремечковидными окончаниями.

2. *Псалии* (8 экз.). 2 экз. длиной 16,3 см, в форме дуги, другие 6 экз. длиной 16,6 см в форме прямого стержня с изогнутым окончанием. Концы псалиев заужены и имеют в центре рамчатый выступ-петлю вместо центрального от-

¹ Раскопки могильника эпохи бронзы Кульчукай 2 (Мендыгаринский р-н, Костанайская обл.) осуществлялись Торгайской археологической экспедицией под руководством А.В. Логвина.

² Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность и признательность Р.М. Касеновой и А.В. Колбиной за помощь в работе с фондами Аркалыкского областного музея степного края и Костанайского областного историко-краеведческого музея, а также В.Н. Логвину за предоставление прорисовок, А.В. Логвину и И.В. Шевниной за использование неопубликованных материалов и фотографий.

верстия. На концах псалиев по одному отверстию, выполненных в плоскости перпендикулярной центральному. Вокруг отверстий псалий расширяется.

3. Зооморфное *навершие* (1 экз.). В наличии только прорисовка. Навершие, длиной 13,25 см, с полкой восьмигранной, на внешней стороне, втулкой, диаметром $3,25 \times 2,75$ см, с отверстием в нижней части для шплинтов. Верхняя часть навершия выполнена в виде скульптурного изображения тау теке с изогнутой шеей. Морда длинная, опущена вниз, борода в виде длинной дуги соединяется с шеей образуя округлое неправильной формы кольцо. Рога изображены круто загнутыми к шее и выполнены в виде кольца. На поверхности рога двадцатью валиками обозначены годовые кольца. Глаза посажены высоко в виде округлой выемки и больших век, ноздри отмечены клиновидной выемкой, ухо в форме вытянутого изогнутого треугольника чуть повернуто вперед, с рогом не соединяется.

4. Округлые полусферические выпукло-вогнутые *бляхи* (бляхи-застежки, 2 экз.). Одна диаметром 3,5 см, другая – диаметром 3,35 см, со штырьком и шляпкой на оборотной стороне.

5. Фрагмент *подбородной застежки* (1 экз.). Шляпка диаметром 1,4 см на коротком шпеньке с обломанным колечком, выпукло-вогнутая шляпка декорирована маленькими ромбовидными углублениями, напоминающими имитацию окраса кожи пресмыкающегося (змеи ?).

6. Фигурный *распределитель* (1 экз.), длиной 3,15 см, состоит из трех прямоугольных в сечении трубок (тройник).

7. Округлая *пронизка* (шайба) (1 экз.). Диаметр 2,3 см, с кольцевым углублением по периметру на одной стороне.

8. *Пронизки* (45 экз.). В наличии 44 экз. Все однотипны. Диаметр 1,2 см. Внешняя сторона их – ребристая.

9. *Уздечные распределители* ремней (14 экз.). В наличии 12 экз. распределителей. Диаметр 1,6 см, с одним отверстием внизу в основании и четырьмя отверстиями по краям. Верхнее основание округлое, декорировано маленькими ромбовидными выемками, напоминающими имитацию окраса кожи пресмыкающегося (змеи ?).

10. *Подвески* (2 экз.) в форме буквы «S», с широким кольцом на конце. Одна подвеска длиной 3,3 см, диаметр кольца по внутренней стороне – 0,7 см; другая – длиной 3,4 см, диаметр кольца – 0,6 см. Возможно, форма изделия представляет собой сильно стилизованное изображение рогов тау теке. Рельефными выпуклостями на подвесках обозначены годовые кольца.

Кроме *клада*, в пос. Каинды были найдены следующие артефакты:

— *Втоки* (2 экз.) листовидной формы, с округлыми в сечении втулками. Один длиной 7,4 см, другой – 7,3 см. На втулках отверстия, а верхние концы втоков сплюснутые. На одной стороне втоков, около середины, находятся короткие штырьки с небольшими шляпками.

Характеристика артефактов, хранящихся в **Костанайском областном историко-краеведческом музее.**

- *Котел* (КП 4479) полусферической формы с поддоном в виде усеченного конуса. Был найден геологом А.Я. Брагиным у пос. Наурзум. Высота котла 26 см, диаметр 24,5 см, имеет 2 дуговидные ручки, горизонтально припаянные к тулову. Тулово украшено двумя узкими поясками. Котел раскололся и спаян в древности. На стенках котла прослеживаются следы ремонта.
- Трехлопастной *наконечник стрелы* длиной 4,7 см, с черешковым насадом, приплюснутым на конце. Концы лопастей опускаются ниже основания наконечника и срезаны под острым углом к черешку.
- Треугольный ромбический в сечении *наконечник стрелы* с выступающей втулкой и парой шипов, срезанных под острым углом к втулке. Длина наконечника 3,75 см.

Характеристика артефактов, хранящихся в археологической лаборатории **Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.**

- *Бляшка* длиной 3,5 см, с дуговидной петелькой на оборотной стороне. Бляшка представляет собой стилизованное изображение кабана в профиль, в позе «внезапной остановки». Голова большая, вытянутая, опущена вниз. Рельефно обозначены: большой круглый глаз, ухо в виде петли, клык в форме длинной дуги. Холка передана в виде вытянутого треугольника неправильной формы. Лопатка подчеркнута массивным выступом, круп с поджатым хвостом имеет каплевидную форму. Кроме этого, у кабана обозначены маленькие копытца.
- Двухлопастной втульчатый *наконечник стрелы*, найден при сборе с поверхности артефактов мог. Кульчукай 2. Длина 4 см. Края лопастей в виде шипов опускаются ниже среза втулки, сама втулка рифленая (Шевнина, Логвин, 2004, с. 5, рис. 2, 2).
- Трехлопастной *наконечник стрелы* с черешковым насадом, приплюснутым на конце. Концы лопастей срезаны под тупым углом к черешку.

При анализе артефактов мы придерживались типологических схем, разработанных А.А. Иессеном, М.П. Грязновым, М.К. Кадырбаевым, К.А. Акишевым, А.К. Акишевым, Н.А. Боковенко, К.Ф. Смирновым, Л.Т. Яблонским (см. табл. 1) (Иессен, 1953, с. 49, рис. 2; Грязнов, 1980, с. 25–60; Кадырбаев, 1966, с. 376–385; Акишев, 1973, с. 52; Акишев, Акишев, 1978, с. 39–40; Боковенко, 1977, с. 229–231; Боковенко, 2008, с. 142; Смирнов, 1961, с. 37; Яблонский, 1996, с. 33–43).

Удила со стремечковидным окончанием имеют широкие аналогии в памятниках евразийских кочевников. Исследуемые удила преобладают в Казахстане, Саяно-Алтае и относятся к VII–VI вв. до н.э. (Боковенко, 2008, с. 135; Иессен, 1953, с. 52; Смирнов, 1961, с. 79; Кадырбаев, 1966, с. 385) или более раннему времени VIII–VII вв. до н.э., возможно IX–VIII вв. до н.э. (Боковенко, 1986, с. 18). Удила с прямоугольным стремечком и упором, представляют своеобразную

черту раннесакской культуры и на данный момент найдены только в Казахстане, Средней и Центральной Азии и бытовали в VIII–VII вв. до н.э. (Бернштам, 1950, с. 37; Итина, 1992, с. 42; Акишев, 1973, с. 55, табл. 1; Акишев, Акишев, 1978, с. 59; Наглер, 2008, с. 75–77, рис. 20; Горбунова, 2001, с. 193) или VII–VI вв. до н.э. (Кадырбаев, 1966, с. 386). Каиндинские напускные псалии по форме и конструкции аналогичны экземплярам раннесакского времени в Казахстане, Тыве и составляют комплект с удилами, имеющими прямоугольное стремячко. Подобные комплекты узды найдены в кладах Биже в Жетысу, Тюпе у оз. Иссык-Куль, могильник Жуантобе/Джувантобе в Жетысу, комплексах Южного Тагискена и Уйгарака в Приаралье, кургана № 19 могильника Тасмола I в Центральном Казахстане, кургана Аржан-2 в Тыве (Акишев, Акишев, 1978, с. 38–40, рис. 1; Итина, 1992, с. 42, табл. 4, 3–6; Кадырбаев, 1966, с. 311–316, рис. 7, 2; Наглер, 2008, с. 75–77, рис. 20; Чугунов, 2005, с. 103–104, рис. 1, 5, Акишев, Кушаев, 1963, с. 106; Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 127–140).

Предметы, аналогичные тем, что находятся в составе клада Каинды: *бляхи, пронизки, уздечные распределители, подбородные застезки* широко бытовали в составе уздечного набора кочевников евразийских степей скифо-сакского времени. Аналогичные предметы раннесакского времени присутствуют среди предметов клада Биже в Жетысу VIII–VII вв. до н.э., а также характерны для материалов тасмолинской культуры (курганы №№ 19, 24) могильника Тасмола I, кургана № 2 могильника Тасмола V, кургана № 1, могильника Тасмола VI Центрального Казахстана VII–VI вв. до н.э., материалов Камышинского клада в Восточном Казахстане VII–VI вв. до н.э., кургана № 23 могильника Сакар-чага в Южном Приаралье VIII–VII вв. до н.э., на Алтае и в Тыве (Акишев, Акишев, 1978, с. 41–42, 63, рис. 4; 5; Кадырбаев, 1966, с. 311–324, рис. 8, 1–9, 12–13, 20; 15, 3; 17, 1–2; Арсланова, 1972, с. 254–258, рис. 1, 2, 5–6, 8, 11; Яблонский, 1996, с. 46–52, рис. 18, 4–7; Шульга, 2008, с. 79–89, 97–98, рис. 7–10; 27, 6, 17; 34; 36 и т.д.).

Трехтрубчатая пронизь (тройник) аналогичная изделиям, присутствующим в коллекции предметов из кургана № 2 могильника Тасмола V в Центральном Казахстане (VII в. до н.э.), кургана № 15 могильника Кырык-Оба-2 в Южном Приуралье (VI в. до н.э.), могильника Юйхуанмяо близ г. Пекина в Китае (VI в. до н.э.; Кадырбаев, 1966, рис. 17; Гуцалов, 2007, с. 75–92, рис. 13, I–IV; Шульга, 2008, с. 49, рис. 77, III, 3, 4).

Застезки подбородного ремня в уздечном снаряжении встречаются в основном по одной. Подобные застезки особенно широко бытовали в раннескифское время в Саяно-Алтае и Казахстане (Шульга, 2008, с. 82).

Пронизки встречаются в уздечных комплексах в большом количестве в раннескифских памятниках VII – начала VI вв. до н.э. (Шульга, 2008, с. 87).

Уздечные распределители ремней предназначались для фиксации двух ремней в местах пересечения. Распределители встречаются во многих комплексах

раннесакского времени Казахстана и Саяно-Алтая (Акишев, Акишев, 1978, с. 42, рис. 5; Кадырбаев, 1966, с. 311–324, рис. 8, 7–9; Арсланова, 1972, с. 254–258, рис. 1, 4–7; Шульга, 2008, с. 79–82, рис. 7–10; 57).

Пронизка (шайба), вероятно, тоже входила в состав конского снаряжения. Подобные предметы из бронзы редки в комплексах евразийских кочевников. Вопрос о назначении данных вещей, судя по всему, можно все еще считать открытым. Аналогичные пронизки найдены в Майэмирском кладе в Восточно-Казахстанской области, датируемом не позже VII в. до н.э., и в кургане № 5 могильника Измайловка (Шульга, 2008, с. 102, 223, рис. 32, 2; Ермолаева, 2008, с. 315, 333 рис. 29, 4).

Навершие с протомой тау теке имеет близкое сходство с навершиями из кладов Биже и могильника Кзыл-Тоган в Жетысу, датируемых VII–VI вв. до н.э. (Акишев, Акишев, 1978, с. 41, рис. 3; Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 103, рис. 11; Байпаков, Самашев, 2006, с. 64). Функция данных наверший пока неизвестна. По мнению К.А. Акишева и А.К. Акишева подобные навершия могли иметь прототипами наконечники оглобель, через кольца которых проводились вожжи. А.К. Нефедкин и П.И. Шульга считают, что навершия могли использоваться в дышловых повозках (Акишев, Акишев, 1978, с. 57–58, рис. 8; Шульга, 2008, с. 48). Форме *подвесок*, имитирующих рога горного козла (?) или хвостастого существа (дракона ?), на данный момент, не много аналогий. Но функционально подвески широко бытовали в составе сбруи. Можно отметить, что в раннесакское время в составе конского снаряжения встречаются подвески, изображающие голову, клюв или коготь орла, голову лося с рогом и т.д. (Акишев, Акишев, 1978, с. 58–59; Грязнов, 1980, с. 24–25, рис. 13; Шульга, 2008, с. 89–92). В основном такие подвески бытовали в составе узды Алтая и Восточного Казахстана. На основании исследования П.И. Шульги можно предположить, что подобные вещи предназначались для украшения наносного ремня (Шульга, 2008, с. 89, рис. 7–10). Исследуемые находки близки подвескам из кургана Пазырык 3 (Шульга, 2008, с. 256, рис. 64, 1). Наибольшие аналогии с изображением туловища дракона с головой грифона на рукояти биметаллического кинжала конца VI–V вв. до н.э. из Мурзихинского могильника у р. Кама (Беговатов, 1989, с. 247–249). Действительно, стилистические признаки сильно напоминают мифологическое существо, возможно, дракона (?). На наш взгляд, подобные находки могли имитировать и рога тау теке. Анализируемые подвески напоминают рога на навершии с фигурой горного козла VI в. до н.э., найденного у р. Илим в Прибайкалье, на протоме козла в основании сосуда из Ирана V–IV вв. до н.э., на золотых бляшках из Жалаулинского клада в Жетысу V–III вв. до н.э., декорированные сценой терзания кошачьим хищником копытного животного, на золотых ворворках из могильника Талды-2 VII–VI вв. до н.э. (Бердникова, Ветров, Лыхин, 1991, с. 203–204, рис. 9; Артамонов, 1973, с. 116, 122; Акишев А.К., 1984, с. 52, табл. VII, 3; Самашев, Джумабекова, Базарбаева, Онгар, 2007, с. 45, 99; Бейсенов, 2010, с. 21; Бейсенов, 2010, с. 77–79). Подбородную застежку и

уздечные распределители объединяет единый декоративный сюжет, «ромбики» (?). Каиндинские «ромбики» можно интерпретировать, как знаки, обозначающие фактуру кожи змеи, лунный или солярные символы, которые получили особое развитие в мировоззрении кочевников (Пасынков, 2005, с. 379–392; Вишневская, 1973, с. 104; Ермолаева, 2008, с. 316; Бейсенов, 1997, с. 21).

Предпринятая нами реконструкция уздечной фурнитуры основана на результатах исследования П.И. Шульги (Шульга, 2008, с. 25–56, рис. 8–12, 20, 34 и т.д.). Проанализированный клад, в составе которого находилось не менее чем 2 сбруйных комплекта, является единовременным. Узда состояла из двух суголовных, двух подбородных, одного или двух наносных ремней, соединенных в местах пересечения четырьмя распределителями. Передние концы суголовных и наносных ремней крепились в отверстиях псалий. Застежка фиксировала подбородные ремни. В центре наносных ремней крепилась подвеска. Найденные две бляхи-застежки, предназначенные для соединения верхнего и нижнего подпружных ремней, и одна пронизка (шайба), которая, по-видимому, свидетельствует о наличии в наборе деталей седла. Пронизки, нанизанные на уздечные ремешки, украшали сбрую.

Заканчивая анализ артефактов, хотелось бы остановиться на функциональной проблеме клада. Распространенная в раннесакское время практика укрывания деталей конского снаряжения, отражает, по-видимому, отношение к данным вещам как к ценным предметам. Г.С. Джумабекова, исследуя клады металлических изделий конца II–I тыс. до н.э., выделила в отдельную группу комплексы кладов, содержащие предметы конского снаряжения, наконечники стрел, ножи. А также исследователь отмечает, что в основном данные клады выявлены под курганной насыпью, у края могильной ямы, на уровне древней поверхности, и являются не кладами, а наборами ритуального характера (Джумабекова, 2008, с. 13–14).

Втоки чеканов имеют аналогии с экземплярами из кургана № 1 могильника Алыпкаш, погребение 2 кургана Березки Вб, погребение 3 кургана № 2 могильника Иртяш-14 раннесакского времени тасмолинской историко-этнографической общности урало-казахстанских степей VII–VI вв. до н.э. (Таиров, 2005, с. 93–96), Алтая и Тывы (Шульга, 2007, с. 143, рис. 1, 2, с. 147, рис. 4, 2–4, 7, с. 148, рис. 6, 1; Мандельштам, 1992, с. 424, табл. 74, 8–9, 26). Анализируемые втоки отличаются от подобных вещей наличием шляпок, аналогии которым нам неизвестны. Чеканы, являясь одним из ведущих видов оружия не многочисленны на территории Казахстана, Западной Сибири, Южного Приуралья, Кавказа, Передней Азии, и относятся к числу «транзитных» элементов культуры (Курочкин, Субботин, 1993, с. 61; Чотбаев, 2004, с. 195–202).

Наурзумский *котел*, аналогичный сакским из клада в долине Есик, экземплярам из Восточного Казахстана, относится к V–III вв. до н.э. (Заднепровский, 1992, с. 78, 377, табл. 27, 45; Самашев, Ермолаева, Куш, 2008, с. 84).

Черешковые наконечники распространены у кочевников Сибири, Центральной и Средней Азии, Приаралья и Казахстана в VII–VI вв. до н.э. (Акишев К.А., 1973, с. 49; Яблонский, 1996, с. 38). Ромбический наконечник близок раннесакскому экземпляру из могильника Сакар-чага в Южном Приаралье. Л.Т. Яблонский проводит аналогию сакарчагинскому наконечнику с экземпляром из поселения Бельск в Скифии, датированному VIII–VII вв. до н.э. (Яблонский, 1996, с. 41). Двухлопастная стрела с шипами относятся к VI в. до н.э., она схожа с наконечниками Минусинской котловины, Монголии, Восточного Памира, древнего Хорезма раннесакского времени, иногда встречается в савроматских памятниках (Смирнов, 1961, с. 43, табл. I, 19).

Бляшка в виде кабана представляет редкий экземпляр. Наиболее близкие аналогии данному образу: скульптурка кабана на рукояти кинжала и изображение на оленем камне из кургана Аржан I VIII–VII вв. до н.э., фигуры на Луристанских бронзах, скульптурка кабана в виде ручки на бронзовом зеркале VII–VI вв. до н.э. из могильника Бирлик в Павлодарской области (Грязнов, 1980, с. 25, рис. 11, 3–4; 29, 2; Курочкин, 1992, с. 111, рис. 4; Бейсенов, Исмагулова, 1992, с. 128–138; Бейсенов, 2011, с. 18; Тасмагамбетов, 2003, с. 112). А также сходство прослеживается с изображением кабана, на бронзовой пластинке, найденной в комплексе предметов украшенных скифо-сибирским звериным стилем близ Наньшаньгэня (уезд Нинчэн, АР Внутренняя Монголия), относится к IX–VII вв. до н.э. (Ковалев, 1998, с. 123–124, рис. 1, 5). Проанализированные артефакты относятся к горизонту сакской культуры, и делятся на две хронологические группы (Заднепровский, 1992, с. 76–77):

1) Раннесакский период VIII–VI вв. до н.э.: клад Каинды, ромбический наконечник (VIII–VII вв. до н.э.), бляшка с изображением кабана (VIII–VI вв. до н.э.), втоки (VII–VI вв. до н.э.), наконечники: черешковые (VII–VI вв. до н.э.) и двухлопастной (VI вв. до н.э.);

2) Сакский период V–III вв. до н.э.: котел.

Проанализированные предметы конского снаряжения сопоставимы с комплексами раннесакского времени Казахстана, содержащие наборы снаряжения коня из Казахстана, Саяно-Алтая, Тывы. Общие принципы устройства и аналогичные детали уздечной и седельной фурнитуры позволяют отнести каиндинский комплекс к единому пласту ранних кочевников восточной части Евразии. Способ напускного соединения удила с псалиями в исследуемом комплексе свидетельствует о едином с Казахстаном принципе устройства удила и псалиев.

Проблема места и роли торгайского региона среди племен ранних кочевников остается открытым вопросом. В распространении многих предметов быта, оружия, конского снаряжения, культурных контактов и заимствований, торгайские степи, вероятно, сыграли тоже не маловажную роль. Территория Тургайского прогиба, безусловно, представляет собой огромный интерес в скифологии, поскольку является контактной зоной соединявшей лес и степь, восток и запад.

Литература:

- Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – 252 с.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984. – 176 с.
- Акишев К.А. Курган Иссык. – М., 1978. – 132 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. – Алма-Ата, 1963. – 320 с.
- Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 38–63.
- Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские: общее и особенное в культуре // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С. 43–58.
- Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // СА. – 1972. – № 1. – С. 253–258.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. – М., 1973. – 280 с.
- Байпаков К.М., Самашев З.С. Археологические памятники ранних государств // Археология Казахстана. – Алматы, 2006. – С. 50–101.
- Беговатов Е.А. Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзахинского могильника // СА. – 1989. – № 2. – С. 247–249.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О. Археолого-антропологические данные из могильника Бирлик // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. – М., 1992. – С. 128–138.
- Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7–1 вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 25 с.
- Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // II Международная конференция «Кадырбаевские чтения–2010». – Актөбе, 2010. – С. 77–79.
- Бейсенов А.З. Золотая находка // Элемент. – Алматы, 2010. – С. 20–22.
- Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 32 с.
- Бердникова В.И., Ветров В.М., Лыхин Ю.П. Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены // СА. – 1991. – № 2. – С. 196–206.
- Бернштам А.Н. Сако-усуньская культура ранних кочевников чуйской долины // МИА. – 1950. – № 4. – С. 106 – 110.
- Боковенко Н.А. Формирование конфедераций кочевников Центральной Азии и миграции скифо-сакских племен // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 134–146.
- Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. – 1977. – № 4. – С. 228–235.
- Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 21 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. – М., 1973. – 160 с.
- Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М., 2001. – С. 179–197.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // АЭАЕ. – 2007. – № 2 (30). – С. 75–92.
- Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннесакского времени. – Л., 1980. – 63 с.
- Джумабекова Г.С. Клады металлических изделий как исторический источник (конец II–I тыс. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2008. – 30 с.
- Ермолаева А. Погребально-поминальные комплексы первой половины I тыс. до н.э. на Измайловском могильнике из Восточного Казахстана и проблема трансформации культурных традиций // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 310–337.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 73–87.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. – 1953. – Т. 18. – С. 49–110.

Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 31–47.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. – Алма-Ата, 1966. – С. 303–428.

Ковалев А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь). – СПб., 1998. – С. 122–131.

Курочкин Г.Н. Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана // СА. – 1992. – № 2. – С. 102–121.

Курочкин Г.Н., Субботин А.В. Боевые чеканы (клевецы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир: матер. III археол. семинара. – Новочеркасск, 1993. – Ч. II. – С. 59–64.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 178–196.

Наглер А. Большие курганы азиатских степей: некоторые проблемы исследований // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 69–89.

Пасынков С.В. Ромб как лунный символ в индоевропейской, славянской и христианской традициях // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2005. – Т. 2. – С. 379–392

Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А. Древнее золото Казахстана. – Алматы, 2007. – 160 с.

Самашев З., Ермолаева А., Куц Г. Древние сокровища Казахского Алтая. – Алматы, 2008. – 200 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М., 1961. – 162 с.

Таиров А.Д. Оружие ближнего боя кочевников тасмолинской историко-этнографической общности // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Актобе, 2005. – Вып. 2. – С. 86–98.

Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы, 2003. – 336 с.

Чотбаев А. К изучению вопросов вооружения и военного дела у древних кочевников Казахстана (VIII–VI вв. до н.э.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск. – Вып. 3. – С. 195–202

Чугунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 103–109.

Шевнина И.В., Логвин А.В. Разведочные работы в Мендыкаринском районе // Отчет о полевых исследованиях ТАЭ летом 2003 года. – Костанай, 2004. – Т. I, II. – С. 3–6.

Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск, 2007. – С. 142–156.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Часть I. Раннескифское время. – Барнаул, 2008. – 276 с.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. – М., 1996. – 186 с.

Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. – Mainz, 2010. – 424 taf.

«Оленные» камни как источник для реконструкции костюма населения Азии аржано-майэмирского времени (по материалам памятников Монгольского Алтая)¹

«Оленные» камни являются важнейшим источником для решения многих проблем в истории ранних кочевников степной полосы Евразии. Область распространения этих монументальных памятников достаточно широка. Они обнаружены не только в Монголии, Тыве, Алтае, Забайкалье, но и в Казахстане, Кыргызстане, Приуралье, Прикамье, Причерноморье, на Северном Кавказе и в некоторых других западных регионах (Ольховский, 2005). Рассматриваемые изваяния имеются на территории Синьцзяна (Варенов, 1998). Начиная с 1960-х гг. целенаправленно работу по обнаружению и изучению в Монголии специфических каменных скульптур осуществлял В.В. Волков. Благодаря его изысканиям, в научный оборот был введен значительный корпус сведений об «оленных» камнях и заложен прочный фундамент для дальнейшей научно-исследовательской работы (Волков, 1981; 2002). К настоящему времени круг рассматриваемых памятников увеличился, но проблема выявления изваяний и их грамотного документирования по-прежнему остается.

Уже в течение нескольких предыдущих лет сотрудники Алтайского государственного университета совместно с монгольскими и российскими коллегами последовательно реализуют программу по изучению «оленных» камней на территории Монгольского Алтая, опираясь на опыт своих предшественников. Предварительные результаты обследований в Ховдском аймаке и этапы их осмысления публикуются (Тишкин, 2009; 2010; 2011; и др.). Однако процесс детальной обработки полученных многочисленных материалов не закончен. К тому же каждый полевой сезон приносит новые открытия. Результаты сплошного обследования территории Баян-Ульгийского аймака, осуществленные монгольскими археологами, нашли отражение в изданной монографии (Төрбат и др., 2009). В ней представлены сведения о ранее известных и других находках изваяний аржано-майэмирского времени (конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.). Следует отметить, что современное изучение «оленных» камней выходит на несколько другой исследовательский уровень. Кроме вновь открытых объектов, более пристальное внимание уделяется известным памятникам

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022), а также в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ–МинОКН Монголии «Многообразие и единство кочевых культур Западной Монголии» (№10-01-00620а/Г).

и детальному осмыслению давно зафиксированного явления. В данном процессе обозначим лишь одну перспективную сторону ранее намеченной практики – использование «оленных» камней для реконструкции костюма населения аржано-майэмирского времени, проживавшего на территории Центральной Азии и сопредельных регионах. Для этого были рассмотрены многочисленные публикации и привлечены имеющиеся полевые материалы.

Анализу антропоморфных скульптур «раннескифского» времени посвящено огромное количество работ (Кубарев, 1979; Волков, 1981, 2002; Новгородова, 1980, 1984; Савинов, 1977, 1994; Ольховский, 1989, 2005; Килуновская, Семенов, 1998, 1999; и др.). В некоторых из них приводится рассмотрение отдельных изображений, например, щитов (Дэвлет, 1976; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2007), поясов (Добжанский, 1990), животных (Савинов, 1980, 1994, 2010; Килуновская, 1987; и др.) и т.д. Необходимо указать, что менее пристальное внимание уделяется комплексной расшифровке всех изображений в целом и проработке каждой, даже мельчайшей детали. Как показывают результаты работ, за универсальными моделями кроется индивидуальность и выявляющиеся особенности каждого зафиксированного изваяния. Это обозначает важность дальнейшего отдельного и всестороннего изучения всех находок.

«Оленный» камень исследователи обычно разделяют на три зоны: верхнюю, среднюю и нижнюю. Подобное разграничение подчеркивает расположение различных предметов в том порядке, как их носил человек (Волков, 2002, с. 17). В верхней части изваяния могут присутствовать ленты-диадемы, головные уборы или их имитации. Такие изображения чаще представлены в виде выбитой полосы различной ширины, а также целым рядом специфических изображений либо простым оформлением абриса стелы. Головные уборы изображены на многих рассматриваемых изваяниях Монголии, Тывы и Алтая (Радлов, 1892, табл. LXXII: 4 а–б; Волков, 2002, табл. 32, 90, 92; Кубарев, 1979, с. 54; Савинов, 1994; Тишкин, 2005; 2009; Төрбат и др., 2009; и мн. др.). Своеобразное оформление лицевой части с треугольными выступами, заходящими на боковые стороны «оленного» камня № 13 из Баян зурха Ховдского аймака, В.В. Волков (2002, с. 110, табл. 130) был склонен трактовать как маску. На наш взгляд, такое очертание, вероятнее всего, демонстрирует характерный головной убор кочевника. «Оленный» камень № 11 из Баян зурха демонстрирует еще одну особенность, отличающуюся от традиционного оформления верхней части изваяния (Волков, 2002, табл. 129). Имеются и другие примеры отступления от зафиксированной изобразительной практики. Данная тема требует специального рассмотрения. Изображения, зафиксированные в ходе микалентного копирования изваяний Монгольского Алтая, а также характерные черты оформления верхней части изваяния логичнее связывать с таким важнейшим этносоциальным показателем, как головной убор.

На многих «оленных» камнях Монгольского Алтая с боковых сторон изображены серьги в виде колец с подвесками или без них (Волков, 2002). Раздвоенные подвески могли быть сделаны из органических материалов (например, из

кожи), которые в погребениях аржано-майэмирского времени не сохранились. Аналогии данным предметам находятся в памятниках алды-бельской культуры в Тыве (Грач, 1980, рис. 86, 110). На каменных стелах также фиксируются украшения с конусовидными подвесками (Кубарев, 1979, табл. III.-1; IV.-1, 3-6; VI; IX.-1; Волков, 2002, табл. 103; и др.). Реальные свидетельства их существования встречены в захоронении памятника бийкенской культуры Алтая Бойтыгем-II (Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 69, 1, 2). Одна изящная находка, выполненная с использованием зерни, была изготовлена почти из чистого золота (Тишкин, 1999, с. 188). Аналогичных ювелирных изделий к настоящему времени выявлено в существенном количестве (Семенов, 1999; Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2010; и др.).

Нашейные украшения на «оленных» камнях Монгольского Алтая довольно разнообразны. Наиболее часто встречающимся изображением являются ожерелья, нанесенные в виде цепочки углубленных ямок округлой, овальной или прямоугольной формы. По поводу трактовки данных украшений существуют различные точки зрения. Ряд исследователей полагают, что на стелах изображались бусы (Членова, 1984, с. 10; Волков, 2002, с. 17). С.И. Вайнштейн (1974, с. 32) считал, что реальным прототипом служили раковины каури, которые в древности имели охранительное значение. Свои суждения по данным изображениям высказаны В.Д. Кубаревым (1979), Д.Г. Савиновым (1994) и др.

На изученных «оленных» камнях Монгольского Алтая встречены подвески в виде клыка животного или ромба. Например, такое изображение есть на уже упомянутом «оленном» камне № 13 памятника Баян зурх (Волков, 2002, табл. 130). Там крупный клык изображен подвешенным к ожерелью (Тишкин, 2011, рис. 2). Подобные изделия зафиксированы на других изваяниях и находят аналогии в исследованных археологических объектах «раннескифского» времени (Полосьмак, 1993, рис. 3).

В местности Уушкийн-Увэр на оленных камнях №№ 4 и 7 выбиты оригинальные украшения, на одном из которых подвески в форме свисающих вниз каплевидных изделий, а на другом – в форме свисающих остроугольных треугольников (Волков, Новгородова, 1975, с. 80–81). На лицевой стороне в верхней части изображаются также гривны в виде двойных округлых линий, аналогии которых приводит Д.Г. Савинов (1994, с. 108) по материалам погребений алды-бельской культуры Тывы и Зевакинского могильника в Восточном Казахстане. Яркой находкой, подтверждающей ношение гривен населением аржано-майэмирского времени, могут служить золотые украшения, обнаруженные в кургане Аржан-2 в Тыве (Чугунов, 2004, с. 22), а также на памятнике Карбан-I в Горном Алтае (Демин, Гельмель, 1992).

В средней части «оленного» камня обычно располагаются фигуры оленей с ветвистыми рогами. По поводу семантики изображенных животных высказывались многие археологи. Некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что силуэты оленей на каменных реалиях могли быть либо нашивными

аппликациями на верхней одежде (Nowgorodowa, 1980, s. 130; Савинов, 1999, с. 156; Волков, 2002, с. 17), либо татуировкой на теле как у пазырыкского воина (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 51). Более логичной можно считать версию Д.Г. Савинова (1999, с. 156) о декоре костюма фигурками оленей, которые могли вырезаться из кожи, и служили трафаретом для последующего воспроизведения изображений как на текстиле, так и на камне. Традиция оформления верхней одежды изображениями парнокопытных находит отражение в поздний период – в скифо-сакское время. У носителей пазырыкской культуры мужские шубы орнаментировались кожаными аппликациями в виде голов оленей с высокими рогами-деревьями, на подоле нашивались изображения рогов, покрытых золотой фольгой (Руденко, 1953, с. 106; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 54). В этнографическое время известно, что шаманы дархатов (народности, жившей в Монголии) из кожи оленей делали парадную одежду, а изображения животных нашивали на ритуальный головной убор (Майдар, 1981, с. 38).

Особо выразительные образы оленей представлены на «оленных» камнях монголо-забайкальского типа, на которых видна поразительная четкость пропорций и повторяемость фигур (Волков, 2002). Наряду с оленями, на каменных изваяниях встречаются стилистически выполненные фигуры различных животных: горного козла, кабана, кошачьих хищников (тигра, барса). О возможности нанесения фигур кошачьих на верхнюю одежду в виде нашивных блях свидетельствуют новые исследования по реконструкции костюмного комплекса из памятника «раннескифского» времени – Аржан-2 (Алтынбеков, Алтынбекова, 2010, с. 253).

Показательным компонентом на «оленных» камнях является пояс, под который отводилась, как правило, нижняя часть стелы. Подвешенными к поясу изображались предметы вооружения и орудия труда. Украшались пояса всевозможными орнаментами, в основном из ромбов, треугольников, зигзагов. Изучением поясных наборов на «оленных» камнях Центральной Азии занимались В.Д. Кубарев (1979), В.Н. Добжанский (1990), Д.Г. Савинов (1994). В.Н. Добжанский (1990, с. 18) выделил четыре типа поясов, среди которых преобладали наборные пояса с орнаментом из треугольников, соединенные вершинами так, что между ними образуются ромбы. Пояса, могли шиться из кожи, на что указывают находки из пазырыкских могильников скифо-сакского времени – Пазырык-2 (Руденко, 1948, с. 37), Юстыд-ХII (Кубарев, 1991), Верх-Кальджин-II (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 48). На наш взгляд, изучение поясов – это отдельная и продуктивная тема исследований.

Судить о поясной одежде и обуви населения аржано-майэмирского времени по «оленным» камням пока не представляется возможным, однако культурные параллели можно провести с погребально-поминальным комплексом Аржан-2 с территории Тывы. По материалам элитного захоронения, в котором обнаружены предметы костюмов мужчины и женщины, было реконструировано парадное облачение погребенных (Џугунов, Parzinger, Nagler, 2010). Поясной одеждой

могли служить штаны из кожи, которые заправлялись в сапоги. Сапоги с невысоким голенищем и без каблуков, по всей видимости, были распространенным видом обуви среди древних кочевников степной территории Евразии.

В заключение необходимо отметить, что «оленные» камни – это не только памятники монументального искусства, но и важный источник для реконструкции костюма населения Центральной Азии. Специальное изучение их в обозначенном направлении, а также учет значительного объема полученных археологических материалов будет способствовать качественному процессу воссоздания внешнего облика людей той эпохи.

Литература:

Алтынбеков К.А., Алтынбекова Д.К. Исследования и реконструкция костюма по материалам кургана Аржан 2 // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань, 2010. – С. 253–255.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М., 1974. – 224 с.

Варенов А.В. Южно-сибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 60–72.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор, 1981. – 254 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М., 2002. – 248 с.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 78–84.

Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. – М., 1980. – 257 с.

Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 28–34, 170–175.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск, 1990. – 164 с.

Дэвлет М.А. О загадочных изображениях на оленных камнях // СА. – 1976. – № 2. – С. 232–236.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Изображения щитов на оленных камнях // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул, 2007. – С. 96–99.

Килуновская М.Е. Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве (по материалам петроглифов оленных камней) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987. – С. 103–107.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы // АВ. – 1998. – № 5. – С. 141–152.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы: (Часть 2. Сюжеты, стиль, семантика) // АВ. – 1999. – № 6. – С. 130–145.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.

Ковалев А.А. О датировке оленного камня кургана Аржан // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987. – С. 93–98.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. – Новосибирск, 1979. – 120 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991. – 190 с.

Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. – М., 1981. – 174 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М., 1984. – 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М., 1989. – 383 с.

Ольховский В.С. Оленные камни (к семантике образа) // СА. – 1989. – № 1. – С. 48–62.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М., 2005. 299 с.: ил.

- Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. – 1993. – № 3. – С. 21–31.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV – III вв. до н.э.). – Новосибирск, 2005. – 232 с.
- Радлов В.В. Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. – СПб., 1892. – Вып. 1. – 87 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. – 404 с.
- Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л., 1948. – 64 с.
- Савинов Д.Г. Изображения собак на оленных камнях (некоторые вопросы семантики) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово, 1980. – С. 319–328.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб., 1994. – 208 с.
- Савинов Д.Г. Первичные материалы и стиль саяно-алтайских изображений ранне-скифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 154–158.
- Савинов Д.Г. Реалистические изображения на оленных камнях монголо-забайкальского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ, 2010. – С. 118–125.
- Тишкин А.А. Новые и известные находки каменных стел и изваяний скифского времени на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV. – С. 44–47.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул, 2007. – 356 с.
- Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Буянта (Западная Монголия) // Туухийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 2009. – Т. IV. – С. 160–179 (на рус. яз.).
- Тишкин А.А. «Оленные» камни Западной Монголии как отражение культа предков и вождей: результаты изучения археологических объектов в долине Буянта // Культ предков, вождей, правителей и отражение его в погребальном обряде. – М., 2010. – С. 32–33.
- Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Бодонча (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск, 2011. – Вып. 2. – С. 256–265.
- Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. – М., 1962. – С. 22–35.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск, 1984. – 100 с.
- Баярхуу Н., Төрбат Ц. Монгол Алтайн өвөр бэлийн буган чулуун хөшөөд // Археологийн судлал. – 2010. – Т. (IX) XXIX. Ф. 5. – Т. 94–122 (на монг. яз.).
- Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. – Улаанбаатар, 2008. – 141 т. (на монг. яз.).
- Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвэндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн Дурсгалууд-I Баян-өлгий аймаг. – Улаанбаатар, 2009. – 424 т. (на монг. яз.).
- Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. – Mainz, 2010. – 330 S. mit 289 Abb., 153 Taf. und 7 Beilagen (Archäologie in Eurasien. Band 26; Steppenvölker Eurasiens. Band 3).
- Novgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig, 1980. – 300 с.

Костюм кочевой знати восточных областей иранского мира: изображения и остатки в погребениях

На сегодняшний день в Центральной Азии известны лишь три ненарушенных грабителями погребения высшей кочевой знати скифо-ахеменидской эпохи хорошей сохранности с богато декорированным костюмом: парное в кургане Аржан 2 в Тыве (кон. VII в. до н.э.), одиночные – в кургане 4 могильника Локоть 4-а на Алтае (V в. до н.э.) и в кургане Иссык в Жетысу/Семиречье (IV-III вв. до н.э.). Эти погребения датируются разным временем, и мы явственно видим, что чем моложе комплекс, тем меньше используются для декора одежд массивные золотые аппликации (в Иссыке это уже часто золотая плакировка на бронзовой основе). Интересно, что в самых ранних мужских погребениях VIII-VII вв. до н.э. особое внимание уделялось блестящему декору штанов, что, видимо, связано с популярными в Евразии представлениями об их порождающей силе (Аржан 2; ср. в могиле 18 в Юнхуанмяо, Внутр. Монголия: Nan Jianye, 2008, p. 1995). В более позднее время преобладание декора штанов видим иногда лишь у самых западных номадов – скифов (правитель в боковой могиле Солохи; царственные персонажи на золотом кубке из Куль-Обы).

Большой проблемой для исследователей, изучающих костюм, является тот факт, что наиболее детальные чертежи и рисунки отдельных скоплений украшений костюма именно в самых обильных золотым и прочим его декором могилах всегда публикуются лишь частично (Аржан 2: Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2010; Тилля-тепе: Сарияниди, 1989). Изданные чертежи и фото подчас отражают лишь один из нескольких слоев украшений одежд (см. Иссык, где не зафиксирован декор ни нижней рубахи, ни кафтана со спины, то есть двух из трех слоев: ср. Акишев, 1978, с. 17; с. 33, табл. 37). Для могильников Алтая, содержащих слой «вечной мерзлоты» (Пазырык, Ак-Алаха, Уландрык и др.), опубликованные чертежи могил обычно слишком малы и схематичны для анализа размещения костюмных микро-деталей; в знаменитом «эталонном» кургане 5 Пазырыка С.И. Руденко вообще отказался от фото- и чертежной фиксации могильной ямы на момент расчистки, и дал его описание «по памяти» (Гаврилова, 1996, с. 91-93). При расчистке могил со сложными скоплениями золотого и бирюзового декора, как и с органическими остатками при постепенном оттаивании «вечной мерзлоты», исследователи часто более стремились быстро извлечь из грунта наиболее эффектные вещи и части тел умерших, чем всесторонне документировать взаиморасположение найденных артефактов. Объективные трудности адекватной фиксации найденного (полевой, отчетной и публикационной)

требуют коллективного обсуждения того, как именно лучше издавать сложные скопления разных органических остатков и бляшек. Существует проблема независимой экспертизы различных реконструкций публикаторов. Речь идет об изучении серий полевых фото и чертежей в дальнейшем другими коллегами (часто их нельзя посмотреть даже спустя десятилетия после издания соответствующей монографии; нередко авторы раскопок боятся критики за неполную фиксацию, спешку и т.п., а наиболее интересные чертежи и фото вообще отсутствуют в официальном архиве и хранятся только дома). Иными словами, во многих случаях детальная документация по «элитным» погребениям недоступна и «не прозрачна».

В процесс реконструкции костюма не всегда учитываются поза умерших и характер смещения массы украшений. Например, умершие супруги (?) в Аржане 2 лежали на левом боку, что вызвало специфическое смещение украшений и деформацию контуров декоративных зон. В реконструкции К. Алтынбекова подтреугольные выступы обшивок на груди и спине (вдоль позвоночника) из-за этого превратились в украшения рукавов кафтана (Алтынбеков, Алтынбекова, 2010, с. 253, рис. 3). Между тем, речь может идти о пелеринах с двумя крупными треугольными выступами спереди и сзади (что позже имеет точные аналоги у царей ахеменидского Ирана) и (в аржанском комплексе) не менее трех малых выступов, на которые нашиты более чем по 2000 бляшек в виде стоящего кошачьего хищника, образующих узор тигриной шкуры (Яценко, 2011а, прим. 6).

В разрушенных грабителями могилах часто делается «полная реконструкция» костюма умерших, полихромная и объемная, по отдаленным аналогиям. Все это делает многие эффектные реконструкции уязвимыми для объективной критики. Из-за скудности материала часто единичное, уникальное воспринимается как типичное для элиты той или иной культуры. Вместе с тем, при наличии серий сходных костюмных элементов заслуживают обсуждения возможные мотивы индивидуального отклонения от «нормы».

Как правило, археологи доверяют мнению экспертов-технологов, изучающих отдельные категории, найденные в погребениях вещей. Однако мнения экспертов могут подчас резко расходиться. Так, относительно одной и той же коллекции текстиля, найденной в могильниках пазырыкской культуры, одни специалисты твердо убеждены в том, что он практически полностью является экспортом из дальних стран (Л.П. Кундо и Н.В. Полосьмак: Полосьмак и др., 2006, с. 203-204); другие же (Е.Г. Царева, Т.Н. Глушкова, В.В. Монахов и др.) настаивают на том, что большая его часть произведена и окрашена на месте и, в значительной степени, по местным технологиям (Полосьмак и др., 2006, с. 124, 233-234, 238-239; Глушкова, 2005, с. 188-190). Восприятию или «иному» использованию импортных вещей (часто редких или уникальных) в рамках чужой культуры (зеркал, тканей и т.п.), обоснованию различных обстоятельств их попадания к кочевникам (кроме «торговли») пока также уделяется недостаточно внимания.

К сожалению, корпус антропоморфных изображений центральноазиатских номадов с детализированным костюмом увеличивается очень медленно. Из последних находок отметим облик персонажей на сакской пластине VI-IV вв. до н.э. в поминальном комплексе кургана 2 могильника Нуркен-2 из Карагандинской области (Бейсенов, 2007, с. 179, рис. 12). Как нам представляется, здесь была изображена композиция, близкая известной на хорезмийском оссуарии из Ток-калы (см. цветную прорисовку: Рапопорт, Неразик, Левина, 2000, илл. 31): оплакивание умершей богини (?), тело которой лежит в центре композиции, с ритуальной постройкой, ковриком, с симметрично предстоящими и сидящими вокруг мужчинами-воинами и женщинами и т.п. Гравер, изготовивший пластину, уделил особое внимание параллельным складкам тканей одежды. У конного персонажа слева (и отчасти у его соседей) видим облегаяющий голову башлык с широким и длинным назатыльником, кафтан длиной до колен со скошенными бортами, длинные чулки-ногoviцы с характерным трехчастным кроем (ср. изображения всадника на ковре из Пазырыка и на бляшках из Тенлика) и, видимо, парадное ожерелье. Вероятно, с территории Казахстана или Южной Сибири происходит золотая полихромная полуовальная пластинка пояса (?), выставленная в 1992 г. на продажу в нью-йоркской галерее Тэйсей (Taisei Gallery, 1992, No 170): здесь коленапоклоненный богатырь борется с огромным змеем. У мужского персонажа – короткий кафтан со скошенными бортами (выделена кайма бортов и рукавов), полы которого скреплены узким поясом практически без запахивания при отсутствии рубахи и короткая прическа без пробора. Интересно, что на собственных изображениях среднеазиатских номадов до II в. до н.э. нет кафтанов со скошенными назад нижними краями бортов, которые явно были стереотипным элементом внешнего облика племен данного региона в искусстве Ахеменидов (ср. Яценко, 2011б, рис. 1-5).

Особый интерес представляют полихромные антропоморфные изображения на образцах текстиля иранских народов следующего, парфяно-сарматского периода. К числу наиболее ценных изображений бактрийских юэчжей следует отнести фрагмент бактрийского ковра I в. до н.э. с фигурами пяти мужчин, найденный в 2009 г. в Ноин-Уле (Монголия), и ткань с воином-копейщиком из могилы 1 в Шампуле I (I в. н.э., Хотанское княжество, Синьцзян) (Ursprünge, 2007, с. 213). Видимо, кочевой всадник-лучник представлен на ткани III в. н.э. из могилы 69 в той же Шампуле (Baumer, 2002, S. 23, Abb. 19-20).

Литература:

- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М., 1978.
 Алтынбеков К., Алтынбекова Д.К. Исследования и реконструкция костюма по материалам кургана Аржан-2 // Интеграция археологических и этнографических исследований: матер. XVIII симпозиума. – Казань, 2010. – Ч. 1. – С. 253-255.

Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда, 2007. – С. 173-181.

Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопочному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб., 1996. – С. 89–102.

Глушкова Т.Н. Технологическая характеристика пазырыкского текстиля с плато Укок // Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск, 2005. – С. 170-193.

Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Балакина Г.Г. и др. Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н.э. (опыт междисциплинарного исследования). – Новосибирск, 2006.

Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. – М., 2000.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. – М., 1989.

Яценко С.А. (а). Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). Изд. 2-е, доп. М., 2011. // Режим доступа: <http://www.narodko.ru/article/yatsenko/eurazia/glava1/> (глава 1).

Яценко С.А. (б). Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3.

Baumer Ch. Die Südliche Seidenstrasse Inseln im Sandmeer. Versunkene kulturen der Wüste Taklamakan. – Mainz, 2002.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der scythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. – Berlin, 2010.

Han Jianye. Underground World of the Nomadic Peoples along the Great Wall (770-221 BC) // The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. – Ordos, 2008. – P. 193-206.

Taisei Gallery. Gold and Silver Auction. Part II. Antiquity to Renaissance. – New York, 1992.

Ursprünge der Seidenstrasse. Sensationelle Newfunde aus Xinjiang, China (Hrs. A. Wiczorek, Ch. Lind). – Mannheim, 2007.

Могильник раннего железного века Жасыбай 3

Летом 1982 г. по заданию Павлодарского областного историко-краеведческого музея один из отрядов археологической экспедиции Карагандинского государственного университета проводил исследования в окрестностях озера Жасыбай в Баянаульском районе Павлодарской области. Тогда же были проведены раскопки двух курганов могильника Жасыбай 3. Он находится на северном побережье озера Жасыбай (старое название – Шоиндыколь), в 150 м к СВ от дома отдыха «Литейщик», на аллювиальной террасе высотой 4 м от уреза воды. Памятник состоит из 4 курганов с каменными насыпями, вытянувшихся изогнутой цепочкой по линии ЮЮЗ – ССВ на расстояние 70 м.

Курган 1 высотой 0,3 м, диаметром 9 м.

Курган 2 высотой 0,5 м, диаметром 10 м.

Курган 3 имеет высоту 0,5 м и диаметр 9 м.

Курган 4 высотой 0,5 м, диаметром 9,5 м.

Курганы сложены из необработанных камней и плит различной величины (от булыжников до полутораметровых камней) и сравнительно хорошо задержаны.

Раскопаны курганы 1 и 2. Раскопки велись вручную, с оставлением бровок по линии С-Ю.

Вершина кургана 1 уплощенная, из дерна слегка выступали плиты и камни. При разборке каменной насыпи выяснилось, что в центральной части кургана камней нет на глубину 0,5 м. Стратиграфия следующая: 0,05–0,1 м – дерн, над могилой черный гумуссированный слой толщиной 0,55 м. Под каменной насыпью южнее могилы фиксировался глиняный выкид из могильной ямы, имевший в плане форму подковы длиной 4 м, шириной 1,25 м, толщиной 0,2 м. Под выкидом и камнями зафиксирован слой погребенной почвы мощностью 0,1–0,15 м.

Могильная яма фиксировалась в центре кургана в виде скопления камней, уходивших вглубь. Пространство между камнями было заполнено черным гумусированным грунтом, постепенно светлевшим и сменившимся в яме сплошным серым грунтом. Размеры могилы – 2,5 x 1,8 м, глубина 1,75 м (от условного нуля у подножия кургана). Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Она была заполнена крупными камнями. В северной части могилы на глубине 1,7 м лежал череп человека, теменем вверх, плохой сохранности. Пол женский, возраст около 30 лет, тип, безусловно, европеоидный.¹

¹ Антропологические определения В.А. Дремова.

Других находок в могиле нет. В южной части могилы был небольшой подбой, шириной 0,2 м. Могила, очевидно, была разграблена в древности и забросана камнями.

При разборке насыпи у северного края могилы был обнаружен сосуд в развале, лежавший на глубине 0,15 м от нуля. Сосуд ручной лепки, темно-коричневого цвета, неравномерно обожженный. В тесте – большая примесь дресвы. Сосуд, вероятно, имел банковидную форму, на расстоянии 10 см от венчика имел две формованные цилиндрические ручки. Диаметр сосуда по венчику 18,5 см, по днищу – 13 см, реконструируемая высота – 22 см.

Курган 2 конструктивно не отличается от кургана 1. Стратиграфия та же, что и в кургане 1. Могильная яма овальной формы и также была заполнена камнями, но она вытянута в широтном направлении. Размеры ямы 3 х 2 м, глубина 1,85 м от нуля. Выкид из могилы более мощный, чем в кургане 1 и располагался к северу и югу от могилы в виде двух подков. В юго-западной части могилы на глубине 1,6 м найден череп человека, в восточной части, на глубине 1,3 м – тазовые кости. В могиле был погребен мужчина 16-18 лет, безусловно, европеоидного типа.

В восточной части кургана на уровне погребенной почвы был обнаружен фрагмент верхней части сосуда ручной лепки, украшенного жемчужинами, выдавленными изнутри.

Курганы 3 и 4 по внешнему виду аналогичны раскопанным.

Курганы 1 и 2 полностью разграблены в древности, но по сохранившимся фрагментам керамики могут быть отнесены к эпохе ранних кочевников. Керамика с рядом жемчужин под венчиком в последние годы выявлена на ряде поселений начального этапа раннего железного века Сарыарки (Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В., 2008; Бейсенов А.З., Ломан В.Г., 2009). Таким образом, устанавливается связь между памятниками погребальными и поселенческими, относящимися к началу железного века Казахстана.

Литература:

Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В. Кыштан – центрально-казахстанское поселение эпохи раннего железа // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 241-245.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы, 2009. – 264 с.

Материалы ранних кочевников с поселений Северо-Восточного Казахстана

В изучении памятников раннего железного века Северо-Восточного Казахстана остается совершенно не исследованной проблема поселенческих комплексов Правобережного Прииртышья. В то время как на этой территории Павлодарской археологической экспедицией выявлены десятки памятников, содержащих материалы переходного и раннескифского времени. За два с лишним десятилетия здесь собраны многочисленные коллекции, происходящие как с небольших местонахождений и стоянок ранних кочевников, так и с хороших однослойных и одновременных поселений. В этой связи еще раз необходимо отметить, что в ряде мест региона топография расположения стоянок и поселений ранних кочевников нередко совпадает с топографией неолитических стоянок и поселений эпохи ранней бронзы (Мерц, 2006, с. 73). Это дает дополнительные возможности для попутного выявления как раннекочевнических местонахождений, так и более древних памятников со сходной топографией.

В этой связи необходимо отметить, что основные материалы данных памятников представлены керамическими сериями, которые и являются важнейшими источниками и объектами изучения данных памятников, затем идут каменные инструменты и металлические предметы, поэтому основное внимание при изучении материалов этих памятников будет уделено керамике как наиболее массовому материалу.

Такие памятники известны вдоль правого берега Иртыша, где они приурочены к первым надпойменным террасам реки и перекрывают более ранние напластования, а в ряде мест погребены под многометровыми песчаными дюнами. Наиболее исследованные памятники такого типа в Павлодарском Прииртышье находятся на Шаукенском археологическом комплексе, расположенном севернее г. Павлодара. Это поселения Шауке 1, 3-6, Типкаши 3-4. На них собрана керамика раннескифского времени, представленная фрагментами горшков с закрытым горлом, иногда украшенных жемчужными рядами или редкими нарезными зигзагами по верхней части, бронзовыми наконечниками стрел, проколками, обломками ножей и других предметов, а также остатками медеплавильного производства в виде всплесков и капель металла, абразивными инструментами из камня и т.д.

Другая группа памятников, зафиксированная нами, расположена среди объектов Семиярского археологического комплекса и других памятников в Бескарагайском районе ВКО, где они приурочены в основном к стыку первой

надпойменной и коренной террас Иртыша и на ее поверхности у небольших понижений и озерных котловин (Мерц, 2004, 2006). Это стоянки Чемар 1, 3-7, Кара-Оба 4, 8, 6, 12, – 16, 18, Нурбай 4-6, 8, 9, Лесное 1 и другие. Здесь так же собраны очень интересные и многочисленные керамические коллекции, бронзовые и каменные предметы.

Третья группа расположена в степной части региона у соленых озер и на краю боровых участков. Это поселения Кызылтуз, Борлы, Баргана 1-2, Шарбакты 1-2, 6, Пшенды, Журек, Есенбай, Жарыктас 1-4, Тюмень 1-3, Карамурза и другие. Среди них выделяются поселения Шарбакты 1 (Мерц, 1999; Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц, 2000) и Кызылтуз. Оно расположено на северном берегу горько-соленого оз. Кызылтуз в 1 км к СЗ от одноименного села. Памятник обнаружен в 2001 г. автором настоящего сообщения. Поселение приурочено к краю обрывистого берега высотой до 5 м, перекрытого небольшими дюнами мощностью около 1 м, из-под которых обнажается культурный слой, представляющий собой черный, сажистого цвета, песок. В местах обнажений на площади около 100 кв.м. в течение ряда лет периодически проводились сборы подъемного материала. Он представлен фаунистическими остатками, обломками каменных предметов, медных шлаков и крупными фрагментами керамики раннего железного века с жемчужинами, вдавлениями и редкими нарезными элементами орнамента.

Особый интерес в коллекции вызывают крупные фрагменты небольшого плоскодонного сосуда горшечной формы с закрытым горлом и уплощенным срезом венчика, под которым проходят ряды жемчужин. Между жемчужинами начинаются косые извилистые тонкие линии, доходящие до средней части сосуда. В верхней части сосуда сразу под венчиком находится короткий сливной носик округлой формы. Есть также фрагменты стенок крупных сосудов закрытой формы. Один из них с широким приплюснутым венчиком, отгибающимся наружу и местами внутрь. Под венчиком с внешней стороны острым широким предметом нанесены глубокие вдавления. Другой фрагмент имеет закругляющийся внутрь венчик, под которым изнутри сделаны глубокие вдавления пальцем с ногтевыми отпечатками. Имеются фрагменты венчиков и других сосудов с вдавлениями и жемчужинами и ровные стенки небольшого толстостенного сосуда без дна, вероятно, льячки.

Подобная керамика характерна для поселений ранних кочевников Центрального Казахстана. Это сосуды закрытой формы и с отогнутым венчиком, украшенные вдавлениями и жемчужинами (Бейсенов, Ломан, 2009; Бейсенов, Мерц 2010). Встречаются также сосуды со сливами, они известны на поселениях Сарыбуйрат, Керегетас 2, Едирей 1 (Бейсенов, Ломан, 2009, с. 170, 205, 219).

В отличие от других памятников региона, это поселение хорошо сохранилось, практически не содержит примесей инородного материала и, видимо, является однослойным, поэтому его изучение имеет определенные перспективы. Коллекция собранных с него материалов сейчас уже составляет около 500 пред-

метов. Все эти обстоятельства позволяют считать его первым базовым объектом для изучения хозяйственной деятельности ранних кочевников Правобережного Прииртышья.

Среди памятников Семиарского археологического комплекса наиболее многочисленная коллекция керамики ранних кочевников собрана на поселении Чемар 6, обнаруженном в 2003 г. (Мерц, 2004, с. 167). Памятник расположен северо-западнее развалин фермы Чемар, среди эродированных участков на некогда распаханных небольших песчаных дюнах. Судя по собранному материалу, здесь также было крупное поселение ранних кочевников, о чем говорит и большой курганный могильник, расположенный на краю коренной террасы в 1,5 к юго-востоку, где фиксируется не менее 80 погребальных сооружений, кроме того, часть курганов была разрушена построенной через могильник автодорогой. Керамическая коллекция этого памятника, где присутствуют фрагменты раннебронзовой и андронидной керамики, а также каменные и бронзовые предметы, весьма многочисленна и нуждается в специальном изучении.

Из материалов раннего железного века, собранных на этом поселении, интересны крупные фрагменты и развалы различных лепных сосудов горшечной формы с отогнутым венчиком и закрытые. Здесь также имеются обломки небольших сосудов с округлыми сливными носиками и мелких тонкостенных сосудов с открытым горлом, профиль одного из которых удалось восстановить. В коллекции присутствуют как небольшие тонкостенные сосуды крышкообразной формы с отогнутым венчиком, так и более крупные аналогичной формы. Горшки с чуть загнутым внутрь краем венчика и редкими вертикальными вдавлениями по ним, с наплывом края венчика наружу за счет крепления к нему изнутри дополнительного кольца глины и частыми вертикальными вдавлениями под венчиком, с наплывом венчика наружу и формованным на шейке валиком, с загибами внутрь, вдавлениями с наружной стороны и жемчужником. Подобная керамика с открытым и закрытым горлом, вертикальными вдавлениями под венчиком известна также на поселении Едирей 1 (Бейсенов, Ломан, 2009, с. 217).

Необходимо отметить так же сходство поселения Кызылтуз и Чемар 6 с одной стороны, и поселения Едирей 1 с другой, по некоторым типам керамики, прежде всего, сосудов со сливами и вертикальными вдавлениями. Универсальная грубая посуда с жемчужником и вдавлениями характерна почти для всех названных объектов Прииртышья, Сарыарки и лесостепного Алтая (Шульга, 1998). Еще больше сходства между материалами памятников этих регионов можно будет найти при более детальном рассмотрении данных материалов. Однако, выявленные нами аналогии керамическим комплексам Правобережного Прииртышья среди поселенческих комплексов Сарыарки и Алтая, между которыми они занимают промежуточное положение, отражают не только взаимосвязи населения этих регионов, но и их культурное единство.

Литература:

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы, 2009. – 264 с.

Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района реки Шидерты // Изв. НАН РК. – 2010. – № 1 (274). – С. 40-45.

Мерц В.К. Новые материалы по археологии приграничных районов Казахстанского Прииртышья // Михайловский район. Очерки истории и культуры. – Барнаул, 1999. – С. 70-74.

Мерц В.К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана: тр. научн.-практич. конф. «Маргулановские чтения». – Алматы, 2004. – С. 165-169.

Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул, 2006. – С. 73-82.

Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследования поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востокведные исследования на Алтае. – Барнаул, 2000. – С. 5-20.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катунь // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 146-164.

Керамические комплексы поселений раннего железного века Центрального Казахстана: типологический и технологический аспекты изучения

За последние годы Сарыаркинской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством А.З. Бейсенова на территории Каркаралинского района Карагандинской области найдено более полутора десятков стационарных поселений раннего железного века.

На шести из них той же экспедицией были проведены раскопки. Это поселения Сарыбуйрат, Кызылсуир-2, Туйетас, Керегетас-2, Едирей-1, Едирей-3.

Керамика всех поселений эпохи раннего железа обладает поразительным внешним сходством, что позволяет рассмотреть ее как единый комплекс с целью выделения общих признаков.

Общее количество изученных сосудов, подсчитанное по фрагментам с венчиками, составило не менее 355 экз. По форме тулова сосуды распределились на три категории: горшки (28,2%), банки (27%) и чашки (сосуды высотой 5–6 см с диаметром устья 5–7 см — 3,9%). Форма 40,6 % сосудов неопределима из-за незначительной площади фрагментов. Суммарно по всем поселениям горшки и банки представлены примерно одинаково. Если же обратиться к конкретным памятникам, то на поселении Сарыбуйрат заметно преобладают горшки, а на поселениях Едирей-3 и Керегетас-2 — банки. Чашки отмечены только на поселениях Керегетас-2 и Сарыбуйрат.

По форме шейки и перехода к тулову горшки можно разделить на три типа:

- 1) с короткой прямой шейкой, переходящей к тулову под тупым углом (7%);
- 2) с короткой прямой или слегка вогнутой шейкой, плавно переходящей к тулову (55%);
- 3) с намечающейся шейкой, плавно переходящей к слабо раздутому тулову (38%). По форме горшки этого типа приближаются к банкам.

Некоторые сосуды, в основном банки, имели дополнительные детали функционального назначения — петлеобразные ушки, плоские горизонтальные ручки, трубчатые носики, сливы.

Венчики сосудов — округлые (59,5%), уплощенные (36,6%), желобчатые (2,8%) и заостренные (1,1%).

Округлые и уплощенные венчики имеют несколько разновидностей — отогнутые наружу или вовнутрь, с внутренним или внешним скосом, утолщенные и грибовидные, с внутренним и внешним карнизом.

Украшались сосуды по большей части одним горизонтальным рядом «жемчужин» (26,2%), глубоких ямок (39,7%), пальцевых вдавлений (16,6%). Отметим, что ямки преобладали над «жемчужинами» на поселениях Кызылсуир-2 и Сарыбуйрат, а на поселениях Едирей-1, Едирей-3 и Керегетас-2, наоборот, — «жемчужины» над ямками. Это, несомненно, относится к незначительным культурным особенностям отдельных поселений, так же как и те элементы орнамента, которые встречаются единично на каждом памятнике: горизонтальные однорядовые и многорядовые зигзаги, вертикальные и горизонтальные отпечатки гладкого и гребенчатого штампа, треугольные, прямоугольные и овальные вдавления, валики, «пиктограммы».

На некоторых сосудах ямки или пальцевые вдавления чередовались с ногтевыми вдавлениями или прочерченными линиями, на одном — «жемчужины» были заключены в углы зигзага.

Помимо типологического, керамические комплексы поселений были подвергнуты технико-технологическому анализу, проведенному по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978) с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10. Программа исследований включала анализ исходного сырья (глин), состава формовочных масс, способов конструирования сосудов и обработки их поверхности. На основе устойчивых сочетаний приемов изготовления начина и полого тела определялись технологические схемы, по которым изготавливалась керамика памятника.

Технико-технологический анализ керамики обнаружил, что набор традиций отбора исходного сырья, составления формовочных масс и конструирования посуды был практически одинаков на всех памятниках.

Везде значительно преобладает использование в качестве исходного сырья среднежелезистых глин, за которыми следует применение сильножелезистых глин. На поселениях Сарыбуйрат и Едирей-3 встречено по одному образцу из т.н. илистых глин — явно «импортные» для них экземпляры.

На уровне составления формовочных масс керамика делится на три основные группы: 1 — с дресвой; 2 — с песком; 3 — с шамотом. Традиция использования песка была основной на поселениях Сарыбуйрат, Кызылсуир-2 и Керегетас-2, традиция использования дресвы — на поселениях Едирей-1 и Едирей-3, причем везде предпочиталась крупная размерность и даже гравелитовая фракция (от 3 до 10 мм). Образцы с шамотом единичны и, скорее всего, являются привозными.

Выявлено две программы конструирования начинов — емкостная (57,1%) и донно-емкостная (42,9%).

По способам изготовления емкостные начини делятся на 1) лоскутно-комковатые, 2) спирально-жгутовые, 3) изготовленные из лент по кольцевой траектории с боковым наложением. Донно-емкостные начини изготовлены только спирально-жгутовым способом.

Выделяется пять технологических схем, по которым производилась керамика:

- 1) донно-емкостный начин и спирально-жгутовое полое тело,
- 2) емкостный начин и спирально-жгутовое полое тело,
- 3) емкостный начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории,
- 4) емкостный начин и лоскутно-комковатое полое тело,
- 5) емкостный начин и полое тело из лент по кольцевой траектории.

Каждая такая схема соотносится с отдельной этнокультурной группой населения, имевшей свои гончарные традиции. Таким образом, население, оставившее рассмотренные памятники, было неоднородным по своему происхождению и имело смешанный характер.

Взаимодействие указанных групп, как мы видим, успело сказаться только на морфологических особенностях глиняной посуды. Керамические комплексы исследованных поселений внешне имеют единый облик, отличающийся следующими общими чертами:

1) по форме тулова сосуды делятся на две основные категории — банки и горшки, причем количество банок может быть приблизительно равным количеству горшков или же преобладать над ним;

2) наличие емкостей с определенным функциональным назначением, находящим отражение в деталях конструкции — это сосуды с ушками, ручками, носиками и сливами, а также небольшие чашки;

3) орнамент состоит главным образом из расположенного под венчиком ряда «жемчужин», глубоких ямок или различных вдавлений;

4) разнообразное оформление венчиков, как бы компенсирующее бедность орнамента: встречаются грибовидные, с карнизом, утолщенные, желобчатые и др.

Рассмотренные нами памятники представляются однокультурными с группой поселений раннесакского времени, выделенной М.К. Хабдулиной (Хабдулина, 2003, с. 189–214). В эту группу следует включить и содержащие сходный материал поселения раннего железного века, открытые на Алтае.

По прямым аналогиям с керамикой датированных памятников эпохи раннего железа можно попытаться приблизительно определить время существования наших поселений.

На поселениях Мереть (Членова, 1994, рис. 41, 10) и Маякова Гора (там же, рис. 49, 15) в Западной Сибири были найдены банки с прочерченным зигзагом

и «жемчужинами», точно такие же как на поселении Кызылсуир-2. Указанные западносибирские поселения относятся Н.Л. Членовой к типу, переходному от ирменской культуры к культурам раннего железного века (Членова, 1994, с. 73) и датируются ею VIII–VII вв. до н.э. и VII–VI вв. до н.э. Подобный орнамент встречается на керамике раннего железного века Горного Алтая, например, поселений Партизанская Катюшка и Асгат-2 (Шульга, 1998, рис. 4, 2, 8; рис. 5, 1, 3), относимых к VI–II вв. до н.э. (Шульга, 1998, с. 149). Керамика скифского времени поселения Партизанская Катюшка имеет много общего с керамикой поселений раннего железного века Казахстана — те же формы венчиков и тот же ямочно-жемчужный орнамент (Шульга, 1998, рис. 6,7). Исходя из этого, дата поселения Кызылсуир-2 может быть установлена в пределах VII–VI вв. до н.э.

Сосуды с арочными налестками над отверстием в стенке, аналогичные сосуды из поселения Сарыбуйрат, также были обнаружены в комплексах скифского времени Горного Алтая (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 3, 6, 10; рис. 76, 1; рис. 90, 2; рис. 97, 5, 6; рис. 103, 3; рис. 104, 5; рис. 106, 6), которые датируются концом VI – началом V вв. до н.э. или V–IV вв. до н.э. (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 36, 106–118). Вероятно, и время существования поселения Сарыбуйрат было близко к V в. до н.э.

Наиболее ранним представляется поселение Едирей-1, отдельные сосуды которого имеют сходство с донгальской керамикой, вплоть до повторения наиболее типичной композиции из валика в сочетании с «жемчужинами» под ним. Если дата донгальского типа керамики не раньше VIII в. до н.э. (Ломан, 2003), то поселение Едирей-1 можно датировать VII в. до н.э.

Вообще же по материалам раннесакских поселений Казахстана определяется явная связь их керамики с донгальской. Именно в донгальских керамических комплексах появляются те внешние особенности, которые наблюдаются впоследствии на сосудах эпохи раннего железа:

- 1) грибовидные венчики, венчики с карнизами и желобчатые венчики;
- 2) «жемчужины», зашипнутые с боков;
- 3) слабопрофилированные горшки с намечающейся шейкой, подобные 2-му типу горшков РЖВ;
- 4) горшки с короткой прямой шейкой, переходящей к раздутому тулову под тупым углом — 3-й тип горшков РЖВ.

Кроме того, часть донгальских гончаров делала керамику с донно-емкостными начинками и спирально-жгутовым полым телом. Керамика этой же технологической группы зафиксирована на каждом поселении эпохи раннего железа.

Таким образом, несомненно, что в формировании состава населения Казахстана эпохи раннего железа принимали участие «донгальцы» — потомки носителей саргаринско-алексеевской культуры финальной бронзы. Аналогичные процессы, очевидно, проходили и в степях юга Западной Сибири (Папин, 2006, с. 443).

Литература:

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. – М., 1978. – 272 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. – Барнаул, 2004. – 292 с.

Ломан В.Г. К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Книга 1. – С. 290–293.

Папин Д.В. Степная полоса юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск, 2006. – Т. 1. – С. 442–444.

Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1: Древние эпохи. – Астана, 2003. – С. 189–214.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М., 1994. – 170 с.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 146–164.

Чотбаев А.Е.

Комплекс вооружения раннего железного века Сарыарки

Сарыарка – территория расселения племен, создавших своеобразную культуру раннего железного века, которую в свое время выделил М.К. Кадырбаев (Кадырбаев, 1966). Тасмолинская культура является трансформацией предшествующей культурной традиции эпохи бронзы, о чем свидетельствуют многочисленные погребально-поминальные памятники раннего железного века, в которых еще сохраняются отголоски, характерные для позднебронзового периода. Среди предметного комплекса вооружение является показателем хода трансформации культуры. Примитивные и в то же время эффективные для своего времени предметы вооружения эпохи бронзы используются в начальной стадии формирования новой археологической культуры. В начале I тыс. усовершенствуются имеющиеся предметы вооружения, а также появляются более качественные формы оружия. Этот процесс продиктован временем, наполненным войнами, где каждый член общества становится защитником, а война становится смыслом жизни. Одним из факторов, повлиявших на общественные отношения, это качественно новое скотоводческое хозяйство, которое, в свою очередь, поставило перед древними племенами проблему недостаточности пастбищных земель. Эта проблема решалась главным образом с помощью войны. В свете данных событий в древних обществах война постепенно становится постоянным промыслом и источником обогащения. Таким образом, кочевой образ жизни не препятствовал развитию искусства ведения войны, напротив они обоюдно дополняли друг друга.

Предметы вооружения происходят из погребальных памятников. В раннесакское время на данной территории использовались двухлопастные втульчатые и черешковые наконечники стрел. Наиболее яркими в типологическом аспекте являются наконечники из кургана 5 ж могильника Карамурун, где слева от захоронения находились остатки колчана с большим набором стрел (46 экз.), обращенных наконечниками к ногам. Наконечники двухлопастные втульчатые, трехлопастные черешковые, а также имеется один экземпляр двухлопастного с удлиненным черешком. Как правило, колчаны положены слева вдоль бедренной кости, кинжалы справа у бедра.

Материалы из данного региона показывают, что в раннесакское время здесь бытовали наконечники двух типов: втульчатые двухлопастные, трехлопастные черешковые, редко двухлопастные черешковые. В последующее время появляются разнообразные формы наконечников стрел, что характерно и для остальных регионов Казахстана.

Среди предметов вооружения рассматриваемого региона встречаются кинжалы. Самым ярким из них является кинжал из кургана 1 могильника Нурманбет IV. Кинжал отличается от остальных массивной волнистой рукоятью. Рукоять кинжала украшена орнаментом в виде волн или капель. Такой орнамент в Казахстане известен с эпохи бронзы. Аналогичные кинжалы найдены возле поселка Марийнск Кокшетауской обл. (Грязнов, 1956), на территории распространения ананьинской культуры (Авдусин, 1972). Волнистость рукояти и каплевидный орнамент на нем является особой чертой, характерной для Центрального и Северного Казахстана.

Навершие кинжала, найденного возле города Петропавловск, украшено образами зверей, но конкретно определить вид животного сложно. По аналогиям и схематичности можно предположить, что здесь изображены голова кабана или медведя.

Оружием ближнего боя также являются чеканы. Наиболее яркий чекан из Северного Казахстана найден возле оз. Боровое. Обушок втульчатого чекана выполнен в виде скульптурного изображения архара (Кадырбаев, 1966, с. 403, рис. 66, 79). На бляшке, найденной в кургане Нуркен-2, присутствует образ воина, вооруженного чеканом (Бейсенов, 2011, с. 20). Вооруженные чеканом воины встречаются и на наскальных изображениях.

Возможно, копьё в этот период не являлись основным видом вооружения или использовались редко, так как они не присутствуют среди погребального инвентаря.

Из вышеприведенного комплекса вооружения, ясно, что воинский контингент состоял наполовину из лучников, а остальная половина имела на вооружении кинжал и редко чекан.

Для дистанционного боя использовались лук и наконечники стрел с втульчатым и черешковым насадом. Сам лук в погребальных комплексах не фиксируется, но на каменных бабах и миниатюрных фигурках всадников имеются их изображения. На всех изображениях лук положен в налучье и подвешен к поясу с левой стороны. По сохранившимся стрелам от наконечников можно предположить, что в раннесакское время воины-лучники пользовались простым луком. Колчаны воинов раннесакской эпохи представлены традиционным для Казахстана набором бронзовых втульчатых и черешковых наконечников стрел. Многообразие форм и типов, характерных для этого времени, свидетельствует о высоком уровне военного дела. У модифицированных втульчатых двухлопастных наконечников утяжеляются головки, появляются шипы на втулке. Возможно, результатом экспериментальных поисков следует считать опыт изготовления четырехлопастных стрел. Во всех памятниках колчаны положены слева от погребенного, вдоль берцовой кости. Колчаны встречаются не во всех погребениях, а также фиксируются фрагментарно. Наконечники, как правило, положены остриями вниз. Удобное расположение наконечников в колчане спо-

собствует воину – всаднику мобильно произвести выстрел, так как быстрота и ловкость определяет исход боя.

На вооружении воинов VIII-VII вв. до н.э. находились бронзовые кинжалы двух типов: с шипастым и крышевидным перекрестием. С VII в. до н.э. появляются кинжалы с почковидным перекрестием. В ассортименте вооружения воина-всадника также имелся чекан. Кинжалы поставлены справа от скелета. По расположению предметов вооружения в погребениях можно предположить, что колчаны со стрелами и кинжалы носили прикрепленными на поясе. Пояса как один из видов воинской экипировки встречаются в комплексах вместе с предметами вооружения. На территории Казахстана известно несколько таких комплексов. В свое время М.К. Кадырбаевым были зафиксированы три экземпляра наборных поясов (Кадырбаев, 1966, с. 346, рис. 39). Четвертый пояс был найден в Майкубинском могильнике и датирован А.З. Бейсеновым VI-V вв. до н.э. (Бейсенов, 2001, с. 66-71). Аналогичные изделия найдены в могильнике Алыпкаш и возле поселка Вавилонка Семипалатинской области (Киселев, 1951, с. 299, табл. XXIX, 7), а также из Южного Зауралья, Горного Алтая и Памира.

Опираясь на вышеуказанный видовой состав предметов вооружения, можно предположить, что воины тасмолинской культуры в основном использовали лук и стрелы, а также битва начиналась обстреливанием из луков с определенной дистанции, в ближний бой они вступали только тогда, когда численность вражеского войска понижалась. Таким образом, они предпочитали дистанционные бои, в ближний бой вступали в крайнем случае. Такое предположение подтверждает сообщение Геродота, что во время битвы с Киром (старший) «вначале оба войска обстреливали друг друга из луков на значительном расстоянии, потом, когда стрелы были истощены, перешли в рукопашную» (Мишулин, 1947, с. 255). А также в данном сообщении, указано, что они «бились копьями и мечами». Этот отрезок рассказа противоречит археологическим данным, так как копья и мечи в VIII-VII вв. до н.э. на данной территории встречены крайне мало. По археологическим данным они могли использовать кинжалы и чеканы. На бляшке из кургана Нуркен-2 изображено несколько фигур экипированных воинов. Здесь мы можем четко разделить пеших воинов и всадников. Один из воинов как мы уже говорили, вооружен чеканом. Чеканы считаются одной из ведущих форм оружия ближнего боя в эпоху ранних кочевников. По мнению некоторых, они применялись также при совершении культовых обрядов. В случае, если чекан имел длинную рукоять, то его могли использовать конные воины, в частности, против пешего противника (Кочеев, 1999, с. 74-82, 75-76).

Вопрос о социальном статусе воинов и разносторонних функциях оружия в казахстанской археологической науке еще не был объектом специальных исследований. Собранные археологические материалы на сегодняшний день позволяют, в какой-то степени, рассмотреть некоторые вопросы социального строя.

В освещении данной проблемы важны скифские параллели, у которых на сегодняшний день хорошо изучены экономические, идеологические и общественные структуры.

В результате многостороннего анализа рассматриваемых предметов можно утверждать о следующих функциях: собственно военная, социальная маркировка, сакральная.

Одним из не решенных на сегодняшний день вопросов является технология изготовления оружия, защитной экипировки, определения мастерских или центров по производству военного снаряжения номадов, которые, несомненно, существовали на территории тасмолинской культуры, располагающей богатым сырьевым ресурсом. Возможно, в обществе номадов имелись специальные группы мастеров-оружейников и наставников по военному искусству.

Таким образом, по обилию предметов конского снаряжения и комплексу вооружения из памятников можно утверждать, что армия тасмолинцев состояла из конных стрелков и пеших воинов, вооруженных луком, кинжалом и чеканом, экипированных защитной одеждой и щитом.

Литература:

- Авдусин Д.А. Основы археологии. – М., 1972.
 Бейсенов А.З. Майкубенские курганы середины I тыс. до н.э. в Центральном Казахстане // Изв. АН, сер. обществ. наук. – 2001. – № 1.
 Бейсенов А.З. Сарыарқа – далалық өркениеттің алтын бесігі. – Алматы, 2011.
 Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИМК. – 1956. – Вып. 61.
 Мишулин А. В. Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР // ВДИ. – 1947. – № 2.
 Кадырбаев М.К. Тасмолинская культура // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.
 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.
 Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 1999. – № 4.

Кузнецова Э.Ф., Дегтярева А.Д., Ермолаева А.С.

Технология изготовления бронзовых изделий из могильников Шульбинского микрорайона

Металлические изделия исследуемых памятников распределены на группы по хронологическому признаку в соответствии с датировкой памятников, из которых они происходят. Внутри групп дана предметная характеристика и морфологические особенности каждого изделия, распределенного на категории по функциональному признаку. Проведен сравнительный анализ изделий с аналогичными предметами других синхронных культур, что позволило выделить общее и особенное. Категории изделий немногочисленны, что не позволило создать классификационные схемы.

I группа изделий из федоровских погребений АКЮО (могильники Беткудук, Джаргас, Малое Карасу). Бронзовые изделия сохранились в небольшом количестве и представлены предметами украшения: серьга с раструбом, подвески желобчатые (2), бусы пластинчатые (10), завиток спиральный.

Серьга с раструбом изготовлена из круглого в сечении прута, слегка сплюсненного с боков и свернутого в кольцо. Один конец ковкой заострен, а другой расплюснен и свернут в конический раструб. Изготовлена из высокооловянной бронзы с характерным набором примесных элементов: свинца, мышьяка, цинка десятые доли процента.

Аналогичные серьги найдены в могильниках Малый Койтас и Зевакино в Восточном Казахстане, в могильниках федоровского времени Северного и Центрального Казахстана, в Жетысу (Грязнов, 1927, с. 25, 7; Оразбаев, 1958, табл. IV, V; Арсланова, 1975, с. 75-76, рис. 2, 1-2).

Подвески круглые в полтора оборота – первый вариант подвесок по типологии Н.А. Аванесовой, являлись деталями головного убора. Сделаны из желобчатой оловянно-свинцовой бронзовой пластины. Автор классификации указывает на широкое распространение этого типа украшений от Трансильвании до Алтая (Аванесова, 1975, с. 68, рис. 1, 22-28, с. 70-72, с. 71, рис. 2).

Бусы пластинчатые изготовлены из плоских узких пластин путем сгибания их в колечки и сведения вплотную или заведения друг за друга концов. Изготовлены из оловянной бронзы с повышенным содержанием фосфора и значительными количествами свинца. Бусы были украшением женской обуви, а также других частей женской одежды. Имели широкий хронологический и территориальный диапазон.

Завиток спиральный, свернутый по спирали в трубочку. Изготовлен из тонкой и узкой прокованной пластины, относящейся к категории высокооловянных бронз,

со значительными примесями свинца и фосфора. Украшения в виде спиральных завитков, так же как и пластинчатые бусы, представляли значительную по численности категорию медно-бронзовых изделий в памятниках эпохи бронзы, известны в материалах Алтая и Южной Сибири вплоть до раннего железного века.

В I группу анализируемого металла вошло 14 образцов, которые согласно химико-металлургической характеристике распределилась по двум группам сплавов: оловянные и оловянно-свинцовые бронзы (олова в них от 1 до 15%, свинца от 0,4 до 1%). Бронзы с разными пропорциями оловянного приплова широко использовались в это время в производстве изделий разного назначения и, особенно, при изготовлении украшений. Обращает на себя внимание преобладание свинцового компонента в рассматриваемых бронзах.

II группа изделий финальной бронзы представлена предметами вооружения, быта и украшениями из могильников Темир-Канка и Ковалевка: наконечник стрелы, шило, иглы (6), серьги (2).

Наконечник стрелы двухлопастной со скрытой втулкой и лопастями, опускающимися ниже втулки на 2,5 см. Конец пера обрублен и сточен с двух сторон. Отлит в двухсторонней литейной форме со вставным вкладышем. После отливки изделие подвергнуто незначительной проковке в холодную (степени обжата металла порядка 20%). Отверстие на втулке – дефект литья, образовавшийся в результате соприкосновения вкладыша со створкой формы. Отлит из мышьяковой бронзы, мало олова (0,003%), концентрации сурьмы, свинца, серебра значительны – десятые доли процента. Точной аналогии наконечнику стрелы, представляющему прототип наконечников с жальцами, в памятниках эпохи бронзы не найдено. О распространении их в сакскую эпоху подтверждает находка двух аналогичных наконечников с очень узкими лопастями в памирском могильнике Шаймак VII – VI вв. до н.э. Второй шаймакский наконечник, кроме очень узких лопастей, имеет обрезанную втулку таким образом, что концы лопастей превращаются в шипы, что максимально сближает его с наконечником из Темир-Канки (Литвинский, 1972, с. 94, табл. 34, 8).

Шило четырехгранное в сечении с завитком на верхнем конце, сужается к нижнему заостренному концу. Отлито из оловянно-мышьяковой бронзы. Шило с аналогичным завитком на конце найдено в позднерубном погребении VIII – первой половины VII вв. до н.э. (Лесков, 1971, с. 78, рис. 2, 14). Шилья, петли которых сделаны путем закручивания одного конца, найдены в андроновских могилах Еловского могильника II в Томской обл. (Матющенко, 1969, с. 61).

Иглы для шитья, изготовлены из округло-овальной в сечении проволоки, имеют постепенное утолщение к ушку. Пять изготовлены из низкооловянной и оловянной бронзы и основными примесями из свинца, мышьяка, сурьмы, висмута в десятых долях процента, шестая – из комплексного трехкомпонентного медно-оловянно-свинцового сплава с повышенным содержанием фосфора, висмута, мышьяка. Иглы подобных форм бытуют на протяжении всего бронзового периода.

Серьги. Одна в виде неправильной формы кольца с заходящими друг за друга концами, из которых наружный конец отогнут. Изготовлена из прутка уплощенного с боков, неровного, с утолщением в срединной части, внутренний конец прутка слегка утончен, наружный расплющен. Вторая серьга в виде кольца с сильно заходящими друг за друга, почти до середины, концами, изготовлена из неровного прутка, слегка уплощенного с боков, при этом один конец прутка слегка приострен, а другой заметно утолщен путем приковки с одной стороны прутка тонкой пластинки длиной 1,4 см. Обе изготовлены из низкооловянной бронзы. Серьги подобной формы широко распространены в андроновских погребениях восточных районов и доживают до карасукского времени.

В группе II проанализировано 10 образцов цветного металла финального периода эпохи бронзы. Хотя традиции предшествующей эпохи в общем сохранились (группа оловянно-свинцовых бронз), начинается употребление трехкомпонентных медно-оловянно-мышьяковых сплавов. Наконечник стрелы и шило с завитком из одного погребения могильника Темир-Канка изготовлены из меди низколегированной мышьяком, но при этом шило было легировано еще и оловом. В обоих изделиях свинец по-прежнему показал высокие содержания (десятые доли процента). В группе оловянно-свинцовых бронз значительно повышена концентрация висмута, что может служить индикаторным элементом в поисках рудного источника металла серии рассматриваемых предметов.

Обобщая элементный состав цветного металла поздней и финальной бронзы, можно говорить о преобладании оловянных бронз и их вариантов: оловянно-свинцовых, оловянно-мышьяковых, оловянно-свинцово-мышьяково-сурьмяных. В литературе имеются обширные сведения о роли восточно-казахстанского горнорудного и металлургического центров в производстве древних бронз (Черников, 1960; Берденов, Самашев, Штолльнер, Черны, Ермолаева, Куш, 2004, с. 154-170). Установлено, что рудные ресурсы этого региона обеспечивали своим сырьем, а главное, касситеритовой рудой, не только собственный производственный комплекс, но и соседние территории. В эпоху финальной бронзы организация металлургических работ в Восточном Казахстане достигла своего наибольшего уровня, который не снижался и в раннекочевническую эпоху, по крайней мере, в ранний его период. Поэтому довольно стабилен металл во всей массе находок эпохи бронзы и финального ее периода, где, как уже говорилось, ведущее место занимали медно-оловянные сплавы.

III группа изделий переходного периода от бронзы к железу представлена находками из могильника Измайловка, типологически и функционально относящиеся к разным категориям: предметам быта и вооружения, конскому снаряжению, украшениям и предметам культа. В количественном отношении эта группа представлена значительным набором образцов (23 экз.).

Шило односторонне-четырёхгранное с упором с одной стороны в средней части стержня, утрачен конец острия, Отлитый прутко-заготовка был подвергнут формовке, которая велась в холодную с промежуточными отжигами. Сте-

пень обжигания была высокой, достигая 80%, что получило отражение в волокнистой текстуре металла. Изготовлено из оловянной бронзы. Относится к числу редко встречающихся форм. Дата шильев с упором в средней части определяется на основе аналогии с подобными шильями из среднеазиатских поселений Дальверзин (рубеж II-I тыс. до н.э.) и Яз-Депе (IX-VIII вв. до н.э.) (Заднепровский, 1962, с. 31, табл. XXII, 8; Массон, 1959, с. 48, рис. 34). Однотипное шило найдено вместе с наконечниками стрел на Асу-Булакском руднике в Восточном Казахстане (Арсланова, 1983, с. 120, рис. 1, 45).

Долото втульчатое копьевидное уплощенно-четырёхгранной формы Отлито в двухсоставной литейной форме со вставным вкладышем. Изготовлено из оловянной бронзы с примесными элементами железа и свинца (десятичные доли процента). Является широко распространенным типом в памятниках поздней бронзы Казахстана, Кыргызстана, Южной Сибири (Кузьмина, 1966, с. 27-28, табл. III, 12, 16; с. 13, рис. 6, 3; Гришин, 1971, с. 22, рис. 23, 9, табл. II).

Наконечники стрел пулевидной формы со скрытой втулкой и едва намечающимися узкими лопастями (4 экз.). Изделия прокорродированы целиком, поэтому полностью восстановить технику изготовления не представляется возможным. Отлиты в двухсторонней литейной форме со вставным вкладышем. Изготовлены из оловянной бронзы, в одном образце отмечены десятичные доли процента фосфора. Ф.Х. Арслановой опубликованы 7 экз. совершенно идентичных наконечников стрел в числе предметов, случайно обнаруженных на руднике Асу-Булак в Восточном Казахстане, определен круг аналогий им и дата в пределах IX-VIII вв. до н.э. (Арсланова, 1983, с. 12, рис. 1, 7, 11, 13, 15, 16, 18, 28, с. 123).

В набор металлических предметов конской сбруи и упряжи входили две пары разнотипных удил с соответствующими им по конструкции псалиями, набором пронизей и бляшек-зажимов.

Стремечковидные удила с двухплановым расположением отверстий для псалия и крепления повода. На стержнях по одной стороне нанесен орнамент в виде 11 овально-вытянутых насечек – крупных широких на каждом. На первом звене удила насечки на стержне уменьшаются в размерах по направлению к внутреннему кольцу, превращаясь в тонкие и короткие. На этом конце имеется тонкий желобок, опоясывающий стержень. Стержень слегка изогнут или искривлен от середины и до кольца. Второе звено удила имеет прямой стержень, по форме точно повторяющий первое, но с более заплывшими насечками особенно ближе к кольцу. Вначале было отлито первое звено удила в двустворчатой литейной форме со вставными вкладышами, где кольцо и стремевидное завершение находились в одной плоскости. Затем поверхность звена была зашлифована и ее кольцевая часть заформована в глиняный стержень, который вмонтировался в новую двустворчатую форму, служившую для отливки второго звена удила. Общая схема отливки второго звена удила соответствует той схеме, которая была реконструирована М.П. Грязновым (Грязнов, 1950, с. 45). На первом звене удила

видны риски – следы тщательной зашлифовки, кроме незначительной недошлифовки стремечка с наружной стороны и кольца. После отливки второе звено не подверглось никакой дополнительной обработке, не были сняты литейные швы. Удила отлиты из оловянной бронзы. Эти удила являются почти точной копией единственных удил такой формы из Минусинского музея (колл., № 4831). Н.Л. Членова отмечала уникальность этой формы удил и отсутствие их в комплексах скифского времени, типологически эта форма отнесена ею к предтагарскому времени (Членова, 1967, с. 66). Удила подобной формы характерны для памятников VIII-VI вв. до н.э. На возможное появление удил с большим дополнительным отверстием указывал в свое время еще М.К. Кадырбаев.

Простые стремечковидные удила с прямоугольной формы стремечком, оформленным снаружи аналогично первому типу удил. На стержнях удил несколько кольцевидных нарезок. Первое звено удил: кольцо немного смещено вбок по отношению к стержню, вокруг стержня у кольца одна глубокая узкая и три заплывших плоских нарезок. По краям отверстия стремечка после отливки не убраны швы и наросты, не оформлены углы. Второе звено удил по форме аналогично первому. На стержне около кольца 4 расплывчатые кольцевые нарезки. Отверстие стремечка аккуратно отлито, но плохо проработаны наружные выступы, один из них почти не выделен. На кольце после отливки наросты и швы от вкладышей. Изделие отлито в двусторонней литейной форме, линия разъема которой проходила по боковым поверхностям изделия. Вначале отливалось звено удил, кольцо и стремечко которого находилось в одной плоскости. Судя по характерным наплывам металла, воспроизводившего поверхность литейной формы, отливка производилась в глиняной литейной форме. После получения отливки первого звена, оно заформовывалось в глину и затем доливалось второе звено, кольцо и стремечко которого находились в разных плоскостях. Литейная форма двустворчатая, линия разъема проходила по боковым поверхностям стержня и через центр кольца, что фиксируется по остаткам литейных швов. После получения отливки деформация металла была незначительной, поэтому не были убраны литейные наросты. Нарезки образовались в процессе литья – были нанесены на створки формы. В общем, схема отливки идентична удилам с дополнительным отверстием. Отлиты из довольно чистого медного сырья (олова около 1%, мышьяка десятые доли процента). Этот тип удил имеет широкий хронологический и территориальный диапазон бытования. Работами украинских археологов доказано появление их еще в предскифское время. При их датировании важное значение имеют псалии.

Псалии двух типов – двух- и трехдырчатые.

Псалии двухдырчатые круглые в сечении (2 экз.). Один конец, изогнутый внутрь, утончен и скруглен, а противоположный – прямой и уплощенный. Кроме того, стержень одного псалия сильно изогнут на уровне верхнего отверстия. 1. Псалий с прямым стержнем имеет более узкую ложечку со скругленными углами и сточенным с внутренней стороны концом. На плоскости ложечки вид-

ны поперечные линии от шлифовки, особенно с наружной стороны. Псалий тщательно зашлифован. 2. Псалий с изогнутым стержнем на уровне отверстия. Зашлифован хуже предыдущего, в основном между отверстиями остались мелкие углубления и шероховатость. Употреблялись с удилами с двухплановым расположением отверстий. Отливались в разных литейных формах, судя по следам литейных швов, проходивших по обеим сторонам центральной оси изделия, в двухсторонней литейной форме. В остальном схема литья такая же, как и у трехдырчатых псалиев. Изготовлены из оловянной бронзы (олова 5-10%) и сотые доли мышьяка (0,02%).

Псалии трехдырчатые с одноплановым расположением круглых отверстий в середине стержня (2 экз.). Верхний конец у них широкий, ложечковидный, а противоположный – круглый в сечении и утончен и изогнут, как и у предыдущей пары двухдырчатых. Псалии тщательно отшлифованы, лишь между отверстиями просматриваются следы от литейных швов. 1. У псалия ложечка с боков скруглена, а на конце приострена. 2. Псалий имеет слегка изогнутую ложечку в противоположную сторону от круглого конца. Ложечка по размерам идентична ложечке первого псалия. Трехдырчатые псалии употреблялись с простыми стремячковидными удилами. Отлиты в двухсторонней литейной форме со вставными вкладышами. Линия разреза формы проходила по центральной оси изделия. Затем они были прокованы в холодную с целью удаления пороков литья. Степени обжата металла порядка 20 – 40 %. Отлиты из оловянной бронзы (олова до 10 %) с примесью мышьяка десятые доли, свинца, висмута, серебра, железа сотые доли процента. Точной аналогией этому типу удил являются бронзовые и костяные псалии из курганов 14 и 15 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, с. 135, табл. III, 3, 4, 11, 12), но в отличие от них измайловские имеют более широкую ложечку на конце.

Остальные предметы конского снаряжения составили:

Трочные пряжки (2 экз.) отливались по одной литейной форме. Заливка в двухстороннюю литейную форму, лицевая створка которой особенно тщательно отделялась и была с вогнутым рельефом. Противоположная же створка с выпуклым рельефом была, видимо, глиняной. Затем одна из отливок была заформована в глину и долита кнопка-шпенек, что фиксируется характерными наплывами металла у ее основания.

Обоймы (ворворки) (2 экз.). Цилиндрические с плоским щитком и четырьмя боковыми отверстиями. Располагались в местах перекрещения ремней. Обоймы подобной формы были широко распространены в раннекочевническую эпоху. Изготовлены из оловянной бронзы (олова 5-10 %), мышьяка сотые доли процента. Отливались в глиняной двусторонней литейной форме. Вначале отливалось кольцо с плоской крышкой (верх), что фиксируется литейным швом по внутренней окружности кольца, затем изделие заформовывалось в глину и производилась доливка и перегородок. Литье второй обоймы производилось по такой же схеме.

Обойма (ворворка) миниатюрная цилиндрической формы с прямыми боковыми стенками, плоским щитком и четырьмя боковыми отверстиями. Кольцо с обратной стороны щитка намечено рельефно, но вместо отверстия внутри получилось углубление диаметром 1,1 см (литейный брак). После отливки обойма тщательно зашлифована, убраны все литейные швы. Обойма изготовлена из оловянной бронзы (олова 3-5 %) с примесью мышьяка сотые доли процента.

Пронизка-наконечник с конусовидным верхом, полая. Отлита из оловянно-мышьяковой бронзы (олова 5-10%, мышьяка 3-5%), с примесью железа десятые доли процента. Изделие отлито в двусторонней литейной форме (следы швов на боковых сторонах втулки) со вставным вкладышем. После отливки слегка проковано в холодную, отражением чего явились линии сдвигов в структуре металла. Степени обжатия металла порядка 20-40%.

Бляшка-пронизка с плоским щитком и петелькой с обратной стороны. Изготовлена из оловянной бронзы (олова до 10%), с примесью фосфора десятые доли процента и сотые доли процента мышьяка и железа. Отлита в трехсторонней литейной форме, что документируется наличием швов в месте стыковки петли. По обеим основаниям петли ясно прослеживается литейный шов, который проходит и по продольной оси петли. Форма разъемная – в одной створке отливался щиток, а в двух других – петля. Затем изделие было проковано в холодную с целью удаления пороков литья. Степень обжатия порядка 30-40%. Кроме того, имеются еще три аналогичные бляшки-пронизки из этого набора, технология литья которых общая с предыдущей.

Пуговицевидные бляшки-пронизы (2 экз.) отливались в трехсторонней литейной форме, что документируется наличием литейных швов. Форма разъемная – в одной створке отливался щиток, а в двух других – петля.

Анализ состава металлических находок Измайловского могильника переходного периода от бронзы к железу показал исключительную роль оловянных бронз при отливке изделий различного функционального назначения, при этом лигатура олова-элемента сдвинута в сторону высоких концентраций, достигая максимума в интервале 5-10% и 15-20 %. Характеризуя в целом технологическую структуру бронзовой продукции этого периода, отмечаем доминирующую роль оловянных бронз, употребление в единичном количестве оловянно-мышьякового сплава и чистой меди. Металл изделий отличался высоким качеством, все примеси, в том числе свинец, присутствовали в низких концентрациях (сотые и тысячные доли процента).

IV группа изделий эпохи ранних кочевников из могильников Измайловка и Соцшыгыс.

Зеркало с ручкой и с изображением на диске кошачьего хищника в скифо-сибирском зверином стиле из подбойного захоронения. Изготовлено из оловянной бронзы (3-5%), примеси мышьяка и железа десятые доли %, а остальные примеси в сотых и тысячных долях %. Зеркалу посвящена обширная публикация.

Зеркало с бортиком и петлевидной ручкой на обороте (могильник Соцшыгыс) изготовлено из мышьяковой бронзы (мышьяк 5-10 %), десятые доли % олова и железа.

Обоймы-проници, бляха круглая и бляха-пронизь от уздечного набора изготовлены из оловянно-мышьяковой бронзы.

Обойма изготовлена из чистой меди, олово в ней составило десятые доли %, а также десятые доли серебра и железа.

Заклепка от берестяного сосуда изготовлена из оловянно-мышьяковой бронзы (олова 15-20, мышьяка 3%). Десятые доли составили примеси серебра.

В IV группе изделий оловянный компонент варьирует в широком интервале концентраций Концентрации мышьяка свидетельствуют о распространении оловянно-мышьяковых бронз. Шесть образцов из восьми показали наличие приплава оловянно-мышьяковой лигатуры к медной основе изделий.

Цветной металл эпохи ранних кочевников, согласно интерпретации аналитических данных, сохраняет традиционные рецепты металлургических типов сплавов предшествующего переходного периода от бронзы к железу, но на этом этапе исторического развития для металлургического производства наиболее характерны именно оловянно-мышьяковые бронзы. Последние широко использовались в сакскую эпоху в цветной металлургии на территориях Центрального и Восточного Казахстана и в меньшей степени Семиречья. Искусственные добавки олова и мышьяка давали металлу нужные технологические параметры для придания высокого качества изделиям.

Таким образом, рудная база представлена местным сырьем и она практически оставалась неизменной в течении двух тысячелетий. Рудные источники в восточноказахстанском регионе, как известно, отличались богатством на медь, олово, свинец, мышьяк, серебро железо и другие цветные металлы и широко разрабатывались в эпоху бронзы и в более поздние века. Касситеритовая руда обеспечивала оловом не только собственный производственный комплекс, но и широко участвовала в бронзолитейном деле на соседних территориях.

Для сравнения приводятся данные анализа цветного металла из погребенный тюркского времени, который отличается абсолютной стандартизацией и стабильностью рецептуры сплавов. Коллекции предметов конской узды и украшений из могильников Измайловка (IX-X вв.), Белокаменка (X-XI вв.), Жаргас/Джаргас (VIII-X вв.), Ак-Чий (VIII-X вв.), Темир-Канка (IX-X вв.) и Карашат I (IX-XI вв.). Бронзы представляют собой сложные компонентные сплавы. Одно из ведущих мест заняли лигатуры с цинком (латуни). Изделия из могильников Карашат I и Жаргас, выплавлены из медно-цинкового сплава, часть образцов из могильника Карашат I – из четырехкомпонентного медно – оловянно – свинцово – цинкового сплава. Серии изделий из могильников Ак-Чий, Белокаменка, Измайловка продемонстрировали другой тип сплава – медь с искусственной примесью олова (5-10%) и свинца (3-5%). Зафиксировано и несколько других

вариантов: олово, – свинец – цинк; олово – свинец – мышьяк, олово – свинец – мышьяк – сурьма; олово – свинец – висмут и др.

Таким образом, в результате спектрографического и металлографического исследований бронзовых изделий из могильников Шульбинского микрорайона, разделенных на группы по хронологическому признаку, удалось проследить длительную историю металлургического производства восточноказахстанских бронз Шульбинского микрорайона в разные эпохи. По смене рецептов бронзовой продукции можно составить хронологическую производственную шкалу деятельности древних металлургов – литейщиков.

Литература:

- Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры. // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.
- Арсланова Ф.Х. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника. // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.
- Арсланова Ф.Х. Археологические находки в Казахстане. // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983.
- Берденов С.А. Казахская горно-металлургическая область. // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы-М., 1998. – Вып. 2.
- Берденов С.А. Древнее горное дело Казахстана. // Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс: матер. симпозиума. – М., 2002.
- Берденов С., Самашев З., Штолльнер Т., Черны Я., Ермолаева А., Куц Г. Древнее горное дело и металлургия Восточного Казахстана (начало работ по казахско-германскому проекту). // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2004. – Вып. 3.
- Вишневская О.В. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. – М., 1973.
- Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и эпохи бронзы. // САИ. – 1971.
- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. // Казаки. – М.-Л., 1927. – Вып. В3-12.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л., 1950.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. // САИ. – 1966. – Вып. В4-9.
- Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. – 177. – 1971.
- Литвинский А.Б. Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972.
- Матющенко В. И. Исследование Еловского II могильника (1961 – 1969): Предварительное сообщение. // ИИС. – Томск, 1969. – Вып. 2.
- Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. // Тр. Института истории, археологии и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата, 1958.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. // МИА. – 1960. – 88.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. // МИА. – 1962. – 118.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. // МИА. – 1959. – 73.

О технологии изготовления бронзовых удил раннего железного века

Проблема технологии изготовления бронзовых удил раннего железного века рассматривается рядом ученых уже долгое время. Впервые разработка этой проблемы началась В.В. Радловым еще до революции (Гришин, 1960, с. 157). В работе 1950 г. М.П. Грязнов рассмотрел способ отливки алтайских удил пазырыкского времени (Грязнов, 1950, с. 45). Интересна работа Ю.С. Гришина, посвященная анализу способов изготовления тагарских удил (Гришин, 1960, с. 136-207). Перечисленные авторы предлагали следующий вариант технологического процесса: в керамическую форму отливалось первое звено, затем к нему приливалось второе, но уже в другую форму с использованием системы вкладышей. Подготовка вкладышей, их подгонка и притирка к основной литейной форме для каждой последующей пары удил на практике технологически сложна.

Отдельно можно выделить работу Р.С. Минасяна, которая посвящена способам литья удил в различных регионах скифо-сарматского мира (Минасян, 1994, с. 157-163). Исследования А.А. Тишкина отражают другой способ соединения звеньев удил. Автор согласен с вариантом литья по восковой модели внутреннего кольца асимметричного звена удил, соединение двух звеньев происходит в глиняно-песчаной формовочной массе. Однако он считает изготовление стержня и внутреннего кольца удил одновременными процессами, указывая на аморфные заплывы литейных швов (Тишкин, 1998, с. 79-81). А.И. Симухин опровергая вариант Ю.С. Гришина об изготовлении кольца путем оттиска твердой модели в створках, и пересматривает способ соединения колец удил. Исследователь полагает, что фиксируемый модельный шов образуется в результате изготовления модели кольца из пластичного материала, которая была обернута вокруг глиняного стержня, в который, в свою очередь, было вмазано кольцо первого звена. Соответственно, с утратой восковой модели, выплавлялись только повернутые внутренние кольца удил (Симухин, 2007, с. 16, 175-181). Вариант изготовления, удил предложенный А.И. Симухиным предпочтителен именно в случае ремонта изделия.

Указанные авторы, на наш взгляд, не учитывают важного момента: у подавляющего количества удил звенья морфологически идентичны и отличаются только повернутым кольцом соединения одного звена; кроме того, исследователи указывают на необходимость экспериментальных исследований. Такие работы были нами проведены.

Начальный этап производства всегда заключался в изготовлении литейной формы.

В результате анализа имеющегося археологического материала, проведенных экспериментов и некоторых логических соображений представляется, что отливка удила осуществлялась по восковым моделям в утрачиваемые керамические формы, а восковые модели изготовлялись литьем модельного состава в двустворчатые керамические формы, резе ручной лепкой из размягченного воска. Рассмотрим эти моменты подробнее.

Во-первых, материал литейной формы – глина или обожженная глина. В известной авторам литературе и источниках не встречено упоминаний о находках литейных форм или их обломков, хотя изготовление конской упряжи, несомненно, было массовым производством, и от него, особенно в крупных металлургических центрах Кавказа, Алтая и Тывы должны были остаться фрагменты литейных форм и сами формы. Морфологическая идентичность многих изделий, а порой и абсолютная одинаковость, факт известный для большинства исследователей. Конечно, существовали исключения: наличие в одной сцепке различных по виду, а иногда и по способу изготовления удила, которые, естественно, мало похожи друг на друга. Удила – быстро изнашиваемая часть упряжи, а удаленность кочевника от мест изготовления, отсутствие формы имеющих удила, необходимость их ремонта объясняет это.

Технологический процесс изготовления двустворчатой формы достаточно трудоемок, требует определенного мастерства, знания множества нюансов по качеству глины и ее физических свойств. Нами велась экспериментальная работа по созданию керамических створок форм для изготовления моделей удила, в процессе которой были получены следующие результаты. Решающими условиями пригодности формы и предложенной ниже технологии ее изготовления, стали: предварительное отмучивание глины, создание определенного состава теста глины, желательно тощего (он более гигроскопичен). Важным моментом при изготовлении глиняной пластины является избежание сохранения пузырьков и непроямость глины при формовке. В противном случае форма может лопнуть при обжиге.

Ю.С. Гришин и А.И. Симухин представляли упрощенный способ изготовления негатива формы по оттиску готового изделия или модели в глине (Гришин, 1970, с. 74; Симухин, 2007, с. 17), но при изготовлении формы, прежде всего, нужно учитывать усадку глины, чему исследователи не придали значения. При проведенном нами опыте подобного изготовления негатива глина створки расширялась, появлялись трещины, которые трудно устранить, а при обжиге створки распадались именно по трещинам. Негативы отпечатков, даже если не упоминать про усадку глины, в итоге, не соответствовали оригинальному виду изделия. Неравномерное поднятие глины по краям оттиска усложняло следующий важный этап изготовления – притирку форм и главное – совмещение негативов изделия на створках.

Но прежде стоит сказать о сушке плиток. Сушку створок форм мы проводили при щадящих режимах температуры и влажности. Сушка в песке составила от 8 до 12 дней, этот способ представляется нам самым удачным. В песке не происходит коробления створок. Далее следует притирка створок, плотность прижатия которых друг к другу важна для удачной отливки восковки. После варианты технологии изготовления расходятся: возможны дальнейший обжиг плиток или вырезание негатива (обжиг до вырезания негатива и обжиг после вырезания негатива). Нами были опробованы оба этих способа.

При обжиге в 500-700° С около 30% створок приходили в негодность и дальнейшая работа с ними была бессмысленна. Предварительный обжиг позволяет избежать порчи уже готового негатива, т.к. процесс изготовления последнего более трудоемок. Но нюанс в том, что по необожженной глине намного проще вырезать негатив изделия, и инструменты для резки меньше затупляются. Наиболее предпочтительным кажется первый из указанных способов. Изготовление негатива представляет собой почти ювелирную работу, вырезается по уровням, начиная с самой тонкой части будущего изделия. Работа осуществлялась хорошо наточенным предметом (медный резец, острая кость, яшмовые отщепы), чем тверже инструмент, тем лучше. Один из самых важных моментов – состыковка по осевым линиям двух створок негативов, в противном случае изделие будет бракованным, обязательна разметка на лицевых поверхностях створок. Эти керамические формы использовались для отливки моделей, для будущих утрачиваемых форм.

Всего в ходе эксперимента в 2010 г. было изготовлено 8 различных типов двусоставных керамических форм (пригодных для литья осталось 3). Процесс проб и ошибок позволил определить оптимальные условия для их изготовления (формовка, сушка, обжиг, вырезание негатива). Срок изготовления формы, от момента подготовки глины до обжига – 15-18 дней.

Немаловажно, что применяется для приготовления модельного состава, который будет заливаться в литейную форму. Часть исследователей (Ю.С. Гришин, А.И. Симухин, А.А. Тишкин) предполагают, что в форму может заливаться расплавленный животный жир или смола, но проведенные нами эксперименты позволяют усомниться в этих предположениях. Подобный модельный состав не позволяет достичь той почти идеальной чистоты поверхности, фиксируемой на готовых изделиях. Так животный жир плохо держит форму изделия, а при его выпарке из формовочной массы и последующей заливке металла повышается риск образования раковин и затеков на готовом изделии. Эти особенности делают животный жир почти непригодным для изготовления удил. Смола имеет сильную усадку и хрупкость.

Процесс изготовления воскового состава предполагал добавление в качестве пластификаторов: сосновой смолы или животного жира. Процентное соотношение примесей в смеси предполагает дальнейшее экспериментальное

исследование. Нами использовался натуральный пчелиный воск примерно в 90% от объёма и 10% сосновой смолы. Далее – процесс заливки растопленной восковой смеси, процеженной через плотную ткань, во избежание попадания мусора в глиняную форму, основательно пропитанную водой. Основная проблема заливки – «неспай» и раковины на модели. Однако, это избегается равномерным заливом модельного состава с оптимальной температурой расплава. Весь процесс прост, быстр и удобен, может быть осуществлен человеком с минимальным опытом.

Одна восковая модель отливается за 1,5 минуты. Форма выдерживает любое количество заливок модельного состава. Отлитые восковки могут храниться в прохладном месте долгое время пока не будут востребованы.

Процесс формовки литейных утрачиваемых форм в наших экспериментах выглядел так. Подготовленная восковая модель изделия облепляется составом на основе песка, а связующего – глины (глины – 1 часть, песка – 3 части). От качества формовочной массы зависит удачный результат отливки и чистота изделия. В проведенной нами работе мы столкнулись с такой проблемой – первый эксперимент оказался неудачным – из-за неподходящего состава формовочной массы (слишком много песка: 4 части к 1 части глины) при заливке металла форма потрескала. Химический состав глины также влияет на качество изделия (Русанов, Слепухин, Никитин, 2003, с. 168 – 171). К примеру, сера, содержащаяся в глине, может послужить причиной появления раковин на готовом изделии или разрыва формы. При резком подъеме температуры при заливке металла в форму, происходит испарение серы из глины формы – процесс повышенного газообразования в форме. Высыхание формы составляет не менее 3-х дней, затем со стороны литника вытапливается воск, форма обжигается и тут же в нее заливается металл.

При выборе конкретного типа удил мы руководствовались несколькими обстоятельствами: удила уже были взяты за экспериментальный образец Ю.С. Гришиным и досконально описаны А.И. Симухиным, кроме того, у нас имелись фотографии всех частей данных удил (большое спасибо А.И. Симухину). Речь идет о бронзовых кольчатых удилах с трапециевидными окончаниями, т.н. второй тип тагарских удил. Детальное изучение этого экземпляра позволит более точно его воссоздать и определить моменты, в которых расходятся точки зрения: наша и представленных авторов.

Двусоставные литые бронзовые удила соединены между собой внутренними кольцами звеньев. На изделии фиксируются литейные швы. На месте соединения стержня и внутреннего кольца повернутого звена удил – наплыв. Общая длина в развороте – 20,67 см, соответственно длина плоского звена (далее первое звено) – 10,47, второго – 10,2 см; ширина внешних несколько выпуклых перекладин трапециевидных окончаниях обоих звеньев составляет 3,77 см, высота трапеции первого звена – 2,1 см, второго – 1,9 см. Внутренний размер внешних колец около 2,2 × 2,3 см, внешний диаметр 3,02, и 3,05 см, в сечении

кольца вытянутой подовальной формы со слегка уплощенной верхней и нижней частью, диаметр стержней около 1 см. Внутренний диаметр малых колец составляет 1,2-1,5 см (Симухин, 2007).

Одним из дискуссионных моментов является вопрос о месте расположения литника на изделии. Ю.С. Гришин и ряд других исследователей помещают его на угловой части трапециевидного окончания звена удил. А.И. Симухин считает это неверным: «Следов ликвидации литниковой системы (слом, сруб) или шабрения не зафиксировано, поверхность имеет открытые газовые раковины, мелкие шероховатости естественной округлой формы без следов механической деформации и абразивной обработки. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что заливка металла производилась со стороны внутренних колец, на которых, хотя и не заметно остатков литейного шва и литника в силу механического износа (вероятно и механической обработки), но имеются небольшие наплывы и утолщения ближе к концевой части».

По результатам наших экспериментов мы поддерживаем вариант А.И. Симухина о местоположении литников, что помимо прочего, обуславливается и некоторыми физическими свойствами металла при заливке. На трапециевидных окончаниях, возможно, располагались выпоры, служащие для устранения излишков влаги и газов.

После описанных выше подготовительных процедур и заливки металла в первую утрачиваемую литейную форму, последняя разбивается. Далее изделие очищается от глины, после обрабатывается абразивом, срубается литник – первое звено готово. На второй восковой модели делается разрез стержня удил у «внутреннего» кольца, «внутреннее» кольцо поворачивается на 90° вдоль оси. Затем повернутое кольцо разрезается на месте первого разреза, переставая быть кольцом. В него вставляется «внутреннее» кольцо уже отлитого в металле звена. Разрез кольца на восковой модели слегка нагревается над огнем, запаивается горячим предметом и затем спаивается со стержнем второго, еще воскового звена удил. Готовое изделие, предварительно, окунается в воск, для достижения дополнительного объема внутри формовки, т.к. металл при нагреве расширится и может порвать форму. «Внутренние» кольца металлического и воскового звеньев удил припаиваются друг к другу во избежание свободного их хождения относительно друг друга при создании второй утрачиваемой литейной формы. Металлическая часть и восковая модель формуется в глину примерно до середины стержня металлического звена. Важным моментом является угол расположения продольных осей звеньев, и место взаимодействия восковой части удил и металлической. Первый влияет на качество отливки, нами использовался угол в 140°, второй на количество и сложность обработки внутренних колец полностью готового изделия. Что касается дальнейшей работы с литейной формой, заливкой металла и извлечения готового изделия – процесс повторяется. В результате мы имеем искомые двусоставные литые удила.

Морфологический анализ полученных нами удил подтвердил наличие литейных швов на изделии, аморфного наплыва на стержне удил ближе к внутреннему кольцу, наличие раковин и отсутствие следов от литника на рабочей части изделия. Размеры незначительно отличались от оригинала по причине усадки и модельного состава и металла.

Таким образом, как мы считаем, практическим путем была подтверждена выдвинутая гипотеза о литье бронзовых удил по утрачиваемым восковым моделям, которые в свою очередь изготавливались в двусторчатых керамических формах. Только этим можно объяснить одинаковость внешнего вида звеньев удил. Возможно, отсутствие литейных швов на некоторых готовых изделиях, при визуальной идентичности частей, объясняется не литьем в закрытые формы и не последующей обработкой готовых изделий абразивами, а затиранием швов на этапе обработки моделей, что может быть связано с культурными традициями, престижностью вещи сделанной на заказ и т.п. Все изъяны, наплывы, трещинки, отпечатки пальцев и т.д., оставшиеся на восковой модели при особо тщательном процессе изготовления литейной формы, будут повторяться на металлических изделиях.

Конечно, предложенный вариант является не единственным способом литья для всех территорий скифо-сибирского мира. Вероятно, это лишь общая и основная технологическая схема производства для начального этапа раннего железного века.

Данные погребального обряда – основного источника по археологии кочевнических древностей, казалось бы, противоречат полученным выводам. Так в частности, по данным М.А. Очир-Горяевой для различных территорий степной Евразии в скифскую эпоху характерно малое число комплексов с элементами конской узда, значительно уступающим другим предметам погребального инвентаря в количественном отношении. Для Нижнего Поволжья они составляют 16 погребальных комплексов (5,3% от общего числа), на правом берегу Днепра 3,5%, в Южном Приуралье 13%, для пазырыкской культуры 37,3% (Очир-Горяева, 2009, с. 9-10). Тот факт, что далеко не каждый кочевник захоранивался с уздечным набором, вероятно, говорит об особой ценности последнего, сакральности и символичности. Интерпретация этих фактов не входила в задачи данной работы, и требует специального рассмотрения. Возможно, результаты экспериментальных исследований помогут в разрешении этих вопросов.

Главным итогом, полученным из проведенного экспериментального исследования, является вывод о возможности простого, экономичного варианта производства. Изготовление удил, как элемента конской упряжи – необходимая потребность кочевников того времени. Оно, изготовление и должно быть массовым и дешёвым в производстве. По нашему мнению, подавляющее большинство пар удил в древности были отлиты по принципу утрачиваемой модели, что объясняет отсутствие находок форм, так как керамические формы для изготов-

ления моделей служили очень долго, но были чрезвычайно редки, а литейные одноразовые формы попросту разбивались. Учитывая, что литейные формы из-за состава материала, из которого они изготовлялись – хрупки, в лучшем случае археологи при раскопочных работах обнаружат только кучки прокаленного грунта, а не сами остатки форм.

Литература:

Гришин Ю.С. Производство в Тагарскую эпоху. – МИА. – 1960. – № 90.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л., 1950.

Минасян Р.С. Способы литья бронзовых удил в предскифское и скифское время // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху: матер. заседаний Круглого стола (22-24 декабря 1994 г.). – СПб, 1994.

Очир-Горяева М.А. Особенности погребального обряда кочевников Евразии в скифскую эпоху (по материалам погребений с предметами узды и сопроводительными захоронениями коней) // ВДИ. – 2009. – № 1 (268).

Русанов И.А., Слепухин П.А., Никитин А.Ю. К вопросу о формировании химического состава металла бронзового века // Социально-демографические процессы на территории Сибири: матер. Всерос. конф. – Кемерово, 2003.

Симухин А.И. Технология изготовления бронзовых удил из фонда Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: матер. всерос. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию со дня рождения М.М. Герасимова. – Иркутск, 2007. – Т. 2.

Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998.

Мамедов А.М.

Новое погребение со столом-ложем на р. Илек

*М*огильник Бесоба относится к памятникам бассейна р. Илек, одного из хорошо изученных территорий, занятых ранними кочевниками Южного Приуралья. Исследования, проводившиеся с последней четверти XIX в., особенно в советский период, показали пестроту погребального обряда и разнообразие материальной культуры населения этого региона. Несмотря на это, раскопки последних двух десятилетий дали археологической науке новые, ранее неизвестные материалы по погребальному обряду и значительно пополнили источниковую базу сарматской археологии, порой даже уникальными и яркими образцами материальной культуры. В этой связи следует отметить работы Илекской и Приуральской экспедиций Оренбургского государственного педагогического университета и Института археологии РАН на Покровском могильном комплексе и на I Филипповском могильнике, ранее исследовавшихся А.Х. Пшеничнюком, Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии на могильнике Илекшар I, Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии совместно с Институтом археологии им. А.Х. Маргулана и Германским археологическим институтом (DAI, г. Берлин) на могильнике Сапибулак (Яблонский, Трунаева, 1994; Яблонский и др. 1994; 1995; Яблонский, Малашев, 2005; Пшеничнюк, 2006; Гуцалов, 2009; Самашев и др. 2010).

Из всего большого региона, относящегося к бассейну р. Илек, наименее исследованными являются памятники одного из его крупных притоков – долины р. Хобда, в большинстве своем представляющих собой курганные могильники и в редком случае одиночные курганы, занимающие различные топографические ниши.

Первые археологические исследования памятников р. Хобды связаны с именем известного члена Оренбургской ученой архивной комиссии Кастанье. В 1911 г. им были проведены раскопки курганов близ с. Покровка (Смирнов, 1964, с. 9-10). Через 80 лет здесь же в ходе рекогносцировочных раскопок был раскопан один курган на могильнике Покровка 2 (Моргунова, Трунаева, 1993. с. 15-18). В последующие годы под руководством Л.Т. Яблонского здесь работала вышеуказанная экспедиция Оренбургского государственного педагогического университета и Института археологии РАН. В 2004-2006 гг. экспедицией Актюбинского государственного педагогического института были раскопаны курганные могильники Булак и Талдысай I по верхнему течению в районе пос. Талдысай (Виноградов, Султангалиева, 2007).

В 2010 г. Актюбинской международной археологической экспедицией было проведено изучение памятников в окрестностях пос. Жиренкопа. В результате ар-

хеологических изысканий были получены очень интересные материалы от эпохи ранней бронзы до средневековья, среди которых особый интерес представляет погребение кургана 3 могильника Бесоба.

Памятник расположен в 4 км к ЮЗЗ от пос. Жиренкопа и состоит из пяти курганов, воздвигнутых на слабом возвышении левобережья р. Хобда. Насыпи земляные, довольно крупных размеров. Размеры самого крупного кургана № 1 составляют: высота 8 м, диаметр 60 м. Курганы № 2-4 находятся к северу и образуют протянувшуюся с запада на восток дугу. Курган № 5 стоит отдельно, юго-западнее от первого. Диаметр их колеблется от 30 до 40 м, высота от 2 до 3 м. Все курганы по основанию окружены кольцевыми рвами. К кургану № 1 с юго-запада примыкает неправильной формы сооружение из вала и рва с земляными конструкциями и кулпытасами.

На занимаемом могильником участке, к СВ и ЮВ от курганов, имеются два сооружения (объекты №№ 6-7), функциональную принадлежность которых определить достаточно сложно. Это объясняется тем, что большая юго-восточная их часть была уничтожена вследствие антропогенного воздействия человека (использована под пашню). Они представляют собой округлые в плане земляные и слабо задернованные валы с примыкающими снаружи рвом. При визуальном осмотре сооружений выявить культурные остатки не удалось.

Курган № 3 находился в 45 м к северу от центрального. Насыпь кургана земляная, в плане округлой, в разрезе линзовидной формы. На поверхности кургана визуально прослеживались три западины различных размеров – следы деятельности грабителей. Размеры кургана: диаметр 37 м, высота 2,5 м.

В ходе снятия насыпи в ЮЗ части кургана на глубине 1 м от современной дневной поверхности был обнаружен череп лошади без нижней челюсти. В северо-западном основании кургана были расчищены лежавшие на уровне погребенной почвы два комплекта узды. Они состояли из сохранившихся фрагментов двух железных удил, двух железных двудырчатых псалиев, двух бронзовых псалиев с окончаниями в виде голов лошади и верблюда, трех бронзовых пронизей в виде голов птицы, одной бронзовой бляхи в виде головы птицы с рогом архара на затылке, одной бронзовой пронизи (налобник) в виде головы птицы и одной бронзовой подпружной пряжки, железных круглых и ромбовидных пронизей.

Под курганом было выявлено деревянное сооружение, по периметру окруженное настилом из органики растительного происхождения, устланном на уровне погребенной почвы. Само сооружение имеет плохую сохранность. В результате ограбления особенно сильно пострадала его центральная часть. Остались только сильно раздавленные под тяжестью земли плахи или бревна, к моменту раскопок представлявшие собой спрессовавшееся дерево шириной 1,3 м. Деревянная конструкция, возможно, являлась прямоугольным срубом, ориентированным по направлению З-В. Ее примерные размеры 5,8 x 10 м. Из конструктивных особенностей удалось проследить юго-восточный угол, где бревна диаметром 30-35

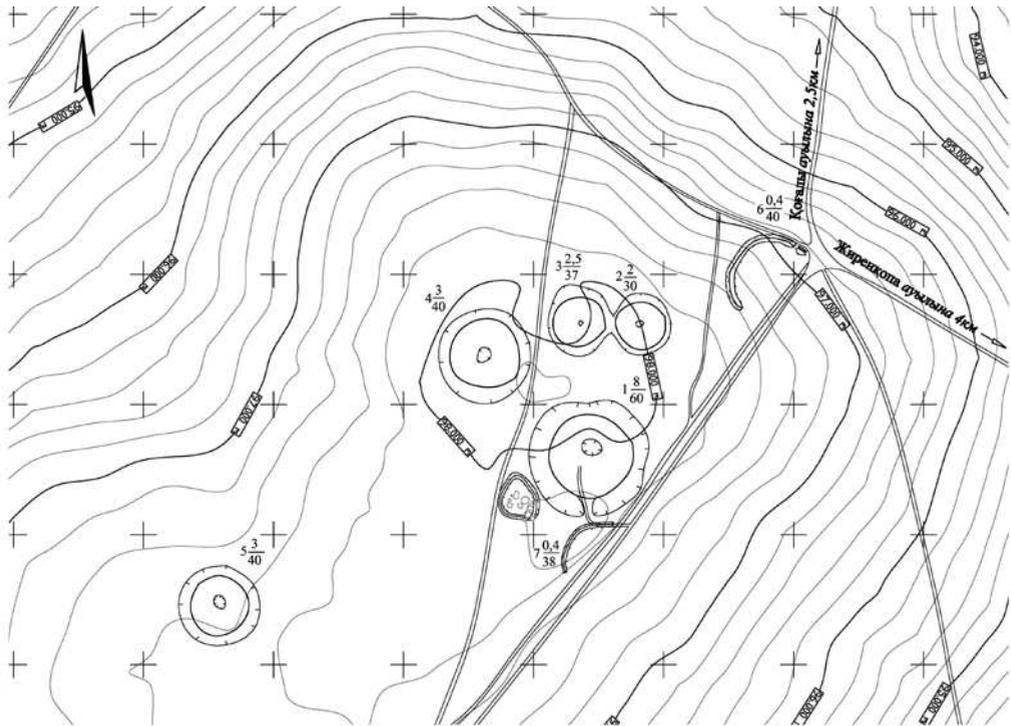

Рис. 1. План могильника Бесоба. 3

см лежали один на другом, а также зафиксировать столбовые ямки с древесным тленом, находившиеся вокруг могильной ямы. Сруб сверху перекрывал накат из положенных продольно бревен. Яма длиной 6,6 м, шириной 4 м и глубиной 0,7 м находилась под деревянной постройкой. Она имела большую прямоугольную форму, ориентированную также с запада на восток. Стенки ямы скошены и испорчены грызунами.

Кости человека и находки встречались в заполнении дополнительной ямы размерами 2,78 x 2,0 м, вырытой у торцевой западной стенки. Длинной осью она была направлена с севера на юг и имела прямоугольную форму. Вдоль стен ямы была сделана неглубокая канавка шириной около 20 см и глубиной 19 см, таким образом, образовавшая стол-ложе. К находкам относились два сосуда, сохранившихся фрагментарно, что не позволяет реконструировать их форму, и предмет узды в виде двух пронизей.

Несмотря на разрушение, памятник сам по себе представляет собой ценный и очень интересный материал для прояснения исторических процессов, происходивших в Южном Приуралье и в сопредельных территориях в раннем железном веке. Говорить о дате комплекса позволяют только предметы конской узды. Железные удила в погребальных комплексах ранних кочевников Южного Приуралья

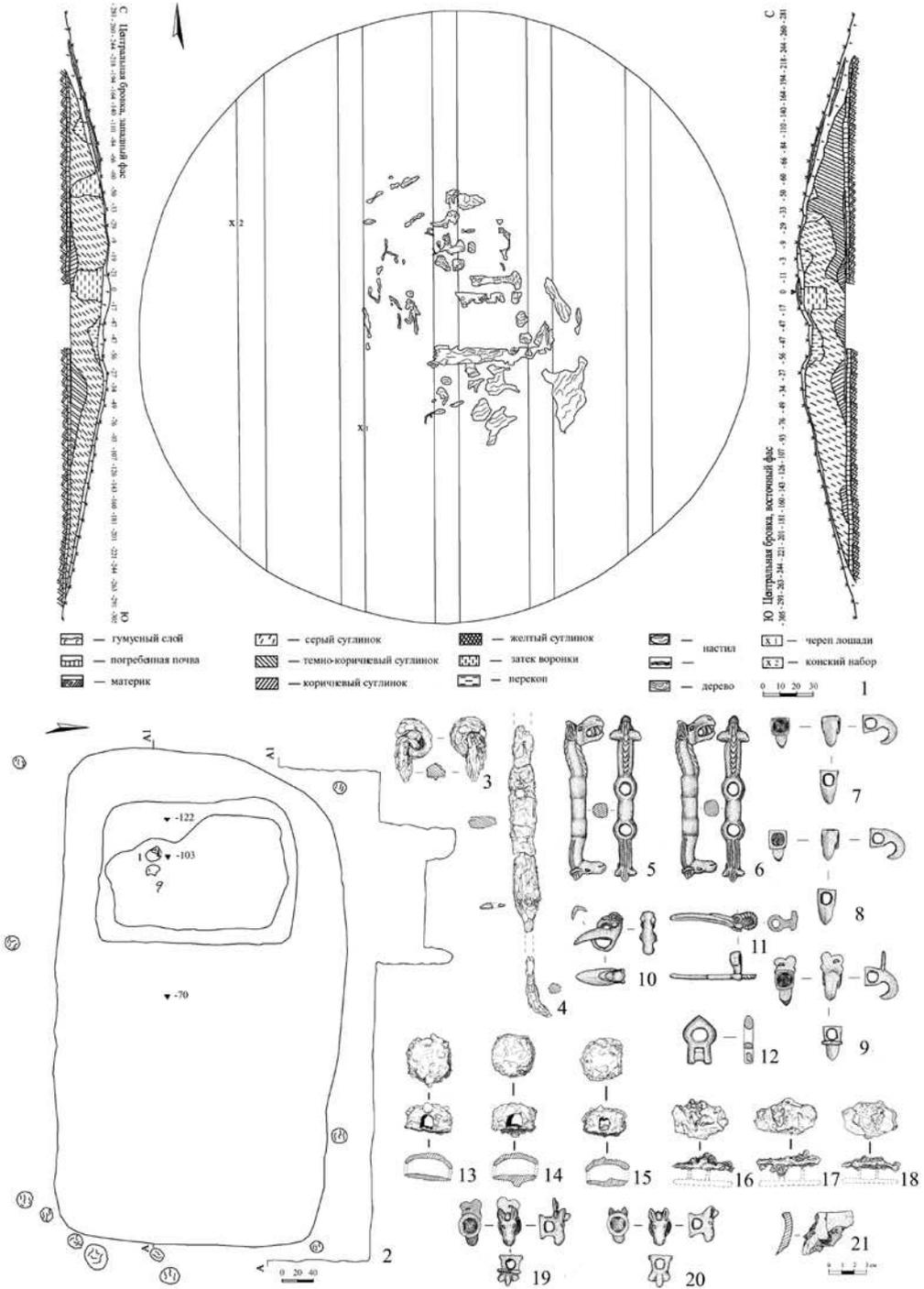

Рис. 2. Могильник Бесоба, курган 3. 1 – план и разрез кургана; 2 – план и разрез погребения; 3-18 – комплект узды с основания кургана; 19-21 – инвентарь погребения.

получают распространение со 2-й половины или с конца VI в. до н.э. Чаще всего они встречаются вместе с железными или бронзовыми псалями (Смирнов, 1961, с. 82). Железные псалии, по классификации К.Ф. Смирнова, возможно, относятся ко 2 варианту I типа, к так называемым Г-образным, найденным в погребениях V в. до н.э. бассейнов Ори и Илека (Смирнов, 1961, с. 84). Бронзовые псалии со скульптурными головками лошадей и верблюдов относятся V типу, применявшихся в V-IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 86). Датировать комплекс в рамках конца VI-V вв. до н.э. позволяют и остальные предметы конской упряжи, находящиеся аналоги в курганах Южного Приуралья особенно в могильниках Мечетсай, Пятимары I, Илекшар I и Кырык-Оба II (Смирнов, 1964, с. 49-52, рис. 21, 27-29, 32; Гуцалов, 2009, с. 75-78, рис. 3; он же 2011). Необычны круглые и ромбовидные пронизи, являющиеся довольно редкими находками на территории Южного Приуралья. Схожие предметы происходят с того же Мечетсайского кургана 2 и из кургана 7 у с. Сара (Смирнов, 1961, с. 96-97, рис. 50, 56).

Погребальный обряд рассматриваемого объекта позволяет отнести его к разряду элитных памятников Южного Приуралья, особенностью которых является наличие деревянной конструкции, органического настила иклада металлических изделий на погребенной почве (Смирнов, 1964, с. 82; Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 145; Гуцалов, 2004, с. 94). К погребениям этого типа на территории Южного Приуралья относятся погребение 2 кургана 10 могильника Бесоба и погребение 2 кургана 3 могильника Покровка 2 конца VI-V вв. до н.э. (Гуцалов, Макаревич, 1987, с. 34-35, рис. 31; Яблонский, 1994, с. 33-35, рис. 49), а также погребение 4 кургана 1 могильника Кырык-Оба II конца V-IV вв. до н.э. (Сейткалиев, 2010, с. 46-47, рис. 1).

Говоря о характере распространения таких могильных конструкций, стоит отметить, что все известные к настоящему времени памятники как и дромосные, подбойно-катакомбные погребения и погребения, совершенные на уровне древней поверхности, приурочены к бассейнам рек Урал и Илек. Как правило, они применялись в процессе совершения захоронений индивидов с высоким социальным статусом.

Аналогичные погребения хорошо известны на территории Северного Причерноморья и на Среднем Дону, но, в отличие от южноприуральских, для них характерны облицовка стен могильной ямы и столбы, фиксирующиеся в канавках (см. напр., курганы Старинской птицефабрики (Ильинская В.А., 1966); курган у с. Флярковка (Ковпаненок, 1984); мог. Ивановка (Ковпаненко, Скорый, 1988); курганы у с. Яснозорье (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994); Песочинский курганный могильник (Бабенко, 2005); курганные могильники у сел Терновое и Колбино (Гуляев, 2002; и др.). Хотя в лесостепном Приднепровье выделены три памятника с канавками вдоль бортов, где дерево как элемент могильной конструкции отсутствует, датируются они VI, V-III вв. до н.э. (Галанина, 1977, с. 22, 38) и VII-V вв. до н.э. (Ольховский, 1991, с. 22). Южнее, в степной части Северного Причерноморья, V в. до н.э. датируются два погребения (Ольховский, 1991, с. 22).

Населением Приаралья подобные могильные ямы в погребальной практике применялось уже в конце поздней бронзы. Они были отмечены в мавзолеях Северного Тагискена (Вишневская, Итина, 1971, с. 198). В период раннего железного века их число увеличивается. Дно девяти погребений VII-V вв. до н.э. могильника Уйгарак и три погребения VII – сер. VI вв. до н.э. могильника Южный Тагискен были оформлены как столы-ложа. Здесь канавки могли устраиваться как по всему периметру, так и вдоль продольных стенок (Вишневская, 1973, с. 60-61, 120-126; Итина, Яблонский, 1997, с. 30, 69-70).

Вероятно, появление погребений со столами-ложами нужно связывать с миграцией населения Приаралья в Южное Приуралье. Подтверждением этому, по нашему мнению, служит центральное погребение кургана 9 могильника Бесоба, являющегося одной из разновидностей рассмотренных выше могил. Погребальная площадка этого кургана была также оформлена в виде стола, но на уровне древней дневной поверхности. К погребальному ложу с юга был устроен дромос и над погребением находилось деревянное сооружение (Кадырбаев, 1984, с. 89). Схожий погребальный обряд мы находимся и в кургане 26 могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997, с. 13).

Таким образом, можно констатировать, что население Приаралья играло большую роль в процессах культурогенеза, происходивших на территории Южного Приуралья.

Литература:

- Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. – Харьков, 2005. – 284 с.
- Виноградов С.М., Султангалиева Г.С. Отчет об археологических раскопках могильника Талдысай, расположенного на территории Булакского сельского округа Кобдинского района Актюбинской области. – Актобе, 2007.
- Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // МИА. – 1971. – № 177. – С. 197-208.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. – М., 1973. – 160 с.
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 15-18.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья. – Уральск, 2004. – 136 с.
- Галанина Л.К.. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. – М., 1977. – Вып. Д1-33. – 68 с.
- Гуляев В.И. «Амазонки» на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж, 2002. – С. 125-134.
- Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом и осенью 1986 года. – Актюбинск, 1987.
- Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) // РА. – 2009. – № 3. – С. 72-78.
- Гуцалов С.Ю. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. – 2011. – № 1. – С. 81-96.
- Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. – 1966. – № 3. – С. 152-171.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М., 1997. – 185 с.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 84-93.

Ковпаненко Г.Т. «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 107-113.

Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. – 1988. – № 2. – С. 73-83.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. – Киев, 1994. – С. 41-63.

Пшеничнюк А.Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. – Уфа, 2006. – С. 26-37.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степей Скифии (VIII-III вв. до н.э.). – М., 1991. – 256 с.

Самашев З.С., Наглер О.А., Бисембаев А.А., Бидагулов Н.Т., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Дуля В.И. Отчет об археологических раскопках в Актюбинской области в 2009 году // Рукописный архив ИА МОН РК.

Сейткалиев М.К. Раннепрохоровские впускные погребения в курганах некрополя Кырык-Оба II // Изв. НАН РК. – 2010. – № 1. – С. 46-56.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101. – 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. – 380 с.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 141-159.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н. Раскопки курганов савромато-сарматского времени на юге Оренбургской области // Проблемы истории и культуры сарматов. – Волгоград, 1994. – С. 47-48.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. – М., 1994. – Вып. 2. – С. 18-53.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 // Курганы левобережного Илека. – М., 1995. – Вып. 3. – С. 9-47.

Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2005. – Вып. 7. – С. 150-213.

Палеоантропологический материал раннесарматского времени из могильника Майтубек I (Западно-Казахстанская область)

Археологический материал по савромато-сарматскому периоду обширен. Данных по палеоантропологии рассматриваемого периода несравненно меньше, несмотря на то, что они позволяют не только прояснить вопросы сложения антропологического облика населения на конкретной территории, но и уточнить миграционные и другие процессы, протекавшие на широких территориях степной полосы Евразии.

К сожалению, в последнее время исследователями недостаточно полно публикуются изученные материалы. Часто в работах приводится лишь собственное объяснение процессов, протекающих на рассматриваемых территориях, без данных, которые могут быть использованы в анализе другими исследователями. Худшим вариантом (к сожалению встречающимся среди современных работ по палеоантропологии) является, к примеру, описание материала без приведения таблиц, фотографий и каких-либо выводов. Данными таких работ, к сожалению, пользоваться невозможно.

Целью данной работы является предварительная публикация и введение в научный оборот краниологических данных из кургана № 3 могильника Майтубек I, датированных концом III в. до н.э. Комплекс Майтубек I расположен в 5 км к ЮВ от п. Таловка и в 4 км к ЮЗ от п. Майтубек (бывшее отделение № 3 Таловского сельского округа п. Августовка) на возвышенности. Состоит из 3 курганов, вытянутых в направлении З-В. Курган № 3 был раскопан в 2009 г. (Лукпанова, 2009, с. 174).

Было исследовано 3 черепа, измерения проводились по стандартной краниологической программе (Алексеев, Дебец, 1964). В основе работы лежит индивидуально-типологическое исследование, в связи с чем, приведены индивидуальные характеристики имеющегося материала (Табл. 1, рис. 1). Все скелеты определены как мужские (Табл. 1). Сохранность краниологического материала удовлетворительная.

Курган № 3 погребение 2, скелет 1 (45-55 лет). Череп неполный, реставрирован, среднемаассивный, макро- и микрорельеф выражен хорошо. Черепная коробка среднеширокая, визуальна высокая, по указателю гипербрахикранная. Лоб широкий, покатый. Лицевой отдел низкий, широкий. Лицевой отдел по горизонтали уплощен на верхнем и хорошо профилирован на среднем уровне.

Могильник Майтубек I, курган 3, погребение 2, скелет 1 (п.4)

Могильник Майтубек I, курган 3, погребение 2, скелет 2 (п.5)

Могильник Майтубек I, курган 3, погребение 2, (п.2)

Рис. 1. Мужские черепа из могильника Майтубек I.

Орбиты широкие, хамэконхные. Нос среднеширокий, платиринный. Носовые кости узкие, высокие, в профиль сильно выступают. Глубина клыковой ямки средняя.

Нижняя челюсть имеет большие значения мышцелковой, передней и угловой ширины. Высота симфиза и тела челюсти большие, ширина ветви средняя.

Курган № 3 погребение 2, скелет 2 (35-45 лет). Череп неполный, реставрирован, среднемассивный, макро- и микрорельеф выражен хорошо. Черепная коробка узкая, визуальна высокая, по указателю гипердолихокранная. На гипердолихокранию возможно незначительно повлияло преждевременное зарастание швов (краниостеноз). Лоб широкий, средненаклонный. Лицевой отдел низкий, среднеширокий, по указателю эуриен. По горизонтали и вертикали хорошо профилирован. Орбиты среднеширокие, хамэконхные. Нос широкий, платиринный. Носовые кости широкие, высокие, сильно выступают в профиль. Глубина клыковой ямки малая.

Нижняя челюсть имеет большие значения мышцелковой, передней и угловой ширины. Высота симфиза и тела челюсти малые, ширина ветви средняя.

Курган № 3 погребение 2 (35-45 лет). Череп неполный, реставрирован, среднемассивный, макро- и микрорельеф выражен средне. Черепная коробка широкая, визуальна высокая, по указателю гипербрахикранная. Ширина основания черепа средняя при широком затылке. Лоб широкий, покатый. Лицевой отдел низкий, среднеширокий, по указателю эуриен, уплощенный по горизонтали, по вертикали мезогнатный при прогнатной альвеолярной части. Орбиты широкие, хамэконхные. Нос низкий. Глубина клыковой ямки малая.

Нижняя челюсть имеет средние значения мышцелковой и угловой при большой передней ширине. Высота симфиза и тела челюсти малые, ширина ветви большая.

Как известно палеоантропологический материал савроматского периода представлен тремя антропологическими типами: первый – брахикранный, с покатым лбом, массивным надпереносьем, крупным и профилированным лицевым отделом; второй – тоже европеоидный, но с более узким черепом и лицевым отделом; третий – это своеобразный низколицый, с монголоидными особенностями морфологический тип (Ефимова, 2006, с. 134; Балабанова, 2000). Таким образом, наличие всех трех вариантов в одном кургане могильника Майтубек I позволяет говорить о существовании антропологического разнообразия в рассматриваемое время, что подтверждается и данными материалов из могильника Лебедевка как VI-V, так и IV-III вв. до н.э. (Ефимова, 2006, с. 134), а также синхронными материалами из могильников Жусандыой (Китов, 2011, в печати), Акадыр II, Облавка II, Мортык (неопубликованный материал автора, раскопки Ж.Е. Смаилова), Талдысай I (Китов, Фризен, 2007).

Массивный брахикранный, европеоидный и узколицый долихо-мезокранный комплексы имеют аналогии, соответственно, среди андроновского и сруб-

ного населения предшествующего времени. В то время как низколицый «монголоидный» компонент имеет, видимо, связь с лесными популяциями Приуралья и Зауралья (Ефимова, 2006, с. 134).

Наличие монголоидных особенностей, отмечаемых многими авторами, не всегда можно связать с именно монголоидными популяциями. Часто смягченный европеоидный комплекс связан с популяциями уралоидного облика, широко распространенного среди населения Волго-Уралья в более ранние эпохи. По материалам раннего железного века факт наличия уралоидного компонента в савроматских сериях Южного Урала также неоднократно отмечался (Хохлов, Фризен, 2004; Китов, 2007; Китов, 2011, в печати). Надо сказать, что монголоидный элемент, несомненно, начинает проникать в население сарматского круга. Так, к примеру, женский череп из могильника Облавка II (курган № 1, погребение 3) может быть охарактеризован как южносибирский монголоидный (неопубликованный материал автора, раскопки Я.А. Лукпановой). Видимо данный факт может подтверждать проникновение отдельных индивидов имеющих монголоидный облик.

В целом антропологические материалы могильника Майтубек I отражают преемственность от савроматского населения Западного Казахстана, а также позволяет говорить о существовании антропологического разнообразия в рассматриваемое время.

Литература:

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Ефимова С.Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса. Б.Ф. Железчиков, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). – М.: «Восточная литература», 2006. – С. 133-148.

Китов Е.П. Антропологические материалы могильника Жусандыой раннесарматского времени с территории Западно-Казахстанской области // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. конф., посв. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – В печати.

Китов Е.П. Предварительное сообщение о новых антропологических материалах савроматского времени с территории Челябинской области // Кадырбаевские чтения: матер. междунар. научн. конф. – Актобе: «ПринтА», 2007. – С. 233-237.

Китов Е.П., Фризен С.Ю. Краниологические материалы раннесарматского времени из курганного могильника Талдысай I (Западный Казахстан) // Вестник антропологии. Научный альманах. – М., 2007. – Вып. 15, ч. II. – С. 344-348.

Лукпанова Я.А. Погребение прохоровской культуры у с. Майтубек // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: матер. III Междунар. археол. конф. – Астрахань, 2010. – С. 174 – 178.

Хохлов А.А., Фризен С.Ю. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2004. – С. 257-266.

**Краниологическая характеристика мужских черепов
сарматского времени могильника Майтубек I**

		Августовка 1				
		♂	♂	♂		
		45-55	35-45	35-45		
Признак	Линейные:	к.3 п.2 ск.1	к.3 п.2 ск.2	к.3 п.2	n	сред.
1.	<i>Продольный диаметр</i>	178,0	193,0	171,0	3	180,7
8.	<i>Поперечный д.</i>	154,0?	132,0	146,0	2	139,0
17.	<i>Высотный д.</i>	-	-	-	-	-
20.	<i>Ушная высота</i>	-	-	114,0	1	114,0
5.	<i>Длина осн. черепа</i>	-	-	-	-	-
9.	<i>Наим. ширина лба</i>	101,0	100,0	101,0	3	100,7
10.	<i>Наиб. ширина лба</i>	132,0	122,0	118,0	3	124,0
40.	<i>Длина осн. лица</i>	-	-	-	-	-
43.	<i>Верхняя ширина лица</i>	111,0	109,0	108,0	3	109,3
45.	<i>Скуловой диаметр</i>	-	134,0	135,0	2	134,5
46.	<i>Средняя ширина лица</i>	99,0	99,0	96,0	3	98,0
47.	<i>Полная высота лица</i>	-	106,0	105,0	2	105,5
48.	<i>Верхняя высота лица</i>	67,0	66,0	63,0	3	65,3
51.	<i>Ширина орбиты</i>	46,4	48,7	43,7	3	46,3
52.	<i>Высота орбиты</i>	33,2	33,5	31,7	3	32,8
54.	<i>Ширина носа</i>	26,2	27,7	-	2	27,0
55.	<i>Высота носа</i>	46,5	49,6	43,2	3	46,4
sc.	<i>Симотическая ширина</i>	7,2	10,6	-	2	8,9
ss.	<i>Симотическая высота</i>	4,1	5,7	-	2	4,9
mc.	<i>Максиллофр. ширина</i>	17,5	19,5	-	2	18,5
ms.	<i>Максиллофр. высота</i>	7,1	7,8	-	2	7,5
dc.	<i>Дакриальная ширина</i>	21,6	-	-	1	21,6
ds.	<i>Дакриальная высота</i>	10,5	-	-	1	10,5
FC.	<i>Глуб. клыковой ямки</i>	5,7	3,6	3,9	3	4,4
Угловые:						
32.	<i>Наклона лба</i>	-	-	84,0	1	84,0
GM/FH	<i>Профиля лба от g.</i>	-	-	79,0	1	79,0
72.	<i>Общелицевой</i>	-	-	82,0	1	82,0
73.	<i>Среднелицевой</i>	-	-	89,0	1	89,0

74.	<i>Альвеолярной части</i>	-	-	78,0	1	78,0
75.	<i>У.наклона нос.костей</i>	-	-	-	-	-
75(1).	<i>Выступания носа</i>	32,0	34,0	-	2	33,0
77.	<i>Назомаллярный</i>	143,0	134,0	140,0	3	139,0
zm.	<i>Зигомаксиллярный</i>	128,0	136,0	135,0	3	133,0
Указатели:						
8/1.	<i>Черепной</i>	86,5	68,4	85,4	3	80,1
20/1.	<i>Высотно-продольный</i>	-	-	66,7	1	66,7
20/8.	<i>Высотно-поперечный</i>	-	-	78,1	1	78,1
9/8.	<i>Лобно-поперечный</i>	-	75,8	69,2	2	72,5
9/43.	<i>Фронтно-малярный</i>	91,0	91,7	93,5	3	92,1
48/45.	<i>Верхнелицевой</i>	-	49,3	46,7	2	48,0
47/45.	<i>Обицелицевой</i>	-	79,1	77,8	2	78,4
52/51.	<i>Орбитный</i>	71,6	68,8	72,5	3	71,0
54/55.	<i>Носовой</i>	56,3	55,8	-	2	56,1
61/60.	<i>Альвеолярный</i>	-	114,4	113,2	2	113,8
ss/sc.	<i>Симотический</i>	56,9	53,8	-	2	55,4
ms/mc.	<i>Максиллофронтальный</i>	40,6	40,0	-	2	40,3
ds/dc.	<i>Дакриальный</i>	48,6	-	-	1	48,6
Описательные:						
<i>Надпереносье</i>		4,0	4,0	3,0	3	3,7
<i>Затылочный бугор</i>		1,0	1,0	1,0	3	1,0
<i>Сосцевидный отросток</i>		2,5	2,5	1,5	3	2,2
<i>Передненосовая кость</i>		1,0	2,0	1,0	3	1,3
Нижняя челюсть:						
65.	<i>Мыщелковая ширина</i>	123,0	122,0	117,0	3	120,7
66.	<i>Угловая ширина</i>	109,0	108,0	99,0	3	105,3
67.	<i>Передняя ширина</i>	50,0	49,0	48,4	3	49,1
69.	<i>Высота симфиза</i>	35,2	29,2	30,7	3	31,7
69(1).	<i>Высота тела</i>	-	27,9	29,5	2	28,7
69(3).	<i>Толщина тела</i>	14,1	13,4	16,5	3	14,7
70.	<i>Высота ветви</i>	-	-	-	-	-
71а.	<i>Наим.ширина ветви</i>	34,6	32,2	36,8	3	34,5
С.	<i>Угол выступания подбородка</i>	73,0	64,0	70,0	3	69,0

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Акишев Кималь Акишевич – д.и.н., профессор

Алёхин Юрий Петрович – к.и.н., доцент, директор Рудно-Алтайского научного историко-культурного центра, г. Змеиногорск, Россия. E-mail: raniks.07@mail.ru

Алтынбеков Кырым – директор научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым», г. Алматы, Казахстан. E-mail: tengri05@mail.ru

Базарбаева Галия Аппазовна – к.и.н., научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: Galiya_2002@mail.ru

Байсагатов Бекболат Токешович – начальник Управления культуры Карагандинской области, г. Караганды, Казахстан.

Байтанаев Бауыржан Абишевич – д.и.н., генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: baytanaev@mail.ru

Бедельбаева Марина Васильевна – к.и.н., заведующая музеем археологии и этнографии Сарыаркинского археологического института Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан. E-mail: bmv_1967@mail.ru

Бейсенов Арман Зияденович – к.и.н., заместитель генерального директора Института археологии им. А.Х. Маргулана, заведующий отделом Первобытной археологии ИА КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: azbeisenov@mail.ru

Блинов Иван Александрович – аспирант Института минералогии Уральского отделения РАН, г. Челябинск, Россия. E-mail: mohauk@mail.ru

Боковенко Николай Анатольевич – к.и.н., старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доцент кафедры музееведения Санкт-Петербургской государственной академии культуры, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: sakasiberia@hotmail.com

Болтрик Юрий Викторович – к.и.н., заведующий отделом «Комитет полевых исследований» Института археологии НАН Украины, г. Киев, Украина. E-mail: boltryk@ukr.net; adu_kalnyk@ukr.net

Варфоломеев Виктор Васильевич – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан. E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

Дараган Марина Николаевна – к.и.н., научный сотрудник Института археологии НАН Украины, г. Киев, Украина. E-mail: darmar@ukr.net

Дегтярева Анна Давыдовна – к.и.н., заведующая лабораторией палеоэкологии Института проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: anna126@inbox.ru

Джумабекова Гульнара Саиновна – к.и.н., научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: gdzhuma@mail.ru

Ермолаева Антонина Сергеевна – ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: antonina4848@mail.ru

Зайков Виктор Владимирович – д.г.-м.н., профессор, главный научный сотрудник Института минералогии Уральского отделения РАН, г. Челябинск, Россия. E-mail: zaykova@mineralogy.ru

Исмагулова Айнагуль Оразаковна – научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: ainagul_ism@gambler.ru

Китов Егор Петрович – к.и.н., научный сотрудник отдела антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия. E-mail: kadet_eg@mail.ru

Кузнецова Элла Федоровна – научный сотрудник лаборатории археологических технологий ИА МОН РК с середины 1970-х – до середины 1990-х годов.

Кукушкин Игорь Алексеевич – к.и.н., старший научный сотрудник Сарыаркинского археологического Института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан. E-mail: sai@ksu.kz

Курманкулов Жолдасбек Курманкулович – к.и.н., главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: kurmankulov@gmail.com

Ломан Валерий Григорьевич – к.и.н., директор Сарыаркинского археологического Института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, г. Караганда. E-mail: lvg7@yandex.kz

Лукпанова Яна Амангельдиновна – научный сотрудник Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии, г. Уральск, Казахстан. E-mail: yana_2004_75@mail.ru

Мамедов Аслан Маликович – магистр археологии и этнологии, старший научный сотрудник Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии, г. Актобе, Казахстан. E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Мерц Виктор Карлович – к.и.н., директор Центра археологических исследований Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Казахстан. E-mail: v_merz@mail.ru

Мухтарова Гульмира Раиловна – директор Государственного историко-культурного заповедника – музея «Иссык», г. Есик, Казахстан. E-mail: issyk@inbox.ru

Наглер Анатолий – доктор археологии, Германский археологический институт (DAI), г. Берлин, Германия. E-mail: an@eurasien.dainst.de

Никитин Антон Юрьевич – старший инженер Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, г. Челябинск, Россия. E-mail: batosha79@mail.ru

Нурмуханбетов Бекмуханбет – ведущий научный сотрудник Государственного историко-культурного заповедника – музея «Иссык» г. Есик, Казахстан. E-mail: issyk@inbox.ru

Омаров Гани Калиханович – к.и.н., преподаватель КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан. E-mail: gany_omarov@mail.ru

Онгар Акан – к.и.н., заведующий отделом по изучению памятников раннего железного века и древнего искусства Казахстана Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: akan123@mail.ru

Подобед Вячеслав Анатольевич – старший научный сотрудник отдела археологии Донецкого областного краеведческого музея, г.Донецк, Украина. E-mail: achaean@rambler.ru

Полидович Юрий Богданович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Донецкого областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина. E-mail: yurkor@ukr.net

Пьянков Игорь Васильевич – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Новгородского госуниверситета им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия. E-mail: Igor.pyankov@novsu.ru

Рудковский Игорь Владимирович – к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета, г. Томск, Россия. E-mail: lemke2@yandex.ru

Русанов Игорь Алексеевич – преподаватель Челябинского государственного университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: gusanov.igor@mail.ru

Самашев Зайнолла – д.и.н., директор Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астане, член-корреспондент Германского археологического института, г. Астана, Казахстан. E-mail: archaeology_kz@mail.ru

Сентов Абай Мейрамович – научный сотрудник лаборатории археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, г. Костанай Казахстан. E-mail: sajrim@mail.ru

Таиров Александр Дмитриевич – д.и.н., заведующий кафедрой «Древняя история и этнология Евразии» Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: tairov55@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич – д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия. E-mail: tishkin@hist.asu.ru; tishkin210@mail.ru

Толеубаев Абдеш Ташкенович – д.и.н., профессор КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан. E-mail: toleubayev@mail.ru

Торежанова Набира Жанзаковна – научный сотрудник археологического центра Центрального государственного музея Республики Казахстан, г. Алматы, Казахстан

Тулеуов Тулкибай Сактаганович – начальник Карагандинской областной инспекции по охране историко-культурного наследия, г. Караганды, Казахстан.

Усова Ирина Александровна – аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Хабдулина Марал Калымжановна – к.и.н., директор НИИ археологии им. К. Акишева Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан. E-mail: m_habdulina@rambler.ru

Чотбаев Айдос Ербулатович – магистр истории, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: archtopmail@mail.ru

Чугунов Константин Владимирович – СИС Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: chugunovk@mail.ru

Шиманский Евгений Олегович – аспирант Башкирского государственного педуниверситета, Челябинского государственного университета, г. Челябинск, Россия.

Шульга Пётр Иванович – к.и.н., СИС, заместитель заведующего лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Алтайский государственный университет, г. Новосибирск, Барнаул, Россия. E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Яблонский Леонид Теодорович – д.и.н., профессор, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, г. Москва, Россия. E-mail: yablonsky-leonid@yandex.ru

Яценко Сергей Александрович – д.и.н., профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия. E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

Список сокращений

АВ	– Археологические вести
АлтГУ	– Алтайский государственный университет
АН ТаджССР	– Академия наук Таджикской Советской Социалистической Республики
АО	– Археологические открытия
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии
ВДИ	– Вестник древней истории
ЗВОРАО	– Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗСАЭК	– Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция
ИА МОН РК	– Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Изв. АН КазССР	– Известия Академии наук Казахской Советской Социалистической Республики
Изв. НАН РК	– Известия Национальной академии наук Республики Казахстан
ИИС	– Из истории Сибири
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИМК	– Краткие сообщения Института материальной культуры
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ССПК	– Старожитності Степового Причорноморя і Криму
ТАЭ	– Торгайская археологическая экспедиция
ТГУ	– Томский государственный университет
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УАС	– Уральское археологическое совещание

**САКСКАЯ КУЛЬТУРА САРЫАРКИ
В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ**

Тезисы докладов Круглого стола, посвящённого
20-летию Независимости Республики Казахстан

23-25 ноября 2011 г., г. Караганды

Ответственный редактор – *А.З. Бейсенов*

Компьютерная верстка и дизайн – *Е.Н. Калайчиди*

В оформлении обложки использовано изображение с бляшки, найденной во время раскопок кургана № 2 могильника Нуркен-2 (раскопки А.З. Бейсенова). На титульном листе – ажурное изображение стилизованного кошачьего хищника из кургана № 1 могильника Карашоки (раскопки А.З. Бейсенова).

Сдано в набор 31.10.2011 г. Подписано в печать 07.11.2011 г.
Формат 70 x 100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п.л. 17,71. Гарнитура «Times». Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Technology of Imaging»
